

Виктор СЛАВЯНИН

ВРЕМЯ НЕЗАМЕЧЕННЫХ ЛЮДЕЙ

(Futurepast)

КНИГА ПЕРВАЯ

Человек рождается — это начало Божьего мира...

Что сказать о рождении главного героя этих заметок?

О самом факте рождения он знает только из уст своей бабушки Назареты, урождённой Назаренко Дарьи Яковлевны.

Делясь со мной воспоминаниями, он признавался — детское восприятие мира с момента его рождения до дня кончины бабушки было разделено невидимой межой на две половины. По одну сторону — бабушка, по другую — вся и всё остальное. И сегодня с искренней печалью и сожалением он признаётся, что не так часто приходил к этой святой женщине советоваться и раскрывать бескрайнюю детскую душу. Но когда случалось, уходил окрылённый, по-детски уверенный в своих силах. Иногда получал от неё выволочку, какую, уверен, получают все внуки от любящих бабушек.

Родился наш герой в конце второй декады февраля в кабинете директора бывшей сельской школы, в крохотном, на тридцать дворов, хуторе, что в 70-ти километрах на юг от большого Города...

...Маленькая комната с двумя квадратными окошками. В одном вместо стекла большой серый кляп — мешок, набитый тряпичным хламом, который отец, его сестра Мария и бабушка Назарета сумели наскрести по соседям.

За окном мороз градусов двадцать. Снег подпирает колени. За водой нужно идти почти в другой конец хутора. Стены школы, в отличие от хуторских хат-мазанок, ничем не укрыты от морозов. И в комнате постоянно топят печи. Одна никудышняя, негреющая, сжирающая дрова. Вторую отец «выбил»¹ сам прошлым летом из глины, вывед дымовод в канал первой. Под чугунной плитой горит огонь, на ней стоит ведро с водой, рядом с печью ещё одно. Их меняют местами, чтобы у принимающих роды была горячая вода под рукой.

¹ В отсутствие кирпича печи «выбивали», т.е. формовали: в опалубку набивали сырую глину, топтали, оставляли высыхать и обжигали.

У стены напротив окон на железной, раскладной кровати лежит женщина, будущая мама нашего героя, которая готовится вот-вот родить...

У противоположной — широченные нары. Это на приземистые глиняные тумбы, обожжённые будущим отцом героя, уложены куски распиленного тына, сплетённого из толстых веток ивы, задубевших за долгие годы стояния в качестве изгороди. На этом топчане толстый слой ячменной¹ соломы, поверх которой набросано всё мягкое старьё, которое добылось по соседям. Этот «матрац» застелен большой белой простыней. На постели под стёганным одеялом, сшитым из кусочков-лоскутков ткани, лежат трое двоюродных братьев героя, детей тётки Марии. Старшему — 8, среднему — 7, и младшему — 5. Их отца нет с ними уже пять лет. А младший даже не видел его. Бабушка ждёт возвращения зятя, тётка Мария — мужа, а дети — отца. Ждут уже шестой год. Вера в его возвращение упрятана на столе под льняную скатерть. Это бумажка, на которой машинописными буквами власть известила, что муж, он же отец, осуждён на «десять лет без права переписки»². Его расстреляли на смертоприимном полигоне в Быковне³ как организатора хорошо «законспирированной, подпольной партизанско-подрывной» организации. Как по-иному? Коль есть лес, то должны быть и партизаны... А начальник лесного хозяйства Черниговской области, конечно, им командир. Значит, он в стороне от всенародного, радостного дела — «стахановской» борьбы с предателями священной идеи «окунуть всё человечество в счастье, где нет еды и штанов» — в мировую революцию.

Рядом с этой кургузой бумажечкой, украшенной печатью, расплывшейся от слёз, другая, на которой бабушка ежедневно ставит огрызком чернильного карандаша палочку, прибавляя день к прошлому, отбирая по дню от будущего. Палочек таких уже 2000. Осталось дописать 1650.

Братья одеты во всё, что есть, чтобы не мёрзнуть. Старший и средний спят. Младший крутится под одеялом, не желая уснуть.

Между окнами ещё столик, на котором отдыхает накрытый скатёркой кормилец — чёрно-золотистый ручной «Zinger». С его механической помощью отец героя обшивает всю округу. Рядом — на табурете стопка белых тряпочек. Они ждут появления героя... Под столом на глиняном полу лежат стальная сапожная нога и два десятка обувных колодок. Они тоже кормильцы семьи.

На стене в простенке между окошками тикают жестяные ходики с тяжёлой чёрной гирькой на цепочке, которая незаметно, спускаясь к земле, толкает время вперёд. В полумраке экономого огня керосиновой трёхлинейки стрелки скоро придвинутся к полночи.

Бабушка Назарета непрерывно ходит в сени и приносит по половинке маленького ведёрка «кирпичиков» из козых кизяков. Ими топят. К едкому запаху этого топлива все привыкли. И не до запахов сейчас...

— Петюшик, ходь за водой, — просит бабушка.

Отец долго смотрит на жену, которая тяжело дышит, и при каждом вздохе лицо искажается болевой гримасой... По медленным движениям этого крепкого мужчины видно, что идти ему не хочется — боится оставить жену. Да и неудобно выбираться в морозную ночь. Переводит взгляд на сестру.

— Воды много нужно, Петюшик, — говорит Мария. — Если бы сюда деда Никифора, як бы сразу легко стало...

Бабушка понимающе кивает, соглашаясь с дочерью.

Отец набрасывает на себя толстое полупальто из солдатского сукна, натягивает шапку, достаёт из угла коромысло, уходит в ночь...

Бабушка Назарета смотрит вслед сыну и шепчет:

— Ну, чистый дед Никифор...

¹ В отличие от жёсткой, твёрдой соломы ржи или пшеницы, ячменная очень мягкая, шелковистая.

² Иезуитская формулировка, придуманная в недрах ОГПУ-НКВД, для родственников расстрелянных граждан, с единственной целью - принудить родственников не разыскивать близких.

³ Быковня - место по дороге на север от Киева, где в лесной чаще большевики расстреливали приговорённых «тройками» «врагов народа».

НИКИФОР БЕСПАЛЫЙ КОРНЕЕВИЧ

1

Отцовская семья нашего героя, по результатам назойливого бередения уже нестройной памяти постаревших родственников, брала начало от старика Никифора Корнеевича, по записям в церковных и общинных книгах Беспалого. Иных Докорнеевичей ничья память почти не сохранила.

Почему и когда это прозвище прилипло к кому-то из дедов, никто не помнил. Вспоминали изредка какого-то Северина Гордеевича.

О свёкре Дарья Яковлевна вспоминала с особой почтительностью, ставя его дела в пример «непутёвым» внукам.

...Вернулся Никифор Беспалый в родное село с военной службы неожиданно. Пришёл с завязанной левой рукой, ведя за собой большого светло-гнедого коня без единой белой проплешины¹, под седлом, нагруженного большим, увесистым вьюком. За спиной он нёс что-то похожее на клетку, в которой, попискивая, сидели два остроухих рыжих щенка.

Хозяйничать двадцатидевятилетний Никифор начал с женитьбы. Старуха-мать посоветовала заглянуть к некоему Харитону Корчаге, двор которого стоял рядом с сельской церковью. По её пониманию туда нужно было обязательно сходить по двум причинам: сам Корчага помер внезапно, оставив после себя стельмахство² и двух молодых девок, одна из которых была на выданье.

Никифор оседлал коня и ускакал в повесть³.

Там, в крамнице⁴, купил короткопалую, серого цвета шляпу, в казённой лавке — бутылку «белоголовой»⁵ водки. Вернувшись, пошёл на край села, где хозяин держал индюков, попросил у него два пера из индюшачьего хвоста. Сосед поймал старого индюка и выдернул несколько перьев из хвоста. Беспалый одно пришил к шляпе дратвой на левый бок тульи, чем напугал старуху-мать. Увидев на голове сына невиданный головной убор, крестьянка, сказала, словно молила Бога избавить мир от смертного греха: «У нас так не носят...»

Свататься Никифор отправился один в пасхальный апрельский день. Снял тряпку на левой руке, оголив ещё не совсем зажившие культы пальцев. Надел чёрный китель кавалергардского мундира, ботфорты. Взял узелок с паской⁶, десятком писанок⁷, бутылкой «белоголовки», прикрыл голову «тиролькой» и заявился в хату Корчаг.

Венчание прошло уже через неделю.

А ещё через неделю Никифор уехал на гренадёрском коне в Сорочинцы, продал его на ярмарке вместе с седлом. За половину вырученных денег купил двух молодых волов. Со двора тёщи Корчихи прикатил воз, поставил в ярмо купленных волов и уехал в Крым. Вернулся через два месяца. Волы привезли дюжину мешков с солью. И Никифор каждое воскресенье ездил в Сорочинцы продавать привезённый белый песок.

¹ Символ принадлежности к Первому эскадрону Кавалергардского полка Его Императорского величества.

² Стельмахство - изготовление телег и бречек.

³ Повесть - административная единица, определявшая общинную форму землевладения.

⁴ Крамница - магазин, где продавался крам: ткани для шитья (укр.).

⁵ Торговля водкой в РИ была делом государственным. Выпускались два сорта: первого с крышкой красного цвета («красноголовая») по цене 40 коп. и «белоголовая» второго сорта двойной перегонки по цене 60 коп. за бутылку (0,61 л).

⁶ Паска - кулич (укр.).

⁷ Писанка - пасхальное яйцо (укр.).

Но чаще других историй Дарья Яковлевна рассказывала, как среди ночи на конюшню деда Никифора влезли цыгане. Знать бы этим незатейливым конокрадам, что бывший кавалергард, сопровождавший в составе охранного эскорта одной из светлейших особ царской фамилии в Богемию на воды, привёз оттуда те только беспалую руку, но и пару щенков большого немецкого шпица...

Надо сказать, что эти собаки не нуждались в конурах. Спали «немцы» в яслях, из которых кормились кони, и считали сторожевую службу при лошадях своей священной обязанностью. Они появлялись во дворе, только когда в конюшне не было ни единой лошади, тем более жеребёнка, и их никогда не видели на сельской улице.

Конокрады, проделав дыру в соломе крыши, опустили прямо в ясли, где ночевали псы... и налетели на почти акульи зубы обожателей лошадей. Собаки нарезали куски мяса на ногах и руках у незадачливых воришек... Слыша крик и вопли на конюшне, Никифор глянул в окно и, не увидев в лунном свете на пустом дворе человеческих фигур, даже не вышел из хаты полюбопытствовать причиной суматохи.

В рассказах бабушка всегда делала упор на «положительные» особенности характера прадеда Никифора Корнеевича — жадность к работе и скупость на покупки «ненужных» вещей. К моменту, когда в семье появилась сноха Дарья, дочь соседа Якова Назаренко, выданная за старшего сына Беспалого Василия, в хозяйстве у Никифора Корнеевича было три пары волов, четыре коровы и донцы — жеребец и пять корбыл с жеребятами одни меньше других.. О свиньях, телятах, ягнятах и прочей мелкой живности бабушка вспоминала походя, как само собой разумеющееся. Говорила чаще о жеребятках, которые стояли во дворе до трёхлетнего возраста, а потом продавались в Сорочинцах.

Возил прадед на ярмарку и щенков шпица. Продавал их только в дальние сёла. Почему? Бабушка этого объяснить не могла.

Особо помнился её рассказ о скупости Никифора Корнеевича. Экономил он на всём...

...Ужин в хате. За столом Никифор Корнеевич и сыновья: двенадцатилетний Василий и шестилетний Ярема. Мать достаёт из печи горшок с картошкой. Ставит на стол. Никифор Корнеевич подходит к стене, снимает с гвоздя нитку, на которой под потолком висит фунтовый кубик жёлтого сала, обсиженный мухами. Сало опускается, тонет в столбе пара, поднимающегося из горшка, как из кратера вулкана. Дети и жена смотрят на ржавый кусочек, вдыхают неприятный аромат прогорклого жира и едят картошку «вприглядку».

Во дворе возня. Кто-то шумит в сенях...

Никифор Корнеевич выходит из хаты.

Мать, с опаской оглядываясь на входную дверь, хватая нож, отрезает торопливо два больших ломтя от застарелого коричневого куска, суёт детям...

Вернувшийся Никифор Корнеевич сразу узрел татьство. Молча, крепко и назидательно постучал культиями пальцев по столешнице. Но с той поры за завтраком или обедо-ужином на столе всегда были, меняя друг друга, молоко, творог, сметана, кусочки солонины и квашеная капуста. Обедали в привычном смысле только по воскресеньям после возвращения из церкви. А кубик сала висел под потолком до самой свадьбы Василия и Дарьи... на всякий случай.

День свой Никифор Корнеевич начинал ранним утром, убирая за скотом. Поил всю араву тёплой водой, которая всегда ожидала утра в печи.

Возвращался в хату и, садясь за стол, давал сыновьям задание на день:

— Пойдёте молодняк гонять, — говорил Василию. — Сперва — трёхлеток, а потом — двух. А тебе, Ярема, особое поручение... Батогом не сильно хлопай, а то сам заработаешь того ж батогом. Конь — не дурак. Он знает, когда быстро бегти, а когда и повременить. А устанет кто из вас, то возьмёт лопату и начнёт дренажную канаву рыть.

А по селу даже пошла поговорка, что Никифор Беспалый спит, только когда на волах едет.

Но вершиной рачительной экономии была изобретённая Никифором Корнее-

вичем личная печать, которую он ставил на муку, хранившуюся в сухом чулане. Ведал мукой только он. Когда жена начинала готовить квашню для хлеба, снимал с чуланной двери замок, развязывал мешок, набирал полное ведро. Выравнивал белую поверхность лопаточкой. Снимал штаны и садился в муку...

Подделывать отгиск его мужских достоинств не было возможности.

Зато дети учились грамоте у местного попа.

Никифор Корнеевич платил иерею о. Авдию два целковых в месяц за три дня уроков в неделю. Не зная грамоты, он заставлял сыновей, сразу Василия, а потом Ярему, каждый вечер читать вслух то, что задал поп. И вникнув в «проблему», старался не отставать от сыновей. В конце концов, умножал и делил, в отличие от детей, не на бумажке, а в уме и быстро. И сноху Дарью чтению и письму выучил Никифор Корнеевич.

Но кроме малого конезаводства, он занимался стельмахством, которое досталось ему в виде приданого за жену, и теслярством¹. В стельме² всегда стояли две телеги. Одна — готовая к продаже, и вторая, которую мастерил. Принимал заказы и на брички-двуколки. Когда только начинал своё дело, все железные детали — оси, рессоры, люшны, обручи, быльца и подножки — заказывал в повети у местного кузнеца. Но однажды, не получив заказанного по причине запоя мастера, организовал кузницу у себя во дворе.

...Как-то вернувшись из повети ни с чем, он поставил в бричку своего любимца-жеребца Schlaeeger-a³, пристегнул к железному заднику молодого, некованого мерина, подался в Полтаву. Отсутствовал Никифор Корнеевич больше месяца — ходил в подмастерьях у тамошнего кузнеца. Спал на сеновале. Кормился как придётся... но выучился, хорошо усвоив главные слова учителя:

— Гляди на пламя! Не прозевай солидус⁴! Для кования то самое главное.

Попытка узнать, что скрывалось за странным словом «солидус», не удалась до конца. Мастер, тыча короткими пальцами в сторону раскалённых углей, объяснил смысл просто:

— Это значит... не перепалить железо. Перепалишь — только пшик и выйдет, — выдёргивал из огня раскалённую железку и опускал в воду. Та зло шипела, выбрасывая на поверхность пузыри. — От потому пшик и называется.

С той поры Никифор Корнеевич, если хотел похвалить что-то или кого-то, всегда говорил:

— Солидуса не прозевал!

За выучку ковальсту оставил кузнецу трёхлетнего коня, которого подковал сам выкованными им же подковами и гвоздями.

Но главным делом этой учёбы считал умение нажигать древесный уголь.

Работал Никифор Корнеевич в кузнице раз в неделю. Заказы принимал загодя. В такой день на улице у его двора собирался заинтересованный народ. Ковались лошади, отстукивались петли для дверей и ворот, чинились бороны и плуги, менялись лемехи.

В кузнице Никифору Корнеевичу помогали Василий, а потом Ярема — гоняли мехи.

Кони в такой день паслись стреноженными.

В другие дни в мастерской Никифор Корнеевич мастерил лавки, столы, оконные рамы и скрыни⁵.

Бабушка Дарья, глядя на беспечное поведение внуков — раздавание наскучивших игрушек друзьям, — рассказывала назидательно, как Никифор Корнеевич относился к своим инструментам.

¹ Теслярство - столярничество (укр.).

² Стельма - мастерская, где изготавливались телеги и брички (укр.).

³ Schlaeeger - бандит (нем.).

⁴ Солидус - одна из граничных температур кристаллизации металлического сплава.

⁵ Скрыня - сундук для семейного скарба (укр.).

...Пришел сосед спроситься.
 — Корнейч, а дай-ка мне фуганок, — попросил сосед.
 — Пошли в мастерскую, покажешь, — Никифор Корнеевич повёл за собой гостя. Зажёг трёхлинейку. Спросил, указывая на стену, где висели долота, стамески, рубанки, коловороты, шерхебели и зензубели: — Тебе какой? Длинный или короткий?
 — Давай длинный.
 — Я его в прошлое воскресенье у Сорочинцах за два рубля купил. Вот и ты купишь себе в следующее воскресенье.
 Проводил гостя во двор...

Не делал Никифор Корнеевич только гробов.

После учёбы у попа отправил старшего сына в Полтаву. В гимназию Василия не взяли за малостью знаний. Отец определил его, а затем и младшего Ярему в «реальное училище без латыни»¹.

Через год, когда Василий вернулся на летние каникулы, Никифор Корнеевич сообщил сыновьям:

— Договорился с шорником в Лубнах. Сперва Василь... на месяц, а потом — Ярема. Уздечки, оброты и сёдла научитесь шить. Нам в хозяйстве очень нужно. Коня на верёвке отдавать — стыд и позор.

— Почему? — спросил Ярема. — Конь, шо в оброты, шо на верёвке — всё конь, а не коза.

— Уважать себя хозяин должен, — недовольно объяснил отец. — Верёвка заместо оброты — шо бумажка для самокрутки заместо денег. Своё дело без уважения — холопство. Оброк для пана...

* * *

Земли у прадеда было совсем мало. Всякой всячиной засевалось поддесятины за двором.

В предпоследний год века в хате Никифора Беспалого стало тесно. Сноха Дарья родила сына, которого окрестили Иваном.

Женился Ярема. Его жена Нина родила тоже сына, которого поп нарёк Ильёй.

В какой-то гулевой день Никифор Беспалый заявил на царине² — выходит из общины в «отруб»³. Это заявление заставило сельских мужиков недовольно шуметь.

Первым выкрикнул сват Яков Назаренко:

— Это у нас начнут всю землю забирать. А с чем останёмся? С солончаком?! Так с голоду издохнуть недолго...

— А чего это в отруб сразу?! — крикнул кто-то из мужиков. — Всегда гуртом были...

— Раньше мой прадед от самого Дорошенки⁴ в рейстровых казаках ходил, — ответил Никифор. — И служил закону. А по нынешним указам и я — вольный житель. И выхожу.

— Теперь все законами, що помелом, размахивают, — не унимался Яков.

Заяви Никифор о чём-то ином, сват поддержал бы. А сейчас его нутро заныло. Он сразу понял, что выход Беспалого в «отруб» ничего хорошего лично для него не сулит. Стоял за общину с умыслом: трудясь не в семь и не в три пота, а больше в два, он умудрялся жить на земле, не сильно отягощая домашнее хозяйство скотом и инвентарём. Всем на зависть пользовался волами и телегами ближних соседей, почти как своими. И с желанием поглубже вкопать себя в право законного «спользова-

¹ Реальное училище для среднего сословия, где не изучалась латынь, и по этой причине выпускники не имели возможности получать высшее образование.

² Царина - сельский сход (укр.).

³ Отруб - по закону РИ во время царствования Александра III крестьянин уже мог выйти из общины с выделением ему части общинной земли, но без права строить на ней что-либо капитальное.

⁴ Дорошенко М. - гетман реестрового казачества при Польском короле Сигизмунде III.

ния» плугов, возов и тягла, выдал своих дочек в «нужные» дворы: старшую Дарью — через межевой тын к Беспалому, а младшую Ульяну — перевёл через сельскую улицу, напротив своего двора, в дом сельского старосты Гаврилы Касьяненко по прозвищу Гандзя.

— Запрету выходить никому нету, — сказал Никифор, оставив слова свата без внимания. — Пущай Гаврила Гандзя в волость... в суд меня везёт, если я против закону... а приставы в буцегарню¹ заберут... А вас я не обмежую. Никудышнюю землю выбрал. Уже двадцать пять годов, как я вернулся из войска, а ни один из вас у Солёный Гай и носа не совал. Даже коров туда не гоняем.

Земля за Солёным Гаем, которую называли «отравной», досталась общине во второй год после реформы². Барин когда-то пробовал оживить солончак, высушить болотца. Даже переселил несколько дворов на солодную землю. Но на солодах ничто не дозревало: рожь выходила короткой в стеблях, ячмень как-то вытягивался, но в колосьях не твердело зерно, и солома была тёмно-серой и жёсткой. «Переселенцы» написали челобитную государю, отвезли в губернию. К барину приехал земский исправник и попросил вернуть дворы с выселок, чтобы с чистой совестью похоронить челобитную. Барин вернул. Но не унимался. Выписал какого-то тирольца-агронома. Затеял водоотвод. Однако земля упорствовала. Не помогли даже дренажные канавы — вода стояла высоко, как в болоте. А наниматься рыть новые дренажи мужики не захотели.

Барин платить налог за «отраву» не пожелал. Отписал её в казну. А казна переписала общине — не терять же налоги, — пусть платит только-только освобождённый народец за «на тебе, Боже, что и казне негоже».

Через неделю Никифор Беспалый и Гаврила Гандзя, нарядившись по-пасхальному, в первых лучах августовского солнца уехали на бричке в волость. Вернулись к вечеру. Беспалый принялся сразу ходить за скотом, а староста Касьяненко, не входя в свой двор, ушёл в царину.

При свете керосиновой лампы в толстой книге сделал запись:

По Уставной грамоте выданой Никифору сыну Корнееву Беспалому Волостной управой от 25 числа месяца августа года 1901 от Рождества Господа нашего Христа выдаётся в отрубную оренту солодная зэмля за Солёным Гаем вымером 200 десятин на срок 15 годов из узысканием оброчной выплатной подати за кажную половыну года у казну Его Императорского величества Николая // Александровича 40 (сорок) рудлёв ассигнциями.

Беспалый Никифор Корнеев обещается сполнять оброчную подать перед Губернским баком, начиная из месяца сентября года 1901.

У чом и росписуется.

Подпись заверяется печаткой.

Действуйт из завтрашнего дня.

Гаврила, выполнив формальные обязанности старосты, снял счёты, висевшие на гвозде за его спиной, бросил на верхнем ряду четыре костяшки справа налево и добавил к ним ещё четыре.

«Это у год восемьдесят рудлёв ассигнций, — высчитал он. — А орендаторство пятнадцать годков... И будет?» — отбросил ещё четырнадцать раз по восемь костяшек. Указательным пальцем пересчитал, сколько набралось кругляшек. Оказалось 120. Они занимали почти все счёты.

— Тыща двести рудлёв... — присвистнул Гандзя. — Немало... А казёнка в шинку³... Не! — уверенно убедил он себя. — Беспалый «красноголовую» никогда не купал. Он в Сорчинцах токо «белоголовую» берёт за шестьдесят копеек... И выходит?.. — Гаврила обнулil счёты, точно кому вlepил пощёчину, и снова начал бросать костяшки с самого верху вниз. — Две тыщи... — и задумался. — А если купить

¹ Буцегарня - тюрьма (укр.).

² Манифест об отмене в РИ крепостного права.

³ Шинок - мелкий магазинчик (укр.).

одну «белоголовую» на неделю? — он прикинул на счётах количество недель в году. Вышло «52». И запричитал: — Ой, ой! Это можно почти сорок годов понемножку, понемножку...

Повесил счёты на гвоздь и, задувая огонь в керосиновой лампе, сказал себе строго:

— Из таким порядком, шобы раз у неделю «белоголовой» заливаться... то у дворе, не то што детей не будет, а и коты поутекают.

И уже, шагая с царины к своему двору, пряча лицо от неожиданных порывов ветра, насилывал голову подсчётами: сколько Беспалому нужно продать молодых коней и новых телег, чтобы покрыть оброк в 1200 рублей, хоть и ассигнациями, если тягловая лошадь в Сорочинцах продавалась в базарный день за 100, а старая кляча на колбасу — за 20?

* * *

А Никифор Корнеевич, закончив возиться со скотом, долго сидел в хате за столом, не зажигая лампу.

Сквозь два малых окошка долетали шальные порывы ветра, которые срывали первые пожелтевшие листья и гоняли их по пустому двору, как злой сторож вечно голодную, озорующую детвору по летнему яблочному саду.

Когда за занавесками успокоились в постелях домашние, а темнота хаты наполнилась сонным женским дыханием и редким похрапыванием кого-то из сыновей, Никифор Корнеевич снял с гвоздя лампу, пошёл в сени. Тихонько открыл замок на двери мучного чулана. Вошёл, плотно прикрыл дверь, зажёл керосинку. Развязал дальний мешок, посветил в него, чтобы убедиться, что «печать» не нарушена, пошарил по муке, нащупал конец толстой дратвы и потянул на себя. Из муки вылез не потерявший золотистости жестяной коробок «ТАБАК RUSSE», в каком в бакалейных лавках продавались сигары. Стряхнул мучную пыль с крышки, отворил, достал пачку ассигнаций, перевязанных ниткой. Отсчитал десять розоватых бумажек. Остальные затянул ниткой. Но прежде чем вернуть в коробочку, высыпал из неё горсть золотых червонцев с портретом Николая II. Пересчитал. И убедившись, что их по-прежнему девяносто пять, высыпал обратно, накрыл пачкой ассигнаций, захлопнул крышку, завязал дратвой и зарыл в муку. Но прежде чем поставить печать, приставил к одной из вынутых ассигнаций керосиновый свет.

**Объявителю сей государственной ассигнации
платить ассигнационный банкъ
ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ
хорошею монетою**

«Не гроши, а всё польза», — подумал он, садясь в муку.

Утром бричка увезла его в волость.

Там писарь Уездной управы выдал хрустящую бумагу, украшенную на макушке вензелем с двуглавым орлом, который напомнил Беспалому его кавалергардский кивер.

На бланке чёрным по серому было написано:

На основании Уставной ведомости за казаком реестрового сословия Никифором сыном Корнеевым Беспалым утверждается право арендного пользования земельным наделом площадью 200 десятин, выделенным Онишковской сельской общиной Оржицкого повета Лубенской волости Полтавской губернии у Солёного Гая на срок 15 лет. После выплаты арендной платы арендованная земля переходит в собственность арендатора.

В ближайший понедельник Беспалый подвёл бричку к воротам старосты. С Гаврилой Гандзёй проехали к царине. Староста взял деревянный аршин, чернильный карандаш, два листочка серой бумаги. И побежали в сторону Солёного Гая.

У последней лещины, которая нагло вылезла из худой рожицы на серо-жухлую луговину, остановились. Гандзя снял аршин, воткнул в землю один конец и приказал Беспалому:

— Забивай!

Никифор взял из брочки тяжёлый кузнечный молоток, длинный шкворень, из которого намеривался выковать занозы в ярмо, и вогнал в землю до половины.

— Буду считать, а ты веди коняку следом, — сказал староста. — Токо не сбивай. Возвертаться не буду. Примета поганая. Так може статься, шо не будет добра на новом месте...

Часа через три, когда вернулись к первому шкворню, Гандзя, пряча бумажки в карман, сказал, выказывая искреннее непонимание и сожаление:

— От я до сёго времени не возьму в толк, Никифор... Што ты на этом гадливом безродии выделявать собрался? Погляди... Польша наперемешку из сольо... Ище годков десять постоит, и у Крым по соль ездить не нада... Рубай этуя каменюку скоко заблагорассудитя.

2

В Никифора Корнеевича словно вселился бес беспокойства. Говорил он только про отрубной надел. Каждое утро ездил к Солёному Гаю, возвращался после обеда. Несколько часов сидел в столярной мастерской. В свете яркого огня пятилинейки водил чернильным карандашом по свежестроганной дощечке. Рисовал одному ему понятные квадраты и прямоугольники. Нарисовав, ставил дощечку к стене, брался за другую, снова чертил. Закончив, долго смывал следы чернил на губах.

Однажды сорвался ни свет ни заря, погнал в Полтаву. Заехал к кузнецу, у которого учился. Тот послушал настырного ученика и послал на Нагорную улицу к Соломону Волчику — местному подрядчику. За пять золотых и пятьдесят рублей ассигнациями Беспалый договорился с Волчиком — он даст человека, который выроет колодец.

Назад ехал с худеньким, плюгавеньким пареньком, который кутался от набегающего ещё тёплого сентябрьского ветра в куцый лапсердачок.

Два раза останавливались у начавших желтеть плакучих ив. Парнишечка выходил, срезал пяток тонких длинных веток.

Сентябрьский день кончался быстро. Когда приехали в Солёный Гай, небо крепко затянулось серостью осеннего вечера.

Паренёк изготовил из ивовых веток подюжины длинных рогачиков и несколько колышков. Долго ходил с ними по участочку, тулившемуся к ещё зелёным веткам лещины, нежно держа в пальцах рогачики. Втыкал колышки. Наконец остановился метрах в пяти от куста черёмухи и сказал Беспалому:

— От шо я скажу, дядечко... Если хочите иметь хогоший вода — копайте тут. Чегомуха и лещина — самое оно. Токо сильно глыбоко. Агшин пятнадцать. А моget, и все двадцать. А у других местах ище глыбшей.

В село приехали уже затемно.

Сажая гостя за стол, Никифор Корнеевич спросил:

— А тебя, сынок, як зовут?

— Исай.

Гость сидел за столом в кепке. Когда невестка Нина поставила на стол миску с кусками сала, он тихо сказал.

— Ви не сильно ругайтесь... токо мне не дозволяться сала.

— Дай нам сметану и хлеб! — приказал Никифор Корнеевич невестке.

Та принесла глэчик¹ со сметаной, две кружки и две ложки. Выставляя на стол, буркнула, не скрывая неприязни:

— За столом не сидят у шапке.

Исай, вздрогнув нервно, посмотрел на женщину с испугом. И, опустив взгляд на пол, сжав коленями ладони, словно не позволял рукам брать что-нибудь со стола,

¹ Глэчик - крынка (укр.).

сказал:

— Я даже совсем не хочу кушать... Нам без шапки не можна.

— А ты штаны давно себе купила? — недовольно спросил свёкор невестку. — Или и до сегодня с голым задом в хлев бегаешь до ветру?

Вышел в сени, позвал жену:

— Христя, а дай гостю вечерять.

Хозяйка, лущившая в сенях кукурузные початки, посадила на своё место невестку, сама встала у печи. Достала чугунок с борщом, налила две большие миски, поставила перед гостем и мужем. С пониманием сказала Исаю:

— Борщ из курицы.

Борщ оказался горячим. Исай, зачерпнув ложкой жёлто-коричневую жидкость из глиняной миски, долго дул на неё, прежде чем отправить в рот.

— А ты кто у Соломона? — спросил Никифор Корнеевич.

— Племянник, — ответил парень, после долгого молчания.

— А мамка и батько де?

— Давно нету, дядечко.

— Годков тебе скоко?

— Ского двадцать один. У войско через месяц забегут. Становой пгиходил пгедупреждать... Шобы я не убёг.

— А як ты колодцы угадываишь?

Исай пожал плечами, не зная, что ответить.

— Так, може, будем рыть, а воды нету?

— Если бы не было, то чегомуха давно бы облетела. Сегодня половина сентября, а на ей листы усе зелёныи. И тгава кругом не сильно жухлая.

— А кто копаит у твоего дяди?

— Я, — со скучным видом ответил Исай.

— Ты один?

— Пан Шломо кого-то возьмёт. Я — копаю, а двое — вытягают землю. Сичас людей без дела много.

— А скоко он тебе платит?

— Даёт кушать... И кому рою, когмят... от як ви.

— А ночуешь?

— У кухне. Там моя сестга пану Шломе посуду моит.

Исай спал на лавке у окна, не раздеваясь. Снял только кепку и сапоги, подложив под голову свёрнутый лапсердак. Хозяин укрыв его овчинным тулупом, который специально спустил с чердака.

Утром возвращались в Полтаву. Когда миновали Солёный Гай, Исай сказал:

— Ви, дядечко, скажите пану Шломе, шобы на викладку стенок привёз обязательно чёгный дуб. Если привизёт молодой — вода горкая очень долго. И шоб не вёз толстый. Сгниёт... Токо половинки закажите. Их легшей менять, если якая загаза почнёт жрать дуб.

— А твой Шлома не знает про порядок, як нада?

— Знаит. Деньги он бегот за дуб, а привозит берозу.

— А рубать будет сам пан Шломо?

— Он привезет. А я вирубаю.

3

Рыть колодец начали через неделю. Соломон Волчик прислал две телеги. Одну — нагруженную двухаршинными плахами чёрного дуба. На второй сидели два крепких мужика и Исай.

Сбросили на землю привезённый скарб, и телеги уехали.

Пока Исай с одним напарником размечали края будущего колодца, второй быстро соорудил что-то, похожее на шалаш. Расстелил полсть, из мешка выложил на неё буханку хлеба, дюжину огурцов, две кружки и две сулеи. Встал на колени и крикнул:

— Хверя! А давай до меня.

Второй мужик бросил топор, пошёл к шалашу. Встал на колени рядом с товарищем. Взял в руки кружку. Ему налили из одной сулеи. Он выпил, крикнул, запил из второй. И сказал, жуя хлеб с огурцом:

— Добрый у тебя первак, Карась. Боюсь, нам его и на три дня не хватит. Жид неделю копать и рубать будит... Земля, гляди — каменюка. Хотел своего первака привезть, так именины третьего дня были... у меня. Усё выпили.

— Соломон сказал, шо хозяин привезёт, если чего, — ответил Карась, наливая себе.

Исай в полчаса зарылся в землю до пояса. Позвал помощников:

— Фирапонт, начинайте тягать.

— Сичас.

Хверя и Карась выпили, зажевали и пошли к колодцу.

* * *

Никифор Корнеевич приехал в Солёный Гай смотреть работу далеко за полдень. Привязал вороного Шлёгера к веткам лещины, пошёл к колодцу.

Вокруг квадратной дыры в земле была насыпана большая куча свежего грунта. Валялись два пустых ведра, верёвочная лестница и две лопаты.

Беспалый встал на край, заглянул вниз. Со дна, из глубины поддесятка аршинов долетали звуки частой водяной капли. Отсвечивала только светло-серая кепка копателя.

— Исай! — позвал он. — Ты живой?

— Это ви, пан Никифаг? — долетело из глубины. — Допомогите мне немножко.

— А где твои помощники?

— Не знаю. Сказали — пошли пить вода. Ви мне драбинку¹ киньте. А то я измёрз без копания?

Никифор Корнеевич привязал верёвочную лестницу к бревну, бросил его поперёк дыры. Пошёл к шалашу.

Хверя и Карась лежали на полсти, курили. Между ними стояла наполовину пустая сулея и две кружки. Другая, с водой, лежала в стороне.

— А Исай де? — спросил Беспалый, постукивая себя кнутовищем по голенищу.

— Уяме, — ответил Карась.

— А у вас воскресенье?

— А чего из жидом станется? — ответил Ферапонт. — Если чего... там и закопаем, — хихикнул, глянул в сторону колодца. — Вона вылазит.

— А вы для чего тут?

— Пан Волчик прислал. А ты хто?

Беспалый поднял кнут, размахнулся и щёлкнул им в воздухе. Хлопок вышел громко-грозный. Карась, почувствовав недоброе, подхватился, напялил кепку, пошёл к колодцу.

— Погодь, мил человек, — остановил его Никифор Корнеевич. — Сулеи забери и друзяка. И к чёртовой матери из отсюда! Оба! Увижу тут, собак спущу. Конём затопчу, лэдацюг²!

Беспалый вместе с Исаем положили в бричку инструмент, поехали в село.

За ужином Никифор Корнеевич сказал сыновьям:

— Завтра побегите колодец копать. За одно и поучитесь у Исаея плахи «в шип» рубать. Мать, — обратился он к жене, — наладь нам харчей на... — Глянул на Исаея с вопросом.

— Если коловогогт имеится, то дня четьыге, — ответил Исай.

— На пять днёв. А вам... — глянул на сыновей. — Возьмите тулупы... и для Исаея. А я привезу котёл и воду...

Закончили ставить сруб над колодцем только к концу недели.

¹ Драбинка - здесь лестница (укр).

² Лэдацюга - лентяй (укр).

Исай подогнал последний шип в колодезном плахе, забил последний нагель и приказал Василию и Яреме вычерпать пять десятков вёдер воды.

Пока парни, меняясь, таскали воду, Исай подошёл к Никифору Корнеевичу и спросил:

— Ви, пан Никифаг, буите себе дом ставить у вашем Гае?

— Буду, — ответил Беспалый, перемешивая в котелке кулеш над огнём, — если доживу и Бог дозволит.

— Давайте я вам покажу игде. Тут земля хогошая. Можна справный подвал исделать и обязательно из лёдом. Вода токо на десять аршинов у глубине. И для печков не сильный фундамент нада.

Они отошли от колодца шагов на двадцать вдоль уреза лещины.

— От тута ставьте. Из севера у вас буит чегёмуха, а из юга голое место.

— Ты и это понимаешь? — спросил Беспалый, не скрывая восхищения.

— Только не ходите до пана Шломо.

— Почему?

— Он вас обдугит.

— Как же ты против своего дяди? — спросил Никифор Корнеевич, не скрывая недовольства. — Ты у него живёшь.

— Он усех обдугиваит... А мне через неделю у войско. И сестга собигаитя таки до Варшавэ. Там нашёлся ищё один нашый дядя. Мамин бгат. Он хогоший. У хедеге¹ дети учит. Моей Иде у него буит хогошо. Ида много умеит... Шьёт бельё для девушкам Ламанов². Ви такую знаите? Звала Иду у самую Москву.

— А до кого идтить? — заинтересованно спросил Беспалый, не воспринимая рассказ о женских сорочках.

— У нашей Полтава пан Шахрай³ можит, — сказал Исай. — Токо и он заместо хогоший извезть усякий дгянь из песком мешаит.

— А до кого?

— Луче усега до пана Бгодского у Киев. Его бгат уместе из паном Тегещенком сахаг варят. Он хогоший кигпич из Вагшавэ возит и сосну из Житомига. Его Императорское величество дозволил иму у Киве целный институт стгоить около Святошин. Я там был. Для пана Шломо у него кигпич покупал... за два копейка. А пан Шломо пгодаёт у Согочинце за восемь... Пан Бгодский меня до себя хотел узять. Так мне у войско...

Перед тем как возвращаться в село, Никифор Корнеевич долго ходил вокруг колодца. С интервалом в полчаса поднял два ведра воды, выпил из каждого по полкружки и, довольный, счастливо сказал себе:

— Полный солидус...

Утром, собирая бричку, чтобы везти Исаю в Полтаву, приказал Василию:

— Як приедете, отдай хлопцу от это, — протянул сыну николаевский золотой червонец.

* * *

Неделю Никифор Корнеевич работал во дворе. Как всегда, поднимался чуть свет, поил волов. Потом принимался за остальных обитателей хлева, конюшни и свинарника. Выбрасывал навоз, наполнял ясли. Закончив, возвращался в хату.

После завтрака начинал живить кузницу. Ярема гонял меха. Его менял Василий.

Никифор Корнеевич смастерил что-то, похожее на большую соху, с высокими отвалами вместо лемеха. Прикрепил дышло. Долго возился с ярмом, чтобы в него можно было поставить волов на расстоянии аршина друг от друга.

Всё привезли в Солёный Гай.

С Яремой поставили в ярмо волов и принялись распахивать дренажные каналы.

¹ Хедер - еврейская начальная религиозная школа.

² Ламанова Н. - российский модельер, художник театрального костюма. Имела звание «Поставщик Двора Ея Императорского величества». Стояла у истоков российской европейской моды.

³ Шахрай - здесь фамилия. В переводе с украинского - жулик.

Василий взялся мастерить навес. Выбил из глины очаг, наладил нары.

Каждый вечер выливали из колодца на землю более сотни вёдер воды.

В село ездили по очереди. Два дня на отрубе хозяйничал Василий. Следующие два — Ярема. По утрам ставили в ярмо волов, которые неспешно тягали соху, углубляя дренаж. К вечеру заливали землю водой, вымывая соль.

Никифор Корнеевич приезжал ближе к обеду. Привозил харчи, дрова и волам сено.

Через месяц вся отрубная земля была разбита на равные квадраты, связанные каналами, глубиной в аршин-полтора.

Пятнадцать десятин засыпали семенами люцерны и десять — овса.

Успели поставить навесы-денники под соломой, отгородить добрую леваду¹, чтобы в первые весенние дни перегнать в Гай лошадей на молодую траву.

Перед первыми морозами Никифор Корнеевич заявил за ужином:

— Завтра поедем в Чёрную яругу. Накопаем шиповника. А бабы пущай наберут по соседям лозы девичьего винограда. Послезавтра вокруг двора тын городить начнём.

— С какого перепугу у нас, батько, такие тыны? — спросил Ярема. — У людей все из краснотала.

— У германа видел. Камня и досок не нада. Шиповник быстро растёт. И колючий. А виноград так ветки заплетёт, шо топором не разрубайшь. Потом двойко ворот поставим.

— И нам спокойней, — добавила Христина.

***

Зимними тягостно-однообразными вечерами, когда все домашие уже спали, Никифор Корнеевич, поддав тепла печи, снимал со стены лампу, ставил на стол, приносил из сеней десяток сосновых дощечек, раскладывал их на столе. Чернильным карандашом рисовал на одной квадратике, откладывал в сторону. Принимался за другую. Квадратики были разных размеров и теснились то следом один за другим в один ряд, в два, то большой квадрат обставлялся со всех сторон квадратиками поменьше. Рисунки напоминали забаву малого дитяти. Когда время подбиралось к первым петухам, уносил дощечки в сени, чтобы дня через два снова усесться рисовать. Некоторые изрисованные дощечки оставались стоять в сенях. На большинстве Никифор Корнеевич сводил нарисованное до сосновой белизны и начинал рисовать снова. Но как он ни старался, у него всё время выходили рисунки, мало отличавшиеся один от другого.

Однажды Ярема, выгнанный нуждой на двор, возвращаясь, сел к столу напротив отца и спросил:

— С Рождества малюете. И чего удумали?

— Дом, — ответил Никифор Корнеевич, выказывая сожаление. — Токо не выходит ничего путнего. Комнаты, шо те жабы весной в болоте... Толстые и противные.

— А нам дом для чего?

— Вы с Яремой в Полтаве в училище ходили. Где ваш директор жил?

— В своём доме.

— Ты у этом доме был?

— В сенях.

— Ты в сенях, а я из им у светлице чай пили за большим столом со скатёркой. И не на лавке сидели, як мы сичас, а кажный на своём стуле. Чашки разноцветными с блюдцами заместо глиняных кружек. И стояли они за большим стеклом в шкапе, а не так, як у нас... глиняные миски в мыснике². А ложки не липовые, а серебрянные.

— Вас шо укусило? — спросил Ярема, недоумевая. — Сперва «отруб», потом колодец, теперь дом панский. Грошей сколько уйдёт? Это и двух табунов не хватит... И я не видал в округе, шобы хто такое ставил.

— Потому шо дальше своего плевка никуда не ездил... А я, як их Императорское

¹ Левада - загон для выгула лошадей (укр.).

² Мысник - навесная полка для чистой столовой посуды (укр.).

отродие от немца охранял, видал совсем другую жизнь... Нашая из ими не ровня. Мы — шо тая свиня в хлеву. А у них мужики каменные дома имеют. И свиней не в снях держат, а отдельный свинарник ставят, который красивше нашей хаты... Я до одного пана ходил. У него девка гарная была... От и поглядел, як они за собой ходят. Каждый в своей комнате спит, а не покотом, що те поросята около мамкиной сиськи. А едят за большим столом... и с пивом или сливовицей, а не нашим самогоном, от якого смердит за версту. И печи на полхаты у них нету... где харчи себе и свиньям в одном казане варятся...

— Так, може, то бывший пан? Только молчал про это.

— Такой самый пан, як и мы из тобой. У него пара волов, мерин для брички... И сам себе сеит и садит... Правда, вино из винограда давит и сливовицу гонит... И никому до его делов интересу нету.

— И ставить дом посеред двора будешь?

— У Солёном Гаю.

— Это скоко грошей? За «отруб» по сорок рублёв кажныи полгода у банк возим.

— Зато люцерны на три табуна накосили... И на две тыщи продали... А ище не все десятины глыбокими канавами обделали... Мы на весну больше овса засеим. Он — по шесть рублей за пуд, а сено — три.

— У нас там грязи по самыи уши, — с неприязнью возразил Ярема.

— Кидай овёс у грязь — будешь князь! — уверенно сказал отец. И добавил: — Я, когда в банк перед Рождеством ездил, там про волка розмовку услышал. Один пан другому говорил... а я слушал... Немец у Полтаве свой банк поставил... Деньги даёт... И не на пять годов, а на двадцать пять...

— А як я помру вдруг, — серьёзно спросил Ярема, — хто платить будет?

— Ты, сперва, меня на цвинтарь¹ свежи, а потом про свою душу думай...

4

Природа готовилась к первой майской грозе.

Далеко на западе начинали матереть черные облака. Ветер налетал порывами, прижимая к земле уже подросшие стебельки люцерны. Сеял мелкий дождь. Волы лениво жевали сено под навесом... Табун, — два десятка трёхлеток и молодняк, — гулял в большой леваде под охраной двух шпицев.

Ярема скучал у очага, ожидая брата.

Вдруг в Солёный Гай прибежали два экипажа. В бричке приехали Никифор Корнеевич и Василий. Следом — запряжённая крепким мерином коляска с кожаным верхом, с кучером на облучке. На первую, яркую зелень из коляски с молодецкой лёгкостью выпрыгнул полный господин в шляпе и чёрном сюртуке. Раскрыл зонтик. Долго и внимательно рассматривал пустошь. Подошёл к колодцу, заглянул. Попросил достать ведро воды. Выпил кружку. Удовлетворённо кивнул и неспешно прошёлся вдоль стены лещины, остановился у отцветающей черёмухи, как раз на том месте, где Исай рекомендовал ставить дом.

— Место у вас, господин Беспалов, хорошее, — сказал он. — Я бы рекомендовал поставить стены вот здесь. — Он приказно указал пальцем себе под ноги. — Подвал на весь фундамент или под кухней?

— А як лучше? — спросил Никифор Корнеевич, не зная ответа.

— Самое правильное, господин Беспалов, — под кухней. А спуск в подполье прямо из хозяйской части дома... Дешевле и очень удобно... Топить где будем?

— А у людей?

— Если у вас имеется горничная и дворник, то лучше топку ставить в подвале... как в храме. Топить углём собираетесь?

— Сами кизяка натопчем, — отрезал Никифор Корнеевич.

— Хороший дом кизяком не натопишь, господин Беспалов, — сказал гость, крутя чёрный зонт над головой. — Дров у вас в губернии не сильно много. А Донбасс с углём рядом... и деньги не большие. На год двух телег хватит... А дрова для кухни.

¹ Цвинтарь - кладбище при церкви в отличие от простого сельского погоста (укр.).

Незнакомец долго молчал. Закрыв зонт, острым концом начертил квадраты на мокрой земле. И спросил:

— Для гостей сколько комнат будет?

— Для каких гостей?.. — удивился Ярема, глядя на отца.

— А скоко надо? — остановил сына Никифор Корнеевич.

— Две или три.

— Нам и без гостей добре, — буркнул Ярема.

— Тут будет усадьба, — спросил незнакомец, не скрывая усмешки, — или хуторские выселки под соломенной крышей?

Мужики промолчали, услышав в словах приезжего снисходительную издёвку.

— Я думаю... всё должно строиться по науке. Стены сосновые, срубленные «в лапу», обложенные варшавским кирпичом. Между брёвнами и кирпичом войлок... Будут четыре печи «зеркалом» в комнаты. И кухонная плита, — незнакомец уколоч концом зонта свои рисунки в пяти местах. Крыша — тонкий лист под масляной краской... И обязательно веранда.

— А зачем якая-то веранда? — спросил Ярема.

— Помолчи! — приказал Никифор Корнеевич.

— Конь — не овца, господа, — гость указал концом зонта на лошадей, бродивших в леваде. — За ним особый уход... Где вы собираетесь принимать ветеринара? В хлеву или на конюшне? An die Braeutigame¹, как говорится. Нужно подумать о ночлеге для этих людей.

— А это кто? — спросил Василий.

— Лошадь, господин Беспалов, без человека быстро превращается в дикаря. А дикари ныне не модны... по указу Александра Николаевича, царствие небесное, Второго.

— Мы сами за конями ходим, — не унимался Ярема, не обращая внимания на требование отца помолчать.

— Всякое правильное дело нельзя сделать одному. Или вы пишете книги, как госпожа Косач² или господин Гоголь?

— Можно и без верандов, — обиженно заявил Ярема.

— Сейчас, может, веранда и не нужна, — гость повернулся к Никифору Корнеевичу. — Но жизнь не стоит на месте. По нужде можно и в хлев сходить... по старинке. А вашим внукам?.. И подумайте, где поставите баню. Вода у вас хорошая, мягкая. А господа Дружинины в Каслях льют замечательные котлы и покрывают белой эмалью... Вся Европа покупает.

Налетел ретивый порыв ветра, хлестнув водой в лица. Чёрную часть неба резнула белая нитка молнии, и оно негромко хрустнуло.

— Пойдёмте, господин Беспалов, — гость открыл зонт. Подхватил Никифора Корнеевича под локоть. Они пошли к коляске.

Уже поставив ногу на подножку коляски, сложив зонт, приезжий сказал:

— Вот моё мнение, господин Беспалов. Вам нужно через месяц приехать в Губернскую Управу к господину Чайковскому. Я передам Илье Калистратовичу все бумаги. Он подпишет... С ними пойдёте в губернское Полицейское Присутствие. Они зарегистрируют документы. И смело в Немецкий банк. Там дают ссуды охотней и под значительно меньший процент. И благодарите Бога, что господин Столыпин убедил Его Императорское величество позволить ставить на «отрубках» капитальную недвижимость... — и уже сидя в коляске, добавил: — В Петербурге этого до сей поры не хотят — боятся революций. Слава Богу, она нас немножко миновала. Вам, я понимаю, она тоже не нужна.

Коляска уехала, оставив яркий след на мокрой траве.

Обедали под навесом.

Серое, давящее небо бездвижно висело над головой, лениво роняя на землю воду. Изредка полотно рвалось нервной молнией на большие куски и так же лениво гре-

¹ An die Braeutigame - О конюхах (нем.).

² Косач-Квитка Л. - Леся Украинка.

мело, точно отбывало господнюю повинность.

Ярема налил в миски кулеш. Ели с луком, заедая кислой капустой.

— Придумали вы, батько, чёрти чего, — жуя, недовольно заговорил Ярема. — Токо и выходит, шо в землю гроши закапуюем. Дюжину конёв продали у том годе... по сто восемьдесят рублёв... И сичас после зимы полдюжины... по двести. А выходит, шо гроши сперва в колодец утопили, а теперь в землю закопаем. Все живут двор около двора. А мы тутась, як те, шо проказой больные. А у нас из Василём дети малые... уже по двое.

— Ты моих сынов не трогай, — отрезал Василий. Пока в Солёном Гаю был губернский чиновник, он молчал. Слушал с небрежением недовольные замечания брата. А сейчас не выдержал. — Тебе ничего не нужно, кроме балабольшества в царине...

— Нам из Нинкой выселки этие не нужны, — отрезал Ярема. — У старой хате поживём!

— Так ништо тебя сюда не тянет, — твёрдо сказал Василий. — А мне подходит!

— Погано тебе? — спросил Никифор Корнеевич Ярему. — Так, може, мне поехать у губернию и попросить станowego, шоб он тебя у войско забрил?

— С чего так?

— Засиделся ты, сынку... Исай нам колодец вырыл... И гдесь... живой или мёртвый после японцев? Храни его, господь Давид!.. Так он своей головой и руками жил... хоть и у родного дяди помоями кормился. Нужно было его из войска откупить... а не тебя.

— Шо вы, батько, за жида так пекётесь? Васька тоже до войска не ходил... И колодцы не копает.

— Если он не у церкву ходит, а в синагогу — он не человек? — недовольно спросил Никифор Корнеевич.

Дообедали молча.

***

Возвращались с «отруба» в небывалом тягостном молчании — Ярема не взял даже вожи.

Въехав во двор, Никифору Корнеевичу показалось, что попал не к себе. Ему всегда виделось, что во дворе после возвращения из кавалергардства не менялось ничего... Даже организация стельмы и кузницы, рождение сыновей, а потом появление невесток и внуков добавляло некоторую тесноту, но от неё исходило счастливое сознание правильности жизни. Сейчас всё было привычно, знакомо, но почему-то вдруг чужое.

И в хате всё привычно глазу — печь, стол, две лавки, жестяные, ходики в проёме стены между окон, икона... Но душа почувствовала, что и здесь всё поменялось, точно переставилось с места на место. Никифор глянул в красный угол. С иконы в серебрянном окладе Христос смотрел на него с безразличием и, показалось, даже с насмешкой. Невестки и жена входили и выходили, как тени невидимых, неизвестных ему людей... Только плач кого-то из мальцов и шумная беготня старших внуков возвращали на какое-то мгновение в привычный, вдруг исчезнувший мир, убеждая, что он всё же в своём доме.

Чувствовал себя разбитым, разваленным. Пошёл в стельму, где всегда спасался от душевных невзгод — запах деревянной стружки, пропитавшей стены за три десятка лет, размягчал сердце и душу, как огонь лёд. Встал у верстака, снял со стены фуганок и остался стоять в раздумье. Ему показалось, что проведи он сейчас острым ножом по деревяшке, зажатой в тисках, и из души уйдёт горечь, как стружка из-под фуганка.

Он осмотрелся, словно видел стены мастерской в первый раз, и с болью осознал, что он уже стар... А дети выросли и самостоятельно распоряжаются своей жизнью. И душу заполнила счастливая печаль: все житейские задумки стали получаться, а радоваться им Бог времени не отпустил...

«Меня не станет, — с горечью подумал он, — уйдёт со двора стельма и кузница, — к этому печальному осознанию добавилось и откровенное нежелание младшего сына тянуться к ремеслу. — Меха качать, да коней на верёвке гонять по кругу... И на

царине часами длиной языков меряться...»

Жена позвала вечерять.

Перед тем как сесть за стол, Никифор Корнеевич поднял зачем-то в лампе фитиль, добавляя хате света. И снова глянул на икону — она отсвечивала той же мрачной тусклостью.

Ужинали с Яремой... Молчали.

Перед глазами мелькала младшая невестка.

Перемешивая деревянной ложкой пшённую кашу, запроваленную жареным салом и луком, Никифор заметил в поведении Нины неожиданные для неё весёлость и неуёмную суету. Всегда угрюмая, не улыбочивая, нещедрая на слова, сейчас, бормоча себе под нос, возилась с полугодовалым Семёном, крутясь у зыбки, что счастливый подросток с новой игрушкой. Поднимала сына на руки, поправляла сорочечку, укладывала обратно. Подошла к лампе и прикрутила фитиль, точно боялась, что огонь высветит что-то, чего видеть никто не должен.

Никифора Корнеевича уколола, обожгла холодная, болезненная догадка. Нежелание младшего сына ставить дом в Солёным Гае и нарочитая весёлость снохи смешались неожиданно в чёрный от осенней грязи и скованный морозом дорожный ком. И конь, который тянул телегу счастливой жизни всей семьи, вдруг споткнулся об этот камень... и сломал ногу. Пока ехали из Солёного Гае, хромоту не замечал. А во дворе конь упал на колени...

Никифор Корнеевич из-под лба смотрел на Ярему, пытаясь прочесть на его лице мысли, какие бродили у того в голове. Но сын неспешно ел кашу и был похож на молодого, ленивого быка, который, не отрывая глаз от ясель-миски, жуёт сено.

Старик доел кашу, запил кисляком. Вышел в сени. Хлопнул громко щеколдой входной двери, изображая уход из дома. А сам уселся в дальнем, залитым тёмнотой, углу на стопку пустых мешков. Прильнул спиной к глиняной перегородке.

Выскочила в сени Нина, стремительно выбежала на крылечко, точно кого-то ожидала, и вернулась в хату. Вышла жена с миской. Набрала из бочки перекишную капусту, залила водой, вернулась в хату. Не прошло и пяти минут, как Нина снова вышла в сени. Постояла какое-то время в бездействии, подошла к мучному чулану, потрогала замок, выглянула во двор, вернулась в хату.

Никифор Корнеевич встал, подошёл к двери, громко клацнул щеколдой, нарочито задел пустую молочную цибарку — она с недовольным грохотом покатилась по глиняному полу. В хате надел суконный армяк, на голову натянул картуз и буркнул жене и снохам:

— Я к Гандзям, — вышел.

Пошёл в сторону Касьяненковского двора. Минуя его, заглянул за тын. В слабом свете двух окон, высоко задрав худую еловую шею, в одиночестве готовился ночевать колодезный журавль. Посреди двора стоял порожний воз с оглоблями, брошенными на землю, Никифор Корнеевич остановился у тына — идти к Гандзе не было желания; понимал, что если придёт к старосте в царину, то говорить будет не о чем.

«Дожился, — упрекнул себя Беспалый. И осознал, что не хочет возвращаться домой. — Нинка с Яром — два сапога... Если Дарка с Христиной вместе с ними... хоть иди топись».

Повернулся и решительно пошёл домой.

Двор темнел. Из хлева долетали шорохи...

«Собаки крыс воюют», — сообразил Никифор.

Вошёл в сени. Снял со стены связку ключей, осторожно открыл замок мучного чулана. Наощупь развязал мешок, где прятал сигарную коробочку, выдернул её и так же тихо вышел. Во дворе уселся в бричку, открыл коробочку, пачку ассигнаций сунул в карман армяка, снял картуз, положил на колени. Перекрестился... и высыпал в ладонь золотые кругляшки. Взялся пересчитывать. Золото мягко, без звона падало в картуз... Монет оказалось двести десять. Не хватало десяти.

«Не уберёг ты меня, святой Боже...» — подумал он, упрекая себя, что не разглядел кого-то из семейных.

В хате, бросив на лавку овчинный тулуп, Никифор завернул в армяк коробочку с деньгами, подложил под голову. Долго лежал, глядя в черноту потолка, перебирая в

месиве мыслей лица жены, сыновей, невесток.

Утром Никифор Корнеевич заложил бричку. Ходил по двору, гасил время, слушая песню неуставшего за ночь соловья. Ждал. Первым из хаты после ночи выбежал Ярема. Сходил в хлев. За ним следом — Дарья. Последней была Нина. Дождавшись, когда невестка вышла из хлева, подошёл, ткнул кнутовищем в грудь, протянул жестяную коробочку «ТАБАК RUSSE». И, глядя в чёрные бляшки глаз, схваченные широкими, белёсыми ободами, сказал:

— Покладёшь одиннадцать... в муку.

— Як одиннадцать? — растерянно выпалила невестка, вспыхнув пунцовым клевером. Серые кружочки глаз в мгновение истончились в ниточки. И на свёкра навалились два чёрных, злых кругляшка зрачков, похожих на люшнии.

— Иначей вместе из Яремой по миру пойдёте. Прямо завтра. На ночь глядя, — и, шагая к бричке, подумал: «Змиюка гадливая...»

Запрыгнул в бричку, уехал в Солёный Гай.

* * *

Никифор Корнеевич с Василием съездили в Полтаву. В Немецком банке заполнили бумаги и с банковским векселем уехали в Киев к Бродскому.

Получив вексель, чиновный человек уверил, что уже завтра в Солёный Гай приедут артельщики.

Они появились, но через неделю...

Всем командовал немолодой хмурый господин. Он приезжал из Лубен верхом каждый третий день. Пересчитывал брёвна в стенах, перемерял толщину войлока между сосновыми брёвнами стен и кирпичной облицовкой, сверял количество кирпича в стенах и в привезённых стопках. Очень придирчиво разглядывал печной кафель, пересчитывая треснутую и разбитую при транспортировке керамику. Раз в неделю платил деньги артельщикам. После заезжал во двор к Беспалым, показывал Никифору Корнеевичу какие-то бумаги. Выпивал две рюмки «белоголовой», настоящей на черноплодной рябине. И уезжал.

Уже к Рождеству артельщики накрыли дом железом, принялись топить печи. На высыхающие стены и потолок прибавляли дранку. Штукатурили, правда, медленно. Когда наклеили на стены шпалеры, перевернули доски на полу, плотно подогнали их, выкрасили тёмно-коричневой краской. К Пасхе закончили всё в доме, к Троице артельщики поставили конюшню, хлев и баню. Первыми вымылись в ней. И уехали.

Подрядчик прискакал в село, объявил Беспалому, что Солёный Гай готов. Выпили вчетвером бутылку «белоголовой», заели варениками с мясом.

5

Делились недолго.

Василий верхом перегнал в Солёный Гай табун: лошадей-трёхлеток, двухлетний молодняк и кобыл с жеребятами. Оставил под надзор шпицев.

Ярема настоял оставить за собой стельму, двух коней, двух волов и двух коров, одну из них с телёнком. Добавил плуг и две бороны.

Никифор Корнеевич неделю с утра до первых звёзд мастерил: изготовил новую зыбку для только-только родившегося внука, четыре кровати и три стола. Со столами возился кропотливо — не стал по привычке класть столешницу на кресты, а на каждый угол вырезал по липовой ноге. Долго соображал — мастерить лавки или купить в повети стулья. В конце концов, сделал две, увенчав спинки незатейливым резным узором, напоминавшим короткокрылую птицу без головы. Эту мебель отвёз в Солёный Гай.

Собрались перевозить домашнюю утварь.

Женщины выносили простыни, скатерти, подушки. Нина хваталась за любую вещь и грозно приказывала самоё себе:

— Не дам! Наживёте у своём Гаю!

На толстый слой соломы укладывали горшки...

Двое сыновей Василия, десятилетний Иван и пятилетний Григорий, сидели на

телеге. Дарья в стельме кормила грудью младенца, родившегося в Петров день. Батюшка, крестя мальчика, нарёк его Петром.

Отец заставил Василия поставить в ярмо волов. Долго возились с кузницей. Грузить на воз наковальню позвали свата Якова Назаренка и Дарьиного младшего брата Николая.

Никифор Корнеевич пошёл в мучной чулан, взгромоздил на спину мешок муки, отнёс на воз. Развязал его, за нитку выдернул «ТАБАК RUSSE». Пересчитывать хранившееся в коробке не стал. Отсчитал пятьсот рублей ассигнациям и сто золотых червонцев. Сунул коробочку в карман, оставив белый след на штанах. Позвал Ярему, отдал ему деньги.

Невестку и детей посадили в бричку. Свекровь в руки Ване отдала большого, толстого полосатого кота.

— А это зачем? — спросила Дарья.

— Кота в новую хату пускают поперёд хозяйёв, шобы хлеб и тепло водились. Кот болячки отгоняит, бо они, шо крысы, жить человеку не дают, — села в бричку и пустила коня.

Никифор Корнеевич и Василий ехали на телеге следом.

Ещё издали услышали знакомые голоса шпицев. Они лаяли, не покидая левады.

Никифор Корнеевич снял с брички внуков, помог спуститься жене и снохе с младенцем.

Все гуртом вошли на широкое крыльцо, накрытое железным козырьком, выкрашенным под цвет крыши в тёмно-красный цвет, который поддерживали кованые узорчатые уголки-капители. Старуха Христина отворила дверь, Иван пустил в дом кота.

— Деда, деда! — закричал Гриша, указывая на кованный узор. — Это я вместе с вами делал.

Дом встретил тёмно-коричневыми сосновыми полами и пустыми стенами.

— Сегодня поночуем, — сказал Никифор Корнеевич. — А завтра Василь пусть гайнёт¹ у волость. Возьмёт полдюжины стульёв.

— И бляшаные ходики на стену, шоб тикали, — попросила бабушка Христина. — И такие, где гири не сильно тяжёлые.

В течение первой недели гнетуще тянуло в сельскую мазанку. Дарья долго не могла смириться с просторными помещениями. В кухне, где стояла длинная чугунная плита, — ей не хватало рогачей. Но больше всего злили грязные следы на крашенных полах.

Радовались только старшие внуки. Они бегали по комнатам и двору, несколько раз спускались в тёмно-холодное подполье, находя счастье в удовлетворении детского любопытства.

* * *

У коновязи банка стояло больше десятка повозок. Кто-то приехал на пустой арбе, с волами, поставленными в ярмо. Василий дождался, когда освободилось место, туда завёл вороного Шлёгера, крепко привязал вожжами к бревну.

Беспалых банк встретил мельтешением чёрных сюртуков.

Позвали в комнату. За столом сидел белоусый, абсолютно лысый старик.

— Здравуйте, пан Ручка, — сказал Никифор Корнеевич.

— Я рад увидеть вас, господин Беспалый, — ответил старик, положив на зелёное сукно столешницы руки, усеянные чёрными точками. — Вы, как всегда, полугодовой взнос привезли?

Никифор Корнеевич запустил руку в боковой карман пиджака, достал свёрток: белую тряпочку, где была завёрнута нетолстая стопочка ассигнаций.

— У меня к вам, панове Беспалые, будет одно предложение... Прежде чем внести платёж, я хотел бы, чтобы вы переговорили с одним господином... — Ручка вышел из-за стола, подошёл к двери в боковой стене. Открыл её и позвал: — Гер Гарф, зайдите.

¹ Гайнуть - быстро сбегать (укр.).

Вошёл молодой парень лет двадцати пяти с чёрными усиками и бородкой клинышком, в чёрном сюртуке, белой манишке.

— Господин Гарф представляет фирму... — хозяин кабинета бросил на парня вопрошающий взгляд.

— «Gunther Gun Machinen Verke», господа, — сказал молодой человек. И, не дожидаясь слов от белоусого господина, заговорил: — Наша фирма имеет большую сеть магазинов от Мадрида до Ново-Николаевска, который в Сибири, по продаже сельхозмашин. Господин Ручка, — он глянул на хозяина кабинета, — говорил, что вы, господин Беспалый, имеете двести десятин земли и господин Бродский построил вам дом на ссудные деньги нашего банка. Фирма «Гюнтер Ган» предлагает вам купить у неё паровую молотилку.

Отец и сын переглянулись, недоумевая.

— Что скажете?

— Мы держим коней для пахоты... — осторожно сообщил Василий. — Нам, господин хороший, молотилка без надобности.

— Это прогресс...

— Мы не сеим, — сказал Никифор Корнеевич. — Только овёс...

— Мы вам привезём молотилку... — с азартом продолжил чиновник.

— Наш молодой агент, — перебил продавца старик, садясь за стол, — не сказал главного, панове. Мы простим его... Наш банк и фирма «Гюнтер Ган» заключили договор. Банк будет субсидировать покупки машин у фирмы «Ган»... А если эту покупку осуществляет клиент, который уже взял у нас ссуду, то процентная ставка по обоим кредитам уменьшается вдвое.

— Если вы платите сейчас шесть процентов годовых, — не удержался парень, — то платить будете по три процента с первой ссуды и три с новой.

— Прямо из сегодня? — спросил Никифор Корнеевич.

— Если вы хотите, чтобы вам через месяц привезли молотилку, — то да, — сказал Ручка.

— Согласные мы, — утвердительно заявил Никифор Корнеевич. — А нам покажут, из якого боку до неё подходить?

— Бугая не цкуй из перёду, а кобылу — из заду, — весело пошутил Ручка.

— С машиной приедет механик из самого Дюссельдорфа... Две недели будет показывать... Вам — останется покормить немца.

Когда уселись в бричку, чтобы ехать в магазин за керосиновыми лампами, Василий осторожно спросил:

— Батько, я чегось не пойму вас... Ни жита, ни пшеницы на солонцах не будет... Зачем молотилка?

— А нам и не нада сеять жито, — ответил Никифор Корнеевич. — Як мы по округе погудим, шо молотилка есть, то народ до нас сразу повезёт снопы...

— До сегодня все себе молотили, — возразил Василий.

— И не будем ни сеять, ни молотить пшеницу. Кажный десятыи сноп наш... И людям добре, и нам из ними.

— С чего вы взяли десятыи сноп?

— Як у немцов... У всех... Если бы ищё мельницу паровую до молотилки, от было бы дело... Человек привёз снопы... а получил муку... А дерть наша. Свиным самое удовольствие...

И когда остановились у магазина, Никифор Корнеевич добавил:

— Нам для коней овса и люцерны сеять хватит.

***

Первое лето прошло счастливо. Немец Гельмут Клёфф лазил по молотилке вместе со старшим сыном Василия Ивановом, показывая, куда закладывать снопы, как сбрасывать солому. Говорил он сносно, только наталкивал в русские фразы огромное количество немецких слов.

— Dampfdruck des Kessels¹, гер Ваня, — повторял он. — У этот машинер главное

¹ Dampfdruck des Kessels - давление пара в котле (нем.).

пар и ровень ватер.

Немцу больше всех радовался шестилетний Гриша. Он прилип к нему и повторял за ним все фразы, которые слышал. Уже через неделю, когда Дарья усаживала на веранде всех завтракать или обедать, мальчик гордо заявлял:

— Я знаю, зачем у машине дёготь... Alle Teile muessen gut geschmiertsein¹, — повторил он услышанную фразу.

— Ihr Sohn, Frau Daren, wird ein guter Mechaniker sein², — сказал Гельмут.

— Ich bin Mechaniker, ich bin Mechaniker³, — громко заявил Гриша, подпрыгивая на лавке, радуясь похвале.

— Тихо, немец бесштаный, — останавливала его мать. — Ешь молча... Петю разбудишь.

Готовились к первому обмолоту, точно к Пасхе.

Никифор Корнеевич попросил жену и невестку испечь десяток хлебов. Зарубили петуха. Нарыли картошки, хоть и мелкой, но молодой.

С Василием напилели поленьев длиной в две пяди — по глубине топки. Накололи.

Ваню послали наверх молотилки к горловине котла. Передавали воду вёдрами. Залили полторы дюжины.

Всё делали под наблюдением гера Клёффе. Он завернул гаечным ключом гайку на горловине котла, проверил травильный клапан, поднял крышку дымохода на трубе, зачем-то заглянул в неё.

Оставили машину ждать следующего дня...

Ранним утром Никифор Корнеевич поставил в ярмо волов. Привёз от Яремы огромную гору снопов. Следом за ним приехал сам Ярема с сыном Ильёй — привезли второй воз со снопами.

Клёффе заполнил топку поленьями. Плеснул на них керосин и швырнул сверху горящую спичку. Пламя взялось медленно обжигаться в топке...

Забормотал по-младенчески гудочек, предупреждая: в котле давление.

— Гер Ваня! — приказал Гельмут. — Muessen⁴ включить!

Иван влетел на машину и опустил ходовой рычаг. Нутро затряслось, зашатались мотвила...

Илья швырял вилами сноп за снопом, Иван подхватывал их, вминал в горло машины... Мотвила толкались всё быстрее, словно хотели убежать от внутреннего грохота и скрежета. Никифор Корнеевич держал мешок, куда стекало тонкой струйкой обмолоченное зерно. Гриша открывал дверцу топки и запихивал в огонь по одному полену, повторяя беспрерывно:

— Feuer — Leben!⁵ Feuer — Leben!

Ярема настороженно смотрел, как наполнялся мешок.

— Давай другой! — крикнул Никифор Корнеевич.

Ярема схватил пустой и встал на место отца. Он внимательно смотрел на стекающую струйку зерна и бросал изредка взгляды по сторонам. Было ощущение — не может избавиться от состояния человека, у которого украли эту самую молотилку. И только ждал удобного момента, чтобы убежать вместе с машиной...

Когда мешок наполнился, Ярема уступил место отцу.

До обеда вымолотили оба воза.

Сели обедать на веранде. Никифор Корнеевич принёс «белоголовую» бутылку водки. Но Дарья убрала её со стола.

— Сперва детей накормим, — объяснила невестка. — Потом пейте до свинячего визгу.

Остались сидеть, ожидая, когда трое мальчишек наедятся. Ярема в ожидании

¹ Alle Teile muessen gut geschmiertsein. - Все детали должны хорошо смазываться (нем.).

² Ihr Sohn, Frau Daren, wird ein guter Mechaniker sein. - Ваш сын, фрау Дарья, будет хороший механик (нем.).

³ Ich bin Mechaniker, ich bin Mechaniker - Я - механик! Я - механик! (нем.).

⁴ Muessen - надо (нем.).

⁵ Feuer - Leben! - Огонь - жизнь! (нем.).

дважды уходил с веранды на двор, садил самокрутки.

Когда Дарья налила в тарелки борщ, деверь долго крутил пред глазами металлическую ложку.

— Серебро, — сказал он, разглядев на тыльной стороне чёрное тавро пробы. — Можно на шею вместо креста вешать. Ты, Дарька, дай мне деревянную.

— Её мыть замучаешься, — ответила невестка, отправляясь в кухню за ложкой.

— Это правильно, — поддержала сына бабушка Христина.

— Конь дарованный, да неправильно кованый, — сказал недовольно Никифор Корнеевич, наливая в гранёные пирамидки водку. — Спасибочки тебе, гер Гельмут, шо моих хлопцев к доброму делу притулил.

— Вы, гер Нихихвар, Garage ueber der Dreschmaschine¹ делать, — сказал немец, ставя стопку на стол.

— Гришка! — позвал Василий сына. — Шо гер Гальмут говорит?

Немец повторил.

Мальчик закусил нижнюю губу, соображая, что ответить.

— Vor Regen und Schnee schuetzen², — добавил механик.

— Конюшню для машины, — осторожно объяснил Гриша.

Когда закончили обед, Ярема пошёл к молотилке грузить на телегу мешки с зерном. Он быстро управился. Посадил сверху Илью, дал ему в руки вилы, с которыми приехали, и погнал коня со двора.

— Вы, батьку, почему у него десятый сноп не взяли? — спросила Дарья, провожая взглядом деверя.

— У родного сына отбирать, что Бога дурить. Боком выйдет. Он по всему селу разъяголит³... шо за полдня всё зерно выбил без цепов. Завтра тут десять возов стоять в очереди будут. Касьяненко первый чуть свет припрётся, — и уловив тревогу невестки, добавил: — С Якова Назареты надо бы взять... так сват. Не Божее дело. Соломой обойдёмся.

Уже до первой росы у двора стояли шесть телег со снопами. Никифор Корнеевич ошибся малость. Первым поспел сват Яков Митрович. Он обставил на дороге своим возом арбу старосты — её тянули волю...

Машина работала без остановки. Десятые снопы молотили уже с последними лучами заходящего солнца.

* * *

Гельмут Клёфф собрался уезжать в Полтаву. Василий поставил в бричку жеребца. Дарья запекла немцу цыплёнка, положила в узелок буханку мягкого ржаного хлеба, бутылку молока и три свежих огурца. В тряпочку насыпала две щепотки соли. Никифор Корнеевич, сажая в бричку механика, взял в свою беспалую ладонь его руку, положил в неё золотой червонец.

— Большая тебе благодарность, гер Гельмут. У тебя счастливая мать и батько, шо ты у них есть. Спасибочки твоему Богу... хоть он в нашем храме не бывает.

— Sehr gut, Herr Nihichwar⁴, — немец кивал благодарно.

— Ты, гер Гельмут, не забыл чего про машину нужного рассказать моим внукам. Тебя не будет... А шо случится — до тебя у Германию далёко ехать.

Механик позвал Ваню. И очень серьёзно сказал ему:

— Когда der Drescher stark свист, дёргать Sie das Ventil⁵.

6

Ночной декабрьский двор наполнился собачьим шумом.

Никифор Корнеевич, умевший по страстности рычания и злобности лая угады-

¹ Garage ueber der Dreschmaschin - гараж над молотилкой (нем.).

² Vor Regen und Schnee schuetzen - прятать от дождя и снега (нем.).

³ Разъяголить - выболтать (укр.).

⁴ Sehr gut, Herr Nihichwar - большое спасибо, гер Никифор (нем.).

⁵ Wenn der Drescher stark pfeift, ziehen Sie das Ventil - когда молотилка сильно свистит, дёргай клапан (нем.).

вать причины озабоченности собак, заволновался. Звуки долетали от конюшни. И складывалось впечатление, что из трёх собак только две защищают лошадей, а третья взвизгивает, отбиваясь от назойливого приставания. И в этот суматошный хор вклинивался ещё щенячий, весело-игривый «за компанию», лай полугодовальных щенков.

Эта ярмарочная грызня насторожила старика. Он натянул валенки, накинул тулупчик, вышел во двор.

— Шо за гвалт! — крикнул он, направляясь к конюшне.

Всё вдруг умолкло.

Никифор Корнеевич в конюшне зажёл фитиль в лампе, снял её с гвоздя и пошёл по плахам пола вдоль денников.

По нервному стоянию лошадей было видно — они напуганы. Когда свет керосинки проникал в денник, лошадь вскидывала голову и пыталась лягнуть невидимого врага.

У ног крутились два кобеля, рыча, и трое повизгивающих щенков.

«А Сова де?..» — спросил себя Никифор Корнеевич и позвал её.

Но в холодной конюшне призывный окрик пропал, словно замёрз на лету.

Утром старик послал сына оглядеть внимательно конюшню, объяснив своё беспокойство. Василий вернулся, улыбаясь.

— Вы, батьку, як точно на свете и не жили.

— Шо надыбал?

— Дырку под стенкой.

— Якую дырку?!

— Сова прорыла.

— Она сказала?

— Як вернётся, так сразу и спросим.

— А до кого она пошла? — выказывая непонимание, спросил строго отец.

— Думаю, до волка.

— От сучка! — выругался Никифор Корнеевич. — Своих кобелей ей мало.

— Вы, батьку, не ругайтесь, — рассмеялся Василий. — Скоко под хвост или под юбку замков не вешай, результат всегда один...

— Вернётся — зарубаю! — крикнул Никифор Корнеевич.

— А за шо рубать? — уже серьёзно спросил Василий. — Наша Сова — самая краля на всю волость... а може, на всю губернию. Бугай чужой, а телятко наше.

— Породу спортит, зараза. Пойдут цуцики из ушами, шо лапти. Кому такие нужны?

Старик ходил по дому и двору, бурча. Брался разгрести снег. Начинать... бросал лопату. Хватался за лом... принимался отбивать наледь у ворот конюшни. Было видно — он изнервничался отсутствием суки.

Сова появилась неожиданно. Первым делом упала на спину на снег у ног Никифора Корнеевича, повинно открыв живот.

— Ну, курва, — ласково сказал старик, взялся чесать живот собаке. — Нагулялась?.. А до своих иди боисся... Ох боисся... Волком смердишь.

В конце марта Сова принесла трёх щенков. Она запрыгивала в ясли Шлёгера кормить новорождённых и недовольно рычала на жеребца, когда он протягивал свои пухлые губы к щенкам.

Одного щенка, сучечку, старуха Христина утопила, оправдавшись простыми словами:

— Весь двор кобели загадят.

В начале мая приехал человек договариваться о сене для своих овец. Увидел щенков, выпросил одного. Отдали седого с чёрной мордой.

Оставшийся светло-палевый щенок в трёхмесячном возрасте стал выказывать недобрый характер. Лез в миску к взрослым собакам. И когда те огрызались, желая отогнать наглеца, буланый комок кидался на них с нещенячим рыком, кусая морды острыми иголками молодых зубов.

Вырос пятивершковый крепконогий, широкогрудый пёс с коротенькими ушами, хвостом бубликом и волчьим подловатым взглядом. Всё его поведение было по-

чти лесным. Рычал, скалился, точно усмехался, обнажая клыки, похожие на иголки в стальной бороне, не опускал хвост, выказывая покорность. И не отворачивал лести-во голову, желая понравиться. Когда выпускали лошадей гулять, он без команды ложился у ворот и отгонял от них любопытных. Бегал только с жеребятами, гоняясь наперегонки. Еду принимал поначалу только от старика Никифора. Долго не хотел подпускать к себе Василия. Тем более женщин. Дружбу водил с малолетним Петей. Правда, привечал Гришу и Ивана, позволяя себя чесать.

Случилось — старуха Христина чуть не померла со страху.

Она отправилась поить телёнка. И в ужасе замерла, вмиг лишившись сил двигаться и кричать...

Пёс сидел у ворот конюшни, раскрыв широко пасть, вывалив набок розовый язык. А Петя пытался выдернуть его из пасти. По тому, как беспечно виляла хвостом собака и радостно визжал мальчик, было видно — оба счастливы.

Старуха доползла до кухни и, упав на скамейку, пересиливая одышку, произнесла:

— Дарка, поди забери дитё... если ищё живой.

Дарья выскочила во двор. Петя сидел возле ворот конюшни и розгой хлестал лужу, оставшуюся от ночного дождя. Брызги разлетались по сторонам, а пёс прыгал, желая их укусить.

Мать схватила сына и понесла в дом. Мальчик обиженно кричал, старался вырваться из рук.

Вечером, сидя за столом, Христина заявила Никифору:

— Погоните коней в Сорочинцы... и того чёртового волчка заберите. Детей по-рвёт.

Так и прилип к собаке Чёрт.

* * *

Долго рядили — скольких трёхлеток гнать в Сорочинцы и к какому дню? Остановились на восьмёрке: шестерых меринах и двух кобылах. Нашли, что самые выгодные дни — неделя перед Троицей. Долго не могли уговориться, на чём ехать. Волами — долго. Телегой — шестерых за одной не удержать: побьются, искусают друг дружку.

Дарья высказалась бойко:

— Василь на возу из тремя. А вы, батько, на бричке. Токо оглоблю примотайте поперёк задка. И до неё тройку в обротях можно поставить. И по одной из боков от гужей.

На том и порешили.

Когда укладывались, старуха Христина вышла во двор и настоятельно потребовала от мужа:

— Чёрта забери! — хлопнула себя по шее. — От тут уже сидит, зараза. По двору нету права ходить!

Когда вывели лошадей из конюшни, пёс сам побежал за ними следом, покорно позволил надеть на себя ошейник.

Поставили в середину кобылу, а коней по бокам, чтобы не заедались друг к другу. На воз погрузили сено, малый казанок и харчей на неделю.

В Сорочинцы приехали уже к вечеру...

Коней поставили по обе стороны телеги, набросали сена. Сами организовались по-привычному — у задника брички. Василий сходил за водой. Повесили казанок, принялись варить кулеш из пшена, прошлогодней картошки и кусков солонины.

— Нарезь побольше свињи, — попросил Никифор Корнеевич. — Пусть выварится. А то солёным кормить собаку нельзя.

— Зачем иё кормить, когда продавать надумали? — спросил Василий, смеясь.

— А ты на паперть пойдёшь, если лишнюю костомаху собаке кинешь? — недовольно ответил Никифор Корнеевич.

Ели уже затемно, в свете костра.

— Скоко сразу будем просить? — спросил Василий.

— Як всегда, — ответил отец, дуя на кулеш в ложке. — Сперва двести пятьдесят.

Будут торговаться... А наши — сто восемьдесят... Ты поторгуешься, а я промеж воров пройду, про цены поспрашу.

— А Чёрта за якие гроши отдавать?

— Собака — она и есть собака. Сколько дадут. Не гнать же назад.

Чёрт сидел рядом, радостно вилял буланым хвостом, точно понимал, что разговор шёл о нём.

Василий бросил псу кусок вываренной кости.

Лежали на сене, укрывшись полстью. Слушали, как у соседних костров гудел народ. Кто-то, выпив, начинал петь. Но больше десятка слов не вытягивалось.

Небо июньской ночи затянулось толстой тканью туч, в которой тоненький новолунный серп изредка прорезал щели, словно страдал без общения с землянами. И в эти дыры с детским любопытством заглядывали звёздочки. Ночная ярмарка спала, вспыхивая редкими светлячками умирающих вечерних костров, и пугала неожиданным ржанием какого-то буйного коня, надышавшегося хмелем молодых кобылиц...

Беспальные спали под полстью, похрапывая и посвистывая, каждый в свою сторону. В их головах скучал, не закрывая глаз, Чёрт...

Долетел далёкий вопль проснувшегося перепившего ярмарочника:

*Сам пью, сам гуляю,
Сам стелюсь и засыпаю...*

И в ту же секунды Чёрт сорвался с места... и спящую ярмарку переполошил истошный крик молодого голоса и рычание, напоминавшее рык голодного волка, наконец-то настигшего жертву.

Беспальные вскочили и бросились к телеге, где были привязаны кони для продажи.

На земле лежала тёмная фигура... Её рвал Чёрт, перебирая задними ногами, точно искал самую удобную позу для расправы. Мотая головой, рычал с наслаждением, не разжимая челюсти.

Откуда ни возьмись, вспыхнул смолоскип¹.

У колеса, обхватив деревянную слегу, лежал молодой парень в зелёной рубахе и серых шароварах, босой. Его нога была разодрана. Вместе с лоскутами ткани свисал кусок красного мяса, с которого стекала кровь. Рядом крутился конь-четырёхлеток, вскидывая испуганно голову. На его шею уже была заброшена шлейка вожжей — кто-то успел отвязать коня и был готов запрыгнуть ему на спину.

Переполошившийся народ гудел, не понимая, что происходит. И чей-то голос из толпы крикнул:

— Цыганьё жидовское! На кол его!

Зажёгся ещё один смолоскип.

Никифор Корнеевич оторвал Чёрта от конокрада, — пёс нехотя подчинился, не прекращая рычать и скалиться, — примотал к бричке.

— Чего будем делать из этим? — со злой растерянностью спросил Василий.

— А шо бы ты сделал? — неожиданно спросил отец.

— Мы за этим конём четыре года не спали... Ветеринара пять разов привозил! А эта падла...

— Разорви у него рубаху и перемотай ногу.

Парня подняли. Ему на вид было не больше восемнадцати. Чёрные густые волосы спадали локонами на плечи. Худое гладкое лицо, тонкий с малой горбинкой нос и большие чёрные глаза под густыми бровями. В них не было ни страха, ни испуга — они внимательно следили за Чёртом.

— Як зовут? — спросил Никифор Корнеевич, хмурясь.

— Элисар.

— Зачем тебе конь?

— Потому шо без тавра.

— Я про тебя...

— Продать.

— Шо купить доброе или пропить?

¹ Смолоскип - соломенно-дёготный факел (укр.).

Цыган молчал, глядя в землю. На лице блуждали болезненные гримасы, меняя одна другую. Но парень сжимал губы до синевы, пересиливая боль.

— Так тебе, сынок, для якого дела? Може, у меня есть товар, так я тебе его продам или подарю?

— На приданое. Невесту купить.

— Мне брехать не нада, — сказал Никифор Корнеевич. — Вы, панове цыгане, своих невест крадёте.

— Это для барона нашего. Деньги ему... Он мне тогда дозволит украсть.

— Невесте сколько годов?

Парень не ответил.

— Брехло...

— Двенадцать, — нехотя выдавил из себя цыган.

— А невеста за тебя хочет?

— Мой батько и барон хотят.

— От чего я тебе скажу, хлопец... Ты крикни кому из своих... якие где-то около нас крутятся. Нехай за вашим бароном гайнут. Если не приедит, то я тебя у «допр»¹ отведу. Тут не сильно далёко. А лучше, прямо сейчас тебя людям отдам... И барона не нужно звать. Сразу тебе и свадьба, и поминки...

Парень швырял взгляды по сторонам. Хватался за перемотанные места на ноге. Было видно — не может решиться кого-то кликнуть.

— Василь! — громко позвал Никифор Корнеевич. — Запрягай Шлёгера. Погонишь у Полтаву до Матвея Ивановича у Жандармское Присутствие. Як раз до начала присутствия поспеите.

— Ramalho! — испуганно крикнул конокрад. — Du-te la baron².

— Чего сказал? — спросил Никифор Корнеевич.

— Шобы за мной приехали...

Долетел ухающий стук убегающего галопа — кто-то поскакал торопливо в темноте.

Народ стал расходиться; погасли смолоскипы.

— Примотай этого до колеса, — попросил Василия отец.

Сам взялся отсоединять стальные постромки и оглобли от телеги. Возился до первых лучей.

Принялись разводить костёр.

— Гляди в оба, — сказал Никифор Корнеевич сыну, вешая над огнём казанок с уже остывшим кулешом. — Когда прилетит ихний барон, ты тихо кругалю дай до его брички. Постой иззади... с железным постромом... А лучше оглоблей... Чего нравит-ся...

— А вы? — обеспокоился Василь.

— Я с другой оглоблей тут погуляю. Як Чёрта натравлю, сразу поперёк брички лупи, пуцай переломается. Токо коня не паскудь. Он не виноватый, шо п?гань возит.

Солнце крепко высветило небо; народ начал шевелиться, зашумел.

— Шо-то не спешит барон, — сказал Василий.

— Этого сопляка жалко, — заметил Никифор Корнеевич.

Барон приехал в коляске с кучером.

Ступил на ярмарочный песок полированными красными сапогами. Немолодой, черноволосый, с яркой сединой, густыми седыми усами, сползавшими к острому подбородку. В белой рубахе, перетянутой на пухлом животе тонким ремешком с серебряными наконечниками. На пальцах шмелями сидели тёмные перстни. В руке держал чёрный арапник.

Он прошёл мимо конокрада, даже не взглянув на него.

— Шо хотел? — спросил барон, оценивающе разглядывая старика Беспалого. — Ты хто?

— Этот твой? — Никифор Корнеевич указал на привязанного конокрада.

— Не знаю. Забери его себе.

¹ ДОПР - Дом предварительного заключения.

² Ramalho! Du-te la baron! - Братья! Скачите к барону! (молд.).

— Добре. Значит, так, дорогой пан барон... Ты сейчас платишь за коня, як точно его украли. Забираешь своего хлопца и бегишь... А если не так, — Никифор Корнеевич открыл правую ладонь и культиями левых пальцев постучал по ней, — увесь твой табор у два дня... У один. Прямо уже сегодня пойдёт по миру...

— Это ты мене?! — ухмыльнулся барон и выстрелом арапника разрезал воздух. Беспалый сделал два шага назад и спустил Чёрта.

— Куси эту гниду! — крикнул и указал на барона.

Барон, увидев ощерившиеся зубы собаки, занёс над головой арапник и был уже готов ударить им пса. Но гулкий звук ломающейся древесины и чей-то вопль заставил оглянуться. Его вороной конь бился в хомуте, который подняли вдруг задравшись к небу оглобли. Коляска, сложившись пополам, упёрлась перебитой рамой в песок, а кучер, свалившись с облучка, лежал без движения у колеса. Над всем этим поперёк экипажа громоздилась оглобля.

Пёс вцепился в лакированный сапог.

— Забери, падла!

Никифор Корнеевич оторвал собаку. Держа за ошейник, сказал тихо:

— Сто пятьдесят рублёв... или золотыми... И хлопа возьми.

— Оставь это говно себе... — барон полез в карман, достал расшитый разноцветным бисером кисет. Отсыпал в ладонь золотые монеты, пересчитал и протянул Беспалому.

Откуда ни возьмись, набежал яркорубашечный народ. Освободили вороного от оглобель и хомута, набросили седло. Барон ускакал.

Таборные осы тоже исчезли, бросив коляску лежать на песке.

Вернулся Василий.

— Солидус, батя! — радостно сказал Василий.

— Ниякого солидуса, Василь Батькович, — недобро не согласился отец. — Люди ноне, шо тая брага. Бурлят... А перестоит, не доведи Господь, окромя уксусу ничего не выйдет, скоко не перегоняй... — И вдруг, словно проснувшись, попросил: — Накорми хлопца. А то из голоду помрёт.

Цыгану насыпали полную миску кулеша. Он молча ел, опасливо оглядываясь по сторонам. Когда его чёрные глаза встречались с жёлто-волчьими глазами Чёрта, пёс злобно щерил пасть, точно конокрад вознамерился отобрать у него еду.

— У тебя мать есть? — спросил Никифор Корнеевич цыгана.

— Нету, — прозвучало нервно, отрывисто.

— Зачем воровал?

— Из табора уйти.

— На четырёхлетке, сынок, далеко не ускачешь. Конь не кованый.

— Продай бы. Сто рублей — деньжищи. До Сибири билет — двенадцать. Там землю дают... Я коней люблю.

Подошёл мужик, стал разглядывать вороного донца.

— Доедай, — сказал Никифор Корнеевич цыгану. Попросил Василия: — Поставь Шлёгера и отвези хлопца у шпиталь. Дай там три рубля — пуцай замажут ногу, — уходя к покупателю, приказал: — И назад привези.

Они вернулись часа через три. У конокрада была перебинтована нога — белый бинт выглядывал из дыры в штанине.

Василий, не увидев двух кобылиц и коня, которого хотели украсть, радостно воскликнул:

— Продались!

Сели есть.

— Куда теперь, Елизар? — спросил Никифор Корнеевич.

Цыган пожал плечами.

— Коней, говоришь, знаешь?

— Знаю.

Мимо возов шли трое: мужик в чёрной косоворотке без пояса, с ним две женщины в синих ситцевых кофточках и длинных цветастых юбках. Без платков на голове.

Елизар оставил кулеш, прижался к колесу брички. На его лице застыл болезнен-

ный испуг. Он следил за троицей и, должно, выбирал момент, чтобы убежать незамеченным.

— Твои? — спросил Никифор Корнеевич. И, получив утвердительный кивок, снял с телеги полсть, бросил цыгану. — Накройся.

Трое остановились возле соседнего воза, где мужик и баба торговали глиняной посудой. Мужчина взял большой глэчик, облитый сверху коричневой глазурью. Долго вертел его перед глазами, заглядывая внутрь. Женщины зашли за спину продавцам, и одна, уловив момент, сунула глэчик поменьше себе в складки юбки.

Никифор Корнеевич свистнул и мотнул рукой в сторону воровки. Чёрт сорвался и с рычанием вцепился в цветастый матерчатый подол — крутил головой, стараясь оторвать от него кусок. Глэчик упал на песок и разбился.

— Ах ты, сучка! — крикнула хозяйка. Схватила кнут и с размаху полоснула одну из воровок. — Нехристь иродова!

Мужик соскочил с воза, вырвал у цыгана глазурованный глэчик, сорвал с себя соломенный брыль, наклонил голову и, точно обозленный бык, ударил ею цыгана в живот. Тот упал. Мужик принялся бить ногами лежащего. Женщины исчезли, их рычанием проводил Чёрт.

Василий подскочил к хозяину посуды, обнял за живот, оттолкнул к телеге. В это время баба лихо сбросила свои шесть пудов на землю и принялась стегать цыгана кнутом, приговаривая:

— Когда ж вас, воров проклятых, от нас Бог заберёт... вместе из жидовой?!

Василий перехватил её руку, отобрал кнут.

— У нас коня украли... И чего?

Вопрос застал женщину врасплох.

— Якие кони? — она тяжело дышала, хватая полными губами воздух. — Глэчик украли, а твоя собака разбила!

Когда всё утихло, Елизар стянул с себя полсть. Взял миску с кулешом, принялся доедать. Выскреб миску до чистоты, облизал ложку и спросил тихо, обращаясь или к старику, или к Василию:

— Можно я из вами до вечера побуду?

После обеда продали ещё коня.

Василий, передавая повод уздечки из своей полы в полу покупателя, сказал:

— Вы, пан, его год подержите без подков и хомута. А то можете спортить, — и заверил: — А конь хороший. И до седла уже приученный.

Стали зажигаться костры. И скоро запели.

Василий снял с огня кулеш, принялся накладывать в миски.

Подожёл мужик, торговавший посудой. В руках держал штоф и кружку. Его недобро встретил Чёрт — оскалил зубы, стёрнёй задрал шерсть на шее.

— Можно до честного стола, пока моя баба гдеса гуляит?

— Садись, добродёю, — отозвался Никифор Корнеевич.

— Кружки найдуться? — сосед опустил на колени.

— И миска кулеша, — подхватил Василий.

Никифор Корнеевич позвал цыгана.

— Ты оковыту¹ пьёшь?

— Немножко.

Ему налили.

— Я уже не первый раз на ваших коней гляжу, — сказал гость, заедая водку кулешом. — Добры коники. А вы, панове, скуда буите?

— Из Солёного Гая, — ответил Василий. — Знаете?

— Слыхали про такое... — осторожно ответил мужик, словно проверял себя. — Те самые, шо у «отруб» пошли?

— Пошли, — ответил Василий.

— Молотилка у вашем дворе ище живая? — с той же осторожностью спросил сосед.

¹ Оковыта - в простонародии уважительное название водки (укр.). Перифраз из латинского «aquavita» - вода жизни.

— А чего из ей станется?

— Не знаю, не знаю, добродеею... — гость снова налил в кружки. — И вам, панове, спасибочки, шо за нас заступились перед супостатом. — Выпил, вытер усы и, принявшись за кулеш, сказал: — У том месяце... як раз после Пасхи тута одного дядька спалили... Он, як и вы, споймал цыгана. Ночтю огонь подкинули. Конь, воз... И телятко сгнуло.

Сосед вдруг нервно схватил свой штоф, плеснул из него в кружку, залпом выпил. Оставил бутылку и громко запел:

*Хрустальная рюмка — водки нальём.
Пьём или не пьём мы — все помрём...*

Упал на полсть, раскинул руки и захрапел.

Через полчаса подошла жена гончара. Стоя над мужем, громко запричитала:

— Опять нажрался, зараза! Сходить до добрых людей на минуточку нельзя! Надел ты мне, супостат! Когда тебя нечистая приберёт из моей жизни!

Потревоженный гончар замычал во сне. Никифор Корнеевич и Василий подхватили пьяного соседа, отвели к возу с горшками, положили на солому. Жена понесла следом соломенный брыль, штоф и кружку.

Утром, поев кулеша, Никифор Корнеевич оставил Василия торговать последнего коня, сам пошёл к продавцу посуды. Была причина: всю ночь не давали покоя слова: «Не знаю, не знаю, добродеею...» Беспокоиди, собственно, не они, а подозрительность в голосе гончара, смешанная с беспокойством.

«Шо ему до молотилки? — думал Никифор Корнеевич. — А сказал же не просто так...»

Соседи переключивали макитры¹, глэчики и миски.

— До дома собрались, добродееи? — спросил Никифор Корнеевич.

— Не продали и половины, — огорчённо сообщил мужик.

— Свой товар? Сами обжигаете?

— И глазуриим, — с гордостью сказал гончар.

— А откуда вы?

— Из Золотоноши.

— Не далёко... Глину де берёте?

— Хочешь себе такое дело устроить?

— А може, и сделаю, — ответил Беспалый. — Только у нас глина поганая. Из каменём и известью пополам. Чистой, як тесто, нету.

— А зачем вам, пан, этие горшки? У вас настоящее дело — молотилка.

— Про иё откуда знаешь?

— Народ гудел. У том годе хотели до вас везти снопы... Не сталось. Один сказал — она сгорела. Мы и не повезли... А як вы говорите, шо машина работайт... повезём обязательно. А то в Кременчук или Кобыляки дальшей, чем до Солёного Гая, учитай, почти вдвое.

— А у Кременчуке чего?

— Там жид нанимает хлопов с цепами, як на панщину. В двадцать цепов молотят... и три дня. А у тебя воз жита за сколько выбивается?

— Час, два... Може, три.

— А як нам платить?

— Десятый сноп и солома на огонь.

— Не брешешь, шоб нам из снопами не вернуться назад?

— Десять, — заверил Беспалый. — Шо ищё мужики говорят?

— Про шо тая пьянь може говорить? — встряла жена. — Один напился и кричал: «Пойду, спалю тую немецкую заразу, шобы нашый православный народ не баламутила!»

— А и правда... — подхватил гончар. — Император у Петербурге — немец, пан нашый, Энгельгарт, — немец. Жид, шо в Кременчуке молотит, — немец. Теперь и молотилка — немка!..

¹ Макитра - ёмкость из глины для растирания мака (укр.).

— Супостаты проклятыи! — обозлилась женщина. — Пятый день торгуем и половины не продали...

— Спасибочки за компанию, — сказал Никифор Корнеевич. — А удумаете привозить снопы, то лучше из вечера приехать, шоб чуть свет начинать... А то своих сильно много...

Беспалый хотел уйти, но гончар его остановил.

— А вы, добродей, не из немцов?

— С чего такая мысль? — удивился старик.

— Брыль у вас не наший... Из индюшачим хвостом. И собаку из собой возите... Это вместо «Бердана»? Може, продадите собаку, добродей? Я за иё три глазурированных глэчика дам или пару макитр из макогонами¹... А макогон из акации.

— Не продаётся, — ответил Никифор Корнеевич. — Сами сказали: «Вместо «Бердана».

Когда вернулся к своим лошадям, Василий с каким-то мужиком торговал собаку. Чёрт скалил зубы на покупателя, ломая уши, дыбя беспрерывно шерсть на загривке.

— Собирайся, — приказал отец.

— Не договорились ищё...

— Не продаётся.

— Золотой даёт...

— Хоть десять! — недовольно оборвал Никифор Корнеевич. — Другой раз. На ошень пускай приходит... Я котят привезу... Тоже тварюка хорошая.

Стали запрягать.

— Ты Шлёгера в телегу поставь, — попросил старик. И поймав удивлённый взгляд сына, добавил: — А я на кобыле.

Когда собрались ехать, старик подозвал к себе цыгана. Порылся в кармане, достал золотые червонцы, которые получил от барона, и протянул конокраду.

— Твоё. И не кради никогда. Попроси, заработай. Другой дороги в люди нету, — и запрыгнув в бричку, спросил: — Онишки знаешь?

— Слыхал, — ответил неуверенно Елизар.

— Перед ними Солёный Гай есть. Дом под железом — это мы. Приходи. Дело дам. Из конями, — хлестнул кобылу и крикнул: — Черт, домой!

Когда проезжали развилку дороги на Лубны, Никифор Корнеевич остановил бричку, подошёл к телеге и сказал сыну:

— Ты, Василь, сичас на тартаку² до Шабтая Гилельса, — взялся отсчитывать асигнации. — Скажешь, пусть артель пришлёт навес для молотилки ставить. Заодно купишь ведро нефтяной смолы и ведро гвоздей четвертных.

7

Приехали две арбы от Гилельса. Привезли брёвна и доски.

Когда сели ужинать, Христина спросила у мужа, выказывая неудовольствие:

— Чего удумал?

— Конюшню для молотилки будем ставить, — объяснил Никифор Корнеевич.

— Якую конюшню?! — возмутилась старуха. — Косить через неделю пора, а не всякие непотехности ставить.

— Покосим, — уверенно сказал Василий. — Мы с батьком косим, а Дарка с Ивановом переворачивают.

— Я на сенокос не пойду, — заявила Дарья. Она из ложки кормила Петю. — Куда мне из им?

— С чего так? — спросил Никифор Корнеевич. — Гришка покормит...

— Ты, початок лущеный, слепой?! — возмутилась Христина. — Погляди на деву. Вся пятнами пошла. Якая ей косовица?! Дитё до нас Бог послал.

Заканчивали ужинать молча.

С рассветом Дарья вышла во двор с ослоном и цибаркой доить.

¹ Макогон - деревянная палка для растирания мака в макитре (укр.).

² Тартака - лесопилка (укр.).

У крыльца стояла бричка. Никифор Корнеевич затягивал подпругу на животе у Шлёгера.

— Далёко собрались, батько?

Никифор Корнеевич оставил возиться с упряжью, подошёл к невестке и тихо спросил:

— Когда приготовилась?

— С мамой считали. На Рождество... или сразу после.

— Даст Бог...

Свёкор ускакал... Вернулся только к вечеру.

Позвал Ивана, попросил помочь распрячь Шлёгера.

Когда снимали хомут, поинтересовался у внука:

— Ты косилку видал?

— Видел. С крыльями — траву и жито загребать.

— Завтра привезут из Полтавы.

— На одну коняку или на две?

— На одну.

Внук скривил лицо недовольно.

— А як надо? — спросил дед.

— Шоб две. Быстрее косят.

— Поспеем и так. А нам из тобой нада придумать, де загон для молотилки и косарки делать. Надо было сразу поставить, як Гельмут приказывал.

— Надо так, шоб удобно выкатывать.

— А чего её выкатывать? Поставь вола — он потянет, — возразил Никифор Корнеевич.

К вечеру следующего дня в Солёный Гай приехали две телеги, запряжённые парой лошадей каждая. Привезли на одной станину с ножами, на другой — колёса, крылья и барок. Два мужика разгрузили всё посреди двора. Навесили колеса и крылья.

Один, передавая Никифору Корнеевичу жестяную банку со смазкой, сказал:

— Каждый раз перед косовицей колёса и галля¹ мажьте. И глядите, не подставляйте голову под крылья. Крепко бьёт по лбу. С того и зовётся лобогрейка. Косит всё... Ручку на себя дёрни — и косит, — сел на сидение и несколько раз дёрнул рычаг.

— А если сломается чего? — спросил Василий.

— Тут ломаться нечему. На другой год купите тонкий терпуг² и наточите ножи.

На следующее утро от Гилельса пришла артель лубенских мужиков — четверо с топорами и молотками. Выгнали гараж для молотилки и косилки. Долго стучали на крыше, загибая жечь.

— На зиму покрасьте бляху на крыше яким-то суриком, — порекомендовал бригадир, принимая от хозяина деньги.

Никифор Корнеевич и Василий взялись перекачать машину с середины двора под новый навес. Озадачились. Затянуть волами не удалось — дышло и волю рогами упирались в стенку конюшни, а машина наполовину оставалась не укрытой. Долго рыдали, отыскивая выход, но так и не нашли. Дело оставили до утра.

Троицны ночи молчаливы и коротки... В доме запах липового цветения и чабреца, под ногами шуршание высыхающей осоки. Окна нараспашку. Нет уже ночных песен — последний соловей обзавёлся гнездом. Только в зарослях лецины баблует ветерок.

Дарья лежала, борясь с вдруг подступившей к горлу мутиью, которая начала заполнять голову. Казалось, что не хватает воздуха. Стала ворочаться... Рядом тяжело сопел Василий, раскидав руки. Всхлипнул в зыбке во сне Петя и умолк.

Дарья тихонько сползла с кровати, пошла босая на крыльцо. Крашенные доски приятно холодили ступни. Уселась на скамейку. Мутная оторопь как будто исчезла.

¹ Галля - велосипедная цепь (укр.).

² Терпуг - напильник (укр.).

Прибежал Чёрт. Лёг рядом, положив тяжёлую голову на лодыжку... От него по всему телу, как лёгкий ветерок, рвущий туман, пошло живое тепло, начало разгонять муть.

...Зашумело в ветвях лещины. Пёс сорвался и с рычанием убежал за дом... И всё умолкло.

Дарья закрыла глаза, словно окунулась в тепло-парную ночную прозрачность.

Но её вырвал из сладостной полудрёмы собачий визг и яркая вспышка огня за домом.

Она вскочила и побежала...

Под молотилкой горела куча соломы. Горела небыстро, но жадно.

— Батько! — завопила невестка, в растерянности остановившись посреди двора. — Василь, горе!

Слышны были чавкающий хруст огня, жрущего солому, и жалобный болезненный скулёрж собаки.

— Господи! — закричала Дарья. — Чего творится на этом свете, люди добрые!

Кинулась к молотилке, на ходу сбрасывая ночную сорочку. Набросила её на горящую кучу и упала сверху. Огонь обжог руки у локтей. Боль заставила вскочить... В свете пламени увидела вилы, оставленные кем-то у молотилки, схватила их, принялась расшвыривать горящую солому по сторонам, крича...

Она не заметила, как рядом оказался Никифор Корнеевич в исподнях... и полуголый Василий с ведром воды...

Когда погасили огонь, Христина накрыла голую невестку простынёй, повела в дом.

— Слава Богу, волосы не спалились, — говорила она, разглядывая красные, начавшие волдыриться, руки невестки. — А это, милая, мы сейчас помажем...

Она позвала Василия.

— Возьми ведро, сходи до ветру за малым. И быстренько принеси. И тряпок на рви.

Христина вымачивала тряпочки в моче и прикладывала к обожжённым локотикам. Невестка ойкала, не сдерживая слёз.

Проснулся Петя, заплакал. Его пошёл унимать свёкор.

Дарье перемотали руки, положили её на кровать. Она охала, ныла.

— Ты, милая, терпи, — уговаривала свекровь, кладя простынь поверх рук невестки. — Дед свезёт в шпиталь... За якие грехи нам такое?.. Боженько, где ж ты был?.. С рассветом всё в доме успокоилось.

В больнице молодой парень пропитал белые тряпочки жёлтой мазью, приложил к ожогам. Слегка примотал бинтом.

Боль сразу унялась.

Получая от Никифора Корнеевича три рубля, передавая ему стеклянную баночку, доктор сказал:

— Будете мазать через день. Думаю, за месяц всё сойдёт. Только следы, правда, останутся... До... — и глядя на молодую женщину, спросил у старика: — Дочка?

— Невестка.

— Значит, заживёт быстрее, чем до свадьбы.

Обратно ехали быстро...

— Як то стало? — спросил Никифор Корнеевич.

— Мутило меня, — ответила Дарья. — А тут огонь...

— А де были собаки?! — то ли спросил, то ли возмутился свёкор.

— Чёрт возле меня лежал. Потом кинулся до лещины... И огонь...

«Хтось свой...» — сообразил Никифор Корнеевич. И вспомнились слова гончара из Золотоноши: «Молотилка ище живая?.. А ночью огонь подкинули...» И, пока ехали до Солёного Гая, перебирал в мыслях лица тех, кого признали дворовые собаки за своего.

***

Приближение Рождества не радовало...

Дарья ходила, должно, последнюю неделю перед родами. Её худое лицо покрыли

серые пятна. Часто садилась, держа себя за большой живот, точно боялась, что он порвётся и, не доведи, Господи, дитё упадёт на пол. Во двор выглядывала редко и боязливо. Постоит на крыльце, укутавшись в мужнин тулуп, поглядит на белые заносы у шиповной изгороди, подышит морозом и снова в тепло.

Все жили молчаливым ожиданием, точно боялись чего-то.

Гриша, привезённый из сельской школы, возился с трёхлетним братом, не донимая мать.

Уже перед самым Рождеством Никифор Корнеевич присел рядом с невесткой и тихо сказал:

— Это хорошо, шо ты, як Матерь Божия, дитё подгадала на святыи день.

— Даст Бог, де трое, там и четвёртый, — невесело ответила Дарья. — Токо все якие-то невесёлые ходят, точно меня хоронят.

— Наговоришь, — недовольно сказал Никифор Корнеевич. — Тихо ходят, шоб тебя не сильно донимать...

— Вы, батько, на детей гляньте... Швендяют¹ по хате, шо те слепые по ночи.

— Так от я про чего... Може, мы Рождество из ёлкой изделаем?

— А як это? У нас такого не было... Мы по хатам ходили из колядками.

— Я когда до германов ездил, там видал, як они себе Рождество делают. Миколайки дарят... Потом в Петербурге такое самое видал. И у Гатчине... Это такой город вроде наших Лубен... Там императорский брат из женой живёт. Так он ёлку у большой комнате ставил. Комната, як наших две конюшни, токо окна высоченные... от потолка почти до самого полу. И липа позолоченная на стенках прибита... Там царёвым детям праздник делали... из музыкой. А я из палашом коло дверей стоял... Охранял.

— И посева² у императора? — спросила Дарья.

— Обязательно. Кругом ёлки ходили, колядки пели. Правда, не наши. Немножко скушные... на германские похожие. Невесёлые для такого счастливого праздника.

— Ивана нету, — невесело сказала Дарья.

— Василь собрался в Лубны за Иваном завтра из самого утра гайнуть. А на самое Рождество за Яремовыми сынами сбегает. Сделаем праздник Гришке и Петру. Тебе из новым дитём... И нам с Христиной.

— Дитё ищё родить надо, — тревожно сказала невестка.

— Родишь, — уверенно сказал Никифор Корнеевич. — Господь нового человека нам под такой святой день приготовил... Нельзя без праздника.

Но утром Никифор Корнеевич послал Василия заниматься лошадьми, сам же заложил в бричку Шлёгера. В ноги бросил топор и большой кусок пеньковой верёвки. Надел тулуп, баранью папаху. Закрылся полстью. И помчал...

Шлёгер бежал по дороге быстрой рысью с подвисанием, хватая мёрзлую землю одной из новых подков, отбрасывая куски слежавшегося снега и пугая холодный утренний воздух мощными струями серого горячего дыма из ноздрей.

Набегающий поток обжигал лицо старика; он наклонял голову, прячась за бараньим мехом папахи. Усы раздобрели, напивавшись белью.

В пустом дворе школьного пансиона дворник чистил снег.

— Когда конец урокам? — спросил его Беспалый.

— Сёдня скорей, чем завсегда. Рождество. Ждите, пан. Скоро вылетят, шо те шпачки³.

Изнутри здания донёсся негромкий звон колокола. И буквально через мгновение во двор с шумом и визгом высыпали три десятка детей с ранцами за спиной.

Никифор Корнеевич отыскал внука, заставил надеть поверх пальто тулупчик, усадил в бричку, укутал полстью.

— Учитель тебя не ругает? — спросил, когда отъехали.

— А за что меня ругать? — удивился Иван.

¹ Швендять - ходить без дела (укр.).

² Посевание - обряд колядования, обсыпания зерном рождественских ёлок во славу Рождества Христова (укр.).

³ Шпачок - скворчонок (укр.).

Никифор Корнеевич рассмеялся.

— Когда таким, як ты, был, меня дед Корней ругал просто так. Когда бегу — «Зачем бежишь?!» Когда як черепаха — «Чего еле ноги волочишь?!»

— И ему не делали тёмную? — недовольно спросил Ваня.

— А это чего?

— У нас, когда кто-то нагадит классу, ночью на голову одеяло и бьют... Пусть знает... гадёныш.

— Дед Корней сам кого хош в землю урывал... А ты тоже бил товарищѐв?

Ваня не ответил. Никифор Корнеевич повернул лицо в сторону внука. Долго ехали молча, и он всё ждал, когда внук заговорит. Но тот сидел со строгим выражением лица, словно ожидал чего-то недоброго. Старика больно зацепило не самое молчание, а серьёзность на лице, с которой тринадцатилетний внук не пожелал отвечать на вопрос: бил или не бил?

Бричка свернула в боковую улицу. Ваня сказал взволнованно:

— Нам же в Солёный Гай! Это в другую сторону.

— Мы сичас до крамницы. Мама попросила Рождество изделать.

— Настоящее? — радостно воскликнул Ваня. — С ёлкой и посеванием?

— И с колядками... Нада купить Звезду Давида и яких-нибудь игрушек... А ты колядки знаешь?

— А лучше конфет, какие в бумажки завёрнуты, — деловито предложил Иван, не желая говорить о колядках. — Мы цыганской иглой в них петли прошьём и на ёлку повесим.

— Сегодня повесим, а завтра Гришка с Петькой выдерут, шо те яйца из воробьиного гнезда.

— А я высоко повешу.

— Шоб доставал только самому себе? — заметил Никифор Корнеевич, косясь на внука.

В крамнице по стенам на полках лежали ситцевые, драповые, шерстяные и жаккардовые ткани в штуках.

Гостей встретил сам хозяин — худой, засушенный старик с мерным аршином в руках. Он за прилавком отмерял марлю из штуки.

— Здравствуй, Гнат Сидорович, — сказал Беспалый.

— Давно ты до меня не заглядывал, Никифор. Только твоя Нинка за крамом¹ наведывается.

— Мы за пустяком до тебя. Игрушек надо на ёлку. Внукам праздник хочу изделать.

Продавец оставил аршин, отодвинул в сторону штуку марли, полез под прилавок. Достал один за другим три ящика, наполненных разноцветными картонками на нитках.

— Набирай, — сказал Гнат Сидорович.

Никифор Корнеевич подтолкнул внука к прилавку.

Пока Ваня рылся в ящиках, Беспалый разглядывал стены магазина.

— Здорово у тебя, — сказал он. — Ни снег, ни дождь тебе не беда.

— Давай меняться, — предложил хозяин.

— Совсем даже не хочу. У меня двор большой, кони бегают... Думал поставить пасеку. Так дети малолетние кругом... Пчёлы могут покусать... Ни один шпиталь не спасёт.

— Это в бакалею до Ханжонка. Он мѐд скупаит. А я слышал... ты, Никифор, мельницу у немца покупать надумал?

— Мне и молотилки хватаит. От её хлопот полный рот. Пока зима — стоит около конюшни. А молотить... Утром на середину двора, вечером назад.

— Работа — волам арбу таскать, — засмеялся Гнат. Принялся упаковывать выбранные украшения.

— Токо ты, Гнат Сидорович, «могодовид»² не забудь, — попросил Никифор Кор-

¹ Крам - ткань (укр).

² Могендовид - звезда (шит) Давида (иврит). Украшение на макушу рождественской ёлки.

неевич. — А то макушку на ёлке бабской кофтой прикрывать придётся, шо тот корабель парусом.

Заехали в бакалею к Ханжонкову. Беспалый купил три селёдки, две «белоголовых» бутылки водки, в бумажную торбочку продавец отсыпал четыре горсти конфет. К ним добавилась железная коробочка «Монпансье» и бутылка «Кагора».

— Може, вам, пан Беспалый, фонарики для свечек на ёлку?

— Давай купим! — радостно подхватил Ваня.

Но дед не отреагировал. Отдал продавцу пять рублей ассигнацией. И вышли.

Выехав на дорогу в сторону Солёного Гая, Никифор Корнеевич попридержал коня и спросил у внука:

— А шо за паскудство утворил тот хлопец?

— Какой? — спросил Ваня с растерянным безразличием. Сейчас он жил мыслями, где поставят в доме ёлку и как он будет её украшать.

— Якого ты бил.

— Все били.

— Ты, Ваня, не всякай, а токо якай, — без назидательности заметил Никифор Корнеевич. — Пригодится у завтрашнем дне. Я не батько и ругать тебя не имею права. Скажу, а ты на ус намотай. Себе и другим приказывай, а ответ за это только на себя вешай. Один ходи и не спускай никому мерзости... А на человека гуртом никогда не кидайся, даже если он вша бездушная. Ты не волк. Когда гуртом, это одна дорога — камень на шею и в Йордань.

Поравнялись с небольшим лесочком, что темно зеленел, присыпанный снегом.

— Пойдём, — сказал дед. — Возьми топор. А я спутаю Шлёгера... А то потом и ветром не догонишь...

В лесочке снег был уже лежалый, проваливался с хрустом под ногами.

— Гляди, — попросил дед. — А то у меня глаза не сильно видят. Выберу якую облезлую, шо тая собака весной. Только не сильно высокую нада. До конька недолезем.

Отыскали молодую ладную сосёнку, круглую, без залысин.

Никифор Корнеевич отгрёб валенками снег у комля, в два удара свалил деревцо. Закинул за спину, понёс к бричке.

Долго вязали её к заднику.

Ехали небыстро. Ваня ёрзал на сидушке, поворачивал лицо к деду, но не решался начать разговор. Когда уже показались верхушки голой лещины Солёного Гая, повернулся всем телом к деду и спросил:

— А почему мы не купили фонарей? Это красиво.

— Шо глаза колит на юру — то глупство, Ваня. А огонь на ёлке — то хужей воровства. Одну свечку прозеваешь — весь дом стгорит. Дом свой нада беречь от всяких свечек. От огня одно горе на этом свете, — Никифор Корнеевич замолчал. И когда подъехали к воротам двора, оставил вожжи, снял варежки, раскрыл правую ладонь и четырьмя левыми культиями постучал по ней, точно предостерегал внука от ненужных дел, как когда-то сыновей от татства. — Держись подалей человеческого паскудства, огня и влады...

* * *

— Слава Богу, — сказала свекровь, обмывая младенца. — Девка, наконец. А я боялась, шо опять вояка-трутень.

— А чего плохого? — спросил Никифор Корнеевич радостно. Он принёс два ведра тёплой воды из кухни.

— Боялась — война опять на нашу голову. Як из японцами.

— Хто тебе, Хрысь, такое нагудел? — недовольно спросил Никифор Корнеевич.

— Из Гая нигуда нос не казала, кроме як у церковь. А отец Авдий таких глупствов с амвона не позволяют.

— Мы и без Авдия свою голову носим... — обиженно ответила жена. — По селу парни один за другим сыпались, шо орехи в сентябре. У нас трое, у Яремы двое, у Дарькиного брата тройко. И с японцами война началась... Вот Господь смиловался над нами, девку принёс. И вовремя. Как специально на Рождество Господне... Ду-

маю, мимо войны пронесёт. Як повезём к отцу Авдию на Иордан крестить, нада сказать, шоб обязательно Марией назвал, раз на своё Рождество Господь сподобил. Як Мария Иисуса нашего.

* * *

После обеда Василий развёз детвору. Никифор Корнеевич каждому в дорогу выдал по прянику и паре конфет.

В тёмном вечернем дворе предостерегающе-грозно залаял Чёрт. Но, на удивление, сейчас же умолк. В оконное стекло постучали.

— Хтось свой, — уверенно сказал Никифор Корнеевич. Чтобы подтвердить свою правоту, добавил: — Чёрт не кидается, — пошёл спроситься.

На крыльце темнела чёрная фигура без шапки.

— Ты хто? — взволнованно спросил старик, пытаясь разглядеть неожиданного гостя подслеповатыми глазами.

— Элисар, дядя.

— Откуль ты такой?

Гость промолчал. Было видно, что его донимает холод.

— Василь! — крикнул старик. — Ходи быстрее! Лампу неси!

Сын вынес из кухни ярко пылавшую трёхлинейку.

Огонь высветил человека в худеньком пальтишке, подпоясанном тоненьким шнурком, в грязных портянках вместо обуви, обвязанных такими же тонкими верёвочками. Лицо парня было тёмно-красным. Один глаз смотрел из-под чёрной брови с мольбой. Второй залился сине-чёрным пятном.

— От это да! — испуганно произнёс Василий, понимая, кто перед ним.

— Веди у баню! — приказал Никифор Корнеевич. И позвал: — Ваня, иди топи. А я сичас воду принесу.

— Хто там?! — взволнованно крикнула старуха Христина из глубины дома.

— Мамо, найди Василёвы сподни и сорочку! — попросил Никифор Корнеевич.

Через два часа Елизар уже сидел за столом, вымытый, в Василёвых споднях и белой рубахе, ноги воткнуты в валенки. Перед ним Василий поставил миску с картошкой, накрытой толстым слоем квашеной капусты, и куском домашней колбасы. Рядом поставили кружку с грушевым взваром.

Елизар ел и с любопытным удивлением разглядывал разукрашенную ёлку.

— Чего с тобой стало? — спросил Никифор Корнеевич, когда парень отодвинул пустую миску.

— Я в баню схожу? — попросил цыган.

— Шо-то забыл?

— Махорка в кармане.

— Завтра сходишь, — ответил старик. — Из кем бился?

— До мамы в табор ходил... Деньги, которые у барона за коня, хотел ей отдать. А батько...

— Отдал? — перебил Никифор Корнеевич.

— То, шо осталось. И одёжу для неё.

— А теперь куда?

— Вы, пан, обещали до своих коней взять, — сказал Елизар, пересиливая себя.

Отец и сын переглянулись.

— Двадцать рублей, кровать и харчи вместе из нами, — сказал Василий.

Цыган нервно кивнул, соглашаясь.

Заплакал младенец. Василий подскочил и вышел.

— Пока на полу постелю, — сообщил Никифор Корнеевич гостю. — С хлопцами будешь спать. Завтра из Василём Никифоровичем поедете в шпиталь.

Утром старик, как всегда, отправился на конюшню. Вычистил в денниках, набросал сена в ясли, подсыпал овса. Пришло время поить. Вернулся в дом за тёплой водой.

На крыльце стоял Елизар с самокруткой в зубах.

— Где взял? — строго спросил Никифор Корнеевич, тыча культами в лицо цыгана.

— В бане.
— Кинь. И шоб я больше не видал, — и, поймав непонимающий взгляд Елизара, объяснил: — Махру кони не любят. И у меня полный дом детей. Им махры и перега-ру не нада...

Когда ехали в Лубны в больницу, Елизар скрутил самокрутку и спросил:

— Пан Василь, а вы курите?

— Дурное дело. Не солидус...

— Почему? Все курят. Даже бабы.

— Ты, хлопец, кинь сосать дым... Дед видал?

— Нет, — соврал цыган.

— Сильно не любит. Ты сразу себе прикажи... Если хочешь смолить — оставайся в Лубнах... Если дед прознает — из двора пнёт... — и чтобы не говорить о табаке, спросил: — Кузницу знаешь?

— Нет.

— Вернёмся, раздуем. Я два ведра везу... Антрациту наберём. От него температу-ра — чистое солнце.

Проезжали мимо бакалейной лавки.

— Пан Василь, — попросил Елизар, — дайте один рубль.

— Тебе зачем?

— Если нельзя курить... то я колоду карт куплю. Буду фокусы показывать.

— Купи две, — попросил Василий. — Сгодятся.

* * *

Елизар на полу, на постели, тасовал карты в колоде. Рядом с ним сидел Гриша. Цыган раздал по шесть карт, высветил десятку пик козырем.

Раскрыл перед глазами карты веером и сказал:

— Я хожу.

— Почему? — недовольно спросил Гриша.

— Я сдавал, значит, мой ход.

— Вчера говорил — у кого шестёрка козырная.

— То — вчера, — положил на постель шестёрку червей. — Бей.

Гриша принял карту. Елизар снял новую с колоды. И бросил на постель восьмёр-ку треф.

— Снова заберёшь? — спросил он ухмыляясь.

Но Гриша побил восьмёрку валетом. И дождавшись, когда Елизар возьмёт карту из колоды, положил перед ним три шестёрки. Цыган отбился девяткой, восьмёркой и дамой. Тогда Гриша выложил козырную шестёрку. Елизар долго думал и побил её козырным тузом.

Партия игралась медленно. Елизар непрерывно хватал свободной рукой карты, выброшенные в отбой, точно они помогали игре.

На руках у обоих оставалось по четыре карты при пустой колоде.

Гриша выложил перед Елизаром бубновую и трефовую даму. Цыган лихо побил их королями. Тогда мальчик добавил козырную даму. А цыган побил её козырным тузом.

— Проиграл! — воскликнул Елизар. — Ты — дурень!

— Зачем мухлюешь? — спросил Гриша серьёзно.

— Ничего я не мухлюю! — возмутился цыган.

— Ты бил козырным тузом козырную шестёрку. И опять он у тебя?

— Когда? Шо ты брешешь?!

— Я все карты считал. И знаю, якая у тебя в руке.

— Якая? — взвился Елизар.

— Десятка бубей.

Цыган бросил карты в общую кучу и принялся тасовать.

— Сам — брехло! — деланно возмутился он, уличённый в жульничестве. — А говорил, когда начинали первый раз: «Не умею играть...»

Из кухни перебранку услышал Никифор Корнеевич. Вошёл в комнату внуков и, увидев в руках Елизара карты, поинтересовался:

- Чья берёт?
- Он мухлюет, — пожаловался внук.
- Ничего я не мухлюю...
- Он туза украл... Я посчитал.
- А ты, Елизар, читать умеешь? — спросил Никифор Корнеевич.
- Умею, — бодро ответил цыган.

Старик ушёл, вернулся с тоненькой книжечкой в сером переплёте. Протянул Елизару.

— Читай.

Парень взял книгу, но раскрывать не стал.

— А ну, Гришка, ты почитай.

Внук отвернул обложку и прочёл:

— А.С. Пушкин. «Дубровский».

— Ты Пушкина знаешь? — спросил Никифор Корнеевич цыгана.

Елизар промолчал.

На следующее утро, после дел в конюшне и хлеву, старик, садясь за стол завтракать, сказал Василию:

— Поедете с Елизаром в Лубны. Купите для него кровать.

— Не поеду, — отказался Елизар. — На полу буду спать.

— В нашем доме спят на кроватях, — строго объяснил Никифор Корнеевич. —

По-людски.

После завтрака старик приказал цыгану:

— Запрягай и погоняйте, — повернувшись к сыну, добавил: — Заодно купите сапоги, штаны и сорочки новому школьнику.

— Не поеду, — набычился Елизар.

Никифор Корнеевич не обратил на его слова никакого внимания.

Принёс в кухню тулуп и папаху. Бросил в руки цыгана. И приказал Василию:

— Як купите одежду, заедь до Ханжонка, спроси букварь, десять тетрадей, якие у вас у школе.

— А каллиграфию покупать? — спросил Василий.

— А это чего?

— Это если писарем в присутствии, — объяснил старший внук. — Для грамот и всяких указов.

— Купи, — и спросил у Вани: — У тебя ручки с перьями есть? — и получив утвердительный кивок, добавил: — И чернило.

* * *

После Троицы четырнадцатого года собрались гнать коней в Сорочинцы. Василий с Елизаром целый день чистили назначенных на продажу. Вечером после ужина цыган подошёл к Никифору Корнеевичу и попросил:

— Вы меня, пан Никифар, не берите из собой.

— Шо так? — удивился старик.

— Дайте денег за месяц вперёд. К маме гайну... Два года не виделись с тех пор, як я у вас.

Беспальный смотрел на парня, стараясь понять, какие мысли управляют его душой.

Спросил после долгого молчания:

— Не боишься у табор?

— Пока будете продавать, я успею, — ответил цыган.

Никифор Корнеевич сходил к себе, принёс две красноватые бумажки по десять рублей ассигнациями.

— Тебе хватит?

— Пока я у вас, почти все деньги, якие платили, остались.

Никифор Корнеевич посчитал и удивился:

— Куда тебе почти шестьсот рублей? — и добавил, смеясь: — Себе хутор будешь покупать? Этого мало пока.

— Для барона собирал.

— Да плюнь на него! — возмущённо заявил старик. — Забудь! Ты теперь воль-

ный казак... хоть и цыган. А деньги на себя потратить. Девку найди... Я на Пасху видал, як они до тебя лишнут.

— Маму выкупить у барона, — заявил парень.

Никифор Корнеевич долго молчал, сбитый с толку словами Елизара.

— А это як? Она чего?

— Отец её в услужение барону продал. Я коня воровал у вас, чтобы её забрать. А потом барон меня побил и трёх коней потребовал... Вот у меня на три коня уже есть деньги.

— Боюсь, Елизарий... — с опаской усомнился старик, — ты для вашего барона хужей злочей вражины. Мы ему коляску переломали... И выходит — ты его прилюдно в говно мордой ткнул.

— Очень нада, — неулыбчиво сказал Елизар. — Маме нельзя у него. Плохо ей.

— Братья, сёстры есть?

Елизар промолчал, скосив глаза.

— Гляди, — с опаской сказал Никифор Корнеевич. — Утром довезём до Лубен.

— Нет. Я сичас.

— На ночь глядя?

— Я вороную кобылу под седло поставлю? — уже требовательно заявил Елизар.

— Если чего — найдёшь нас в Сорочинцах, — согласился Беспалый.

Елизар собирался быстро. Было понятно — замыслил поездку давно. Коня подготовил загодя.

И ускакал в ночь. Его до большака провожал Чёрт.

Утром, когда ставили трёхлеток в коновязь, Василий сказал обеспокоенно отцу:

— Два с половиной года держали, а он сбежал. Сколько волка не корми...

Никифор Корнеевич промолчал, заранее угадывая мысли сына.

— Кобылу жалко, — сокрушился Василий. — Пять годов добрые жеребята шли... Вороные все и с белыми звёздочками... Только для параду.

Торговали не шибко. По приезде в Сорочинцы затынул по-осеннему нудный, холодный дождь. Лил всю ночь и следующий день. Намокли попоны. Беспалые прятались под телегой, в которой было навалено сено. Вместе с ними тут же пристроился Чёрт. Он нарочито громко рычал, пугая случайных прохожих. Костров не жгли; не пелось.

Только на третий день отдали вороного и гнедую кобылу с малой звёздочкой во лбу.

Еще один день прошёл впустую...

Василий неспешно ковырялся у огня. На треноге варилась пшённая каша с соломиной. Никифор Корнеевич лежал на сене в ленивом ожидании.

Вдруг сорвался из-под телеги Чёрт и беззвучно умчался в вечернюю мглу.

Беспалые переглянулись с недоумением.

— Это чего? — спросил Василий.

— Кого-то унюхал, — уверенно предположил Никифор Корнеевич. — Если сучку якую — пропадёт... Ищи-свищи теперь.

— Нагуляются — вернётся, — засмеялся Василий. — Собачья любовь короткая... особенно летом.

— Нагуляются быстро, — согласился отец. — А пока вернётся, скольких людей порвёт?

— С чего вы так?

— Много, якие захотят бездомного волка прибрать, — озабоченно объяснил Никифор Корнеевич. — А Чёрта на цугундер не посадишь.

Из темноты долетели звуки копыт, бьющих утопанный промокший песок. И выскочила чёрная фигура всадника.

— Наша Сорока! — воскликнул Василий, узнав вороную кобылу.

Никифор Корнеевич поднялся. Взял за оброть коня и молча глянул на всадника, не понимая, кто сидит в седле. И только когда человек спрыгнул на землю, признал Елизара — на нём были непонятная широкополая шляпа с обвислыми мятыми краями и рваная сорочка без пояса.

— Опять побил? — недобро спросил Никифор Корнеевич.

Цыган не ответил. Освободил рот Сороки от мундштука, привязал её оброть к телеге. Сел рядом с Василием, вынул из кармана бутылку «белоголовой» водки. Поискал глазами кружку. Налил и выпил. Вытер рукавом губы. Порылся в кармане штанов, достал ассигнации и протянул Никифору Корнеевичу.

— Это чего? — с опаской спросил старик, принимая бумажки.

— Не нада больше, — ответил цыган, глядя в чёрную пустоту ночи. — Не успел... Умерла. Барон убил.

Ужинали словно немые. Елизар нехотя ел кашу. Ему в рот с преданной влюблённостью заглядывал Чёрт, изредка подёргивая хвостом. В какой-то момент цыган облизал ложку, а миску с кашей подsunул под морду собаке.

Когда улеглись ночевать под телегой, Василий спросил у Елизара:

— Сильно бились?

— Мне могилу мамы показали... за табором. И всё рассказали.

— Так у Полтаву станového! — предложил Василий.

Никифор Корнеевич слушал разговор, а потом спросил:

— Барон пообещал тебя убить?

— Кричал... — неуверенно ответил цыган.

— Ты на нём нагайку порвал зачем?

— Я новую сплету.

— Кому говорил, шо в Солёном Гае живёшь?

— Никому, — уверенно ответил Елизар.

— Поглядим, — с сомнением ответил Никифор Корнеевич, повернулся на бок, подставив сыну спину.

8

Убирали хлеб. Народ, кроме рожениц и малолетних детей со стариками, был на уборочной. К Беспалому зачастили мужики договариваться: к какому дню привозить снопы на обмолот. Но вдруг в село примчался полтавский становой. Сразу заглянул в пустой двор Гаврилы Касьяненко. Его злым лаем встретила чёрная собака на длинной цепи. Зашёл к Якову Назаренку. И там двор пустовал. Заехал во двор храма. Увидел на крыльце иереева дома матушку, возившуюся с малым дитём. Снял картуз, вытер платком лысую голову и спросил:

— Матушка Палаша, а где отец Авдий?

— В хлеву с внуком, Матвей Иваныч. Какое недоброе дело привезли нам?

— У меня все дела недобрые, — ответил становой и пошёл в дальний угол двора, где за деревянным штaketником в тени старых лип и осин спал погост.

У раскрытых дверей хлева громко позвал:

— Отец Авдий! Покажись на свет!

Вышел белобородый крепкий старик в серой рубахе до колен, в сапогах, измазанных коричневой жижей, с вилами в руке.

— Лезь на колокольню и гуди! — неулыбчиво сказал становой. — Буду манифест Государя Императора читать.

— Наследник помер? — Авдий перекрестился. — Царствие не...

— Наговоришь, что до синода донесут... Война!

— Из японцом снова? Во нехристи!

— С германцом! Лезь, звони! А я в царину...

— Сафрон! — позвал отец Авдий.

Из хлева вышел молодой парень лет двадцати.

— Слетай на звонницу и ударь, — приказал ему старик.

— Постный? — спросил парень.

— Будничный, — без видимого волнения ответил иерей.

— Какой постный! Какой будничный! — возмутился становой. — Набат! И долго!

— С чего народ пужать, Матвей Иваныч? — заметил отец Авдий, толкая внука в плечо. — Лезь... Набат... постный, — и поставив вилы у стены хлева, добавил, обращаясь к становому: — Народ хлеб насущный собирать начал. А пока супостат до нас

дойдёт, ой сколько времени пробежит.

— На войне время — год, что день.

— От нас до германца три дня скаку... А без хлебушка войне не бывать. Какая война без хлеба, Матвей Иваныч? Вона Наполеонка до Москвы четыре месяца шёл...

— Якой Наполеон?! — буркнул Матвей Иванович.

— От самого двадцать первого июня¹... А мог бы и не дойти вовсе, если бы народец сильно этого хотел...

— Вы, святой отец, совсем спятили?! — возмутился становой. — Икогда было?!

Сто лет минуло.

— По мне — как вчера, — зевнул отец Авдий.

— Манифест самого императора... А вы... «Пока супостат сюда придёт...» — и садясь в свою двуколку, буркнул себе под нос: — Нам только здесь германца не хватало...

— Может, заглянешь, Матвей Иваныч? — попробовал остановить станового священник. — Время только малость за полуденное. Народ соберётся не скоро.

От церковного подворья до царины с полверсты.

Становой ехал медленно, подталкиваемый тревожным, зовущим басом колокольного гула.

Первым прискакал староста Гандзя верхом на кобыле без седла.

Становой положил перед ним два листа.

— Вот тебе, Гаврила Семёнович, список Лубенского Присутствия и список Полтавского Присутствия. Допиши, кому стукнул двадцать один год. Перед Государем Императором нельзя выгладеть, што мы супротив войны. По всем дворам из манифестом пройди... И список лошадей. А хто не может поставить коня, пушай сбрую готовят...

— Где у нас скорняки? — возразил староста. — Хто делать будет?

— Собери деньги. В Лубнах пошьём... Ты забыл? У нас в Полтаве уланский полк стоит! И по губернии надо триста конёв ремонтёрам² выдать.

— Так это по всей губернии, — снова возразил староста, — а у нас по Лубнам где стоко добра взять, шобы цельный полк одеть, да ищё уланский. У них одних медяшних блях и цацок на уздечке и на мундире больше, чем репьяхов³ на собачьем хвосте. И конёв? По дворам у нас по одному... Ну, пять дворов, где два и три коника...

— Я до Беспалого в Гай побегу, — строго сообщил становой. — Он должен поставить десяток коней, а то и больше... А ты, Гаврила, сегодня уже пробегись по дворам... Война — не шутейное дело.

* * *

Никифор Корнеевич глядел со стороны, как Иван гоняет по кругу молодую трёхлетку, задавая ритм длинным арапником. Кобылу первый раз поставили под седло. В седле сидел Елизар и, натянув поводья, удерживал лошадь, чтобы та не переходила с лёгкой рыси в галоп.

Бричку станового пристава с недобрым лаем встретили собаки.

Узнав полтавского начальника, Беспалый крикнул внуку:

— Иван, як закончите, дайте кобыле морковки... Только помойте... Не суйте грязную, — отогнал на конюшню шпицев, пошёл принимать гостя.

— Здравствуй, Никифор, — сказал становой, спрыгивая ухарски с брички.

— С яким делом, Матвей Иванович?

— С недобрым. Война, Корнейч, будь она неладная.

— Из кем теперя? Неужель с голомозыми⁴?

— Из германом. Я в село манифест Государя Императора привёз. Гаврилу Гандзю по дворам послал, шобы прочитал.

— Так у меня у дворе одни малолетки. Им на войну рановато будет. А я из войска давно выписанный... Разве токо мою Христю. Она матом всех немцов перемелит

¹ 21 июня 1812 г. войска Наполеона Бонапарта переправились через Березину и пошли к Москве.

² Ремонтёр - поставщик лошадей для армии.

³ Репьях - репейник (укр.).

⁴ Голомозый - турок (укр.).

враз... А Василий по годам уже не годится.

— Это мы знаем. Слава Богу, про твою бабу в Манифесте не написано, — огрызнулся становой. — Я про поставки коней в ремонты... У тебя донцы, а в Полтаве уланский полк. Кумекаешь?

— Донцы — самые кони для уланов. Да токо мои не годятся пока войску. Кобылы с жеребьятами и трёхлетки... Якой от их прок на войне? Сено с овсом могут жевать пока да с выючной попоной¹ в деннике стоять.

— Ты не придумывай отказов. Мне перед губернатором с яким лицом?

— Моих выездить ищё надо, — продолжил Никифор Корнеевич, понимая, что от станового не удастся отделаться пустыми отговорками. — У меня пока одни тарпаны. Разе на колбасу татарину. Токо сильно дорогая колбаса выйдет... Через два года поставлю...

— Ты не выдумывай! — недовольно сказал становой. — Через два года война кончится. А германа одними словами не умнёшь, хоть и матерными. Як бы нам матюгов от Петербурга не назначили... Сичас не просто так, а Манифест!

— Так, нельзя моих конёв у войско! — возмутился Беспалый. — То самое, шо моих внуков завтра в шинель одеть. Сопливая армия — из людей кровь, як из рождественской свиньи.

Становой запрыгнул в бричку. Натянул вожжи, струня коня. И тихо сказал Беспалому:

— Я тепер уже не самый главный. Твоего сына младшего от войны не смогу спрятать. Не моя воля...

***

Ярема привёз снопы на обмолот. Вместе с ним приехали Нина и Илья.

Мужики возились у машины. Нина стояла в стороне и наблюдала за артельной суетой. Из дома вышел Никифор Корнеевич и пошёл в конюшню. Невестка заспешила следом. Старик взялся чистить денник, пока Елизар гонял трёхлетнего мерина. Увидев невестку, с удивлением посмотрел на неё и спросил:

— Чего в дом не идёшь? У нас бабы в это время в доме сидят.

— На войну вашего сына берут, — сказала Нина.

— Знаю.

— Откупите его.

— Не могу.

— Грошей жалко? Василя откупили...

— Василь по годам не годится.

— Поедьте до Матвея Ивановича у Полтаву.

— Он у меня уже был, — вздохнул Никифор Корнеевич. — Нету тепер такой возможности. Не приказной от теперя.

— Так убьют.

— И господа нашего Христа убили, когда войной юды пошли на Рим.

— То юды, а мы — православныи.

— А ты не накликай на мужа своим языком.

— Вам грошей жалко?! — крикнула Нина.

— Завтра утром подъеду до вашего двора. Побегим из тобой в Полтаву. Ты с Матвеем Ивановичем договоришься, а я ему деньги выдам.

— Давайте гроши! Я сама до него гайну.

— Добре, — согласился Никифор Корнеевич. Оставил скребок, пошёл из конюшни. — Жди.

Старик вернулся. Передал невестке узелок.

— Сто золотых червонцев. Я всегда платил по пятьдесят. Взялся за скребок и добавил: — Будет мало... прискочи.

Следующим утром чуть свет на арбе снопы привезли Гаврила Гандзя с сыном. Пока топили машину, он пошёл в конюшню к Никифору Корнеевичу. Тот с Елизаром чистили денники.

— Третьего дня нада людей у Лубны везти, — сказал Гандзя, скручивая само-

¹ Выючная попона - попона, которой молодую лошадь приучают к седлу

крутку. — Из Губернского Присутствия человек бумагу привёз. Ты Ярему и моего Ивана отвези.

— Как нада — повезём, — согласился Беспалый. — А ты сигарку выкинь. Тут курить нельзя, — и приказал: — Возле молотарки тоже.

Вечером, когда за арбой старосты закрыли ворота, к Никифору Корнеевичу пошёл Елизар.

— Пан Никифар, можно я вас попрошу?

— Про шо?

— Вы меня до себя запишите у двор.

— Тебе зачем это?

— Щоб на войну пойти.

— Ты сдурел? Война — не Сорочинцы. Там меня нету. А тут... кони и твои карты. Гуляй.

— Запишите, — попросил Елизар. — Мне по-другому нельзя. Передали — барон убить грозит. И убьёт.

— Я поеду, договорюсь из ним.

— Нет. Он — падла. Вместе с отцом мою мать замордовали. И меня не пожалеют. А я на войне не пропаду. Я коней знаю... А остальное выучу, як у вас грамоту...

— Как знаешь, — вздохнул Беспалый.

Утром бричка повезла их в село...

Гаврила Гандзя в царине переписывал списки будущих солдат для Губернского Присутствия.

— Я до тебя Гаврила Семёнович, — сказал Беспалый, входя в комнату.

— Извиняй, Никифор... Твоего Ярему пришлось записать, — зачем-то оправдался Гандзя.

— Записал... так и будет, — спокойно ответил Беспалый. — Я приехал своего хлопца отдать у войско, — он подтолкнул цыгана к столу. — За Государя Императора побиться... И за Бога православного.

— Заместо Яремы нельзя.

— Это заместо себя.

Староста с удивлением поглядел на Беспалого.

— Он же в инородцах пишется, — Гаврила достал из ящика стола листочки и прочитал: — «Не подлежат призыву всякие якуты и... цыгане». А он... — ткнул пальцем в сторону Елизара, — ветер по степу. Ничей.

— Запиши, як моего... — потребовал Никифор Корнеевич. Подумал и добавил:

— Братом запиши.

— Яким братом?

— Корнеевичем... Я — Никифор Корнеевский, а он — Елизар Корнеевский. Будет у тебя в бумажке ище один Беспалый... Нету разницы, хто германа губить будет? Ярема Никифорович или Елизар Корнеевич. Лишний человек для Присутствия и тебе спасибо от губернатора.

Гаврила Касьяненко отодвинул от себя листочек со списком будущих солдат.

— Своего Ивана записал? — спросил Беспалый.

— Записал.

— От ты моего Елизара до него пристегни. Твой — хлопец тихий, а смурной. Глупства не знаит. А мой кусючий и шустрый — чистая ласка. А вместе из Елезаром они не пропадут.

— Тебе сколько годов? — спросил староста у Елизара.

— Двадцать... — поморщил лоб, что-то высчитывая про себя и добавил: — Один...

Двадцать один.

— Читать можешь?

— И писать, — ответил вместо Елизара Никифор Корнеевич. — Сам учил... И мой Иван.

Гандзя снял со стены счёты. Набрал: «1914». Отбросил «21». На листочке записал: «1893». И спросил:

— В яком месяце родился?

Елизар пожал плечами.
 — Напиши — на Рождество, — предложил Никифор Корнеевич.
 — А почему не на Пасху?
 — Потому як Бог послал внучку на Рождество. И Елизар в тот же день появился.... — и для весомости своего суждения добавил: — Так Господу было угодно. А мы не против Бога.
 Касьяненко взял ручку, открыл метрическую тетрадь... и вдруг воскликнул:
 — А якому богу крестишься? Магомету или Папе, который на Риме?
 — Не знаю, — опасливо ответил Елизар.
 — Не знаешь, а у православную войну лезешь! Кого ты будешь защищать? Царя православного или германа папского?
 — Пошли отсюда, сынок, — сказал недовольно Никифор Корнеевич. Толкнул в плечо Елизара.
 На дворе, глядя в растерянное лицо цыгана, Беспалый засмеялся.
 — Ты, сынок, не сильно переживай. У нашем селе главный не Гандзя, а отец Авдий. Пойдём до него.
 — Так у нас лавэ¹ нету. Для попа, наверно, больше нада, чем за коняку, якую я воровал.
 — Попадёшь на войну, командиру будешь рассказывать, шо умеешь красть коней, — отмахнулся Беспалый. — А я про это знаю.
 Во дворе иереева дома залаяла собака. Никифор Корнеевич постучал в дверь. В сенях шумели, что-то переставляя.
 — Кого Господь после обедни? — Отворила матушка.
 — Отец Авдий не почивает? — спросил Никифор Корнеевич. — Я зайду, — и шепнул Елизару: — Тебе пока в святой дом нельзя. Погуляй.
 Отец Авдий сидел за столом в серой рубаше, без нательного креста. Длинная белая борода, как первый снег, укрывала грудь.
 — С чем Господь прислал, Никифор Корнеевич? — с безразличием спросил иерей.
 — Сына покрестить надо?
 — У тебя в Солёном Гае дети, шо тараканы плодятся?
 — Цыган на войну идёт. А у веру нашу не посвящённый. И не понимаит Гандзя, як его у войско определять. Иностранцев не позволено в православное войско записывать... Кроме юдов.
 — Отвези в синагогу... в Полтаву, — скучно сказал отец Авдий.
 — Так там обрезать нада! — возмутился Беспалый. — А ему этого нельзя.
 — С чего так?
 — Он человек в душе правильный, православный... Просто не успела мать покрестить... Из табора выгнали... шо от православного понесла... Это для цыганского роду то самое, шо от самого Господа.
 — Завтра, перед обедней.
 — Нельзя, отец Авдий. Завтра я своего Ярему и его повезу уже в Лубны. Нада сичас.
 — Сорочку белую должно иметь для полного порядка, — сказал иерей.
 — Моего Елизара можна и без сорочки! — возмутился Беспалый. — Господь от новоиспечённого раба не отвернётся... даст Бог. А Государю Императору польза.
 — Святых за Можай загоняешь, Никифор... Погоди, оденусь... И то только, што за веру православную.
 — Благодарствую, отец Авдий, — согласился Никифор Корнеевич. — А я у двор до Гандзей и Назаренков сбегая за восприимниками.
 На следующее утро, стоя уже возле брочки, чтобы ехать на призыв, Елизар, прощаясь, пожал руки парням, подошёл к Дарье Яковлевне, громко сказал:
 — Не сильно ругай, Назареточка, шо объел ваш... Наший дом.
 — Ты сдурел, Елька! — возмутилась Дарья Яковлевна.
 — Як вернусь живой — сгожусь, — поцеловал полуторогодовалую Машу и прильнул губами к щеке Дарьи Яковлевны. — А калекой лучше в земле... Я на них на

¹ Лавэ - деньги (цыган.).

базарах нагляделся.

Про слова Елизара забыли. На святой вечер Иордана Дарья Яковлевна собрала семейство за столом. Машу усадила на колени Василию. Сама спустилась в подвал вынуть из кадки со смальцем кружок домашней колбасы. Когда вернулась с тарелкой, Мария протянула в её сторону ручонку и отчётливо сказала:

— Назареточка.

* * *

Десятые снопы золотоношских мужиков взялись молотить сразу после завтрака. Иван кидал в горловину приёмника снопы, а Гриша хозяйничал у топки. Когда домолотили последний сноп, Иван стравил пар из котла — мотвила замерли. Двор наполнился тишиной. Никифор Корнеевич зачерпнул ладонью горсть зерна из последнего намолоченного мешка, поднёс к носу и втянул громко воздух.

— У золотоношского зерна и запах не наш.

— Оставь якую отметину на них. Поглядим, чьё зерно в муке лучше, — сказал Василий.

— Овес будем молотить? — спросил Иван, спускаясь на землю.

— Не сильно беспокойся, — заметил Василий. — Ещё в снопы надо собрать.

— Пусть Гришка пару мешков зерна учителю завезёт, — сказал Никифор Корнеевич, глядя на внука. — Я обещал, — и добавил весело: — Это шобы ты чаще за партой сидел, а не в углу стоял.

— В школе неинтересно, — сказал Гриша. — А из угла всех видно... Ваньку спросите...

— Это тебе неинтересно, — ответил Ваня. — Нам учитель говорил, что с этого года у нас будет астрономия и черчение.

— Это шо за науки? — спросил Никифор Корнеевич.

— Про звёзды на небе... И про разные детали для машин. Я нарисую, а на заводе токаря из железа вырежут.

* * *

Собрались ехать в Полтаву платить по ссудному кредиту. Долго сидели с Василием, решая, что лучше — отдавать ассигнациями или деньгами. Считали. Вышло — лучше всего за молотилку и дом выложить золотыми. На том и закончили.

Рано утром Василий поставил в бричку молодого гнедого, уже третьего Шльегера. Пошёл попить кислого молока. И Дарья обещалась нажарить блинчиков из молодой муки. Сидели в большой комнате — на веранде в такую рань уже было холодно.

Пока ждали, когда невестка принесёт еду, Никифор Корнеевич выставил на стол коробочку «ТАБАК RUSSE», взялся отсчитывать золотые червонцы. Отложил сорок пять. Остальное вернул в коробку. Вошла Дарья с миской оладьев и глечиком кисляка. Увидев на столе золотые монеты, с удивлением спросила:

— Чего удумали нового покупать, на войну глядя? Паровую мельницу?

— Платить по ссудам у банке, — ответил Василий. — Все сроки вышли. За долги к становому як бы не потянули.

— Вы подурели на старости лет?! — возмутилась невестка.

— Ты про чего? — насторожился Никифор Корнеевич.

— Это кому у голову придёт сегодня золото на глаза всякому встречному-попечечному показывать? — серьёзно объяснила Дарья. — И платить золотом супостату сичас? Да герману и фальшивых я бы не дала. Вона кума Елька говорила, шо у них «катеринки» якие за свиней получили, на столе лежали. И не углядели козу. Так тая зараза пожевала половину тех грошей.

— Ты это зачем рассказуешь? — спросил свёкор.

— Я бы в банк проклятому герману повезла оте грызанные. Он на нас из войной, а ему золотом, точно вы самые и есть германы, а не православныи! Моего брата Николая забрали. И Ярему вашего... Вернутся — сам Бог не знает? А у них по трое-двое детей.

— Батько, она дело говорит, — сказал Василий. — Возьмите и кредитные бумажки.

В комнату вошла Маша в длинной ночной рубаше. Капризно хныкала спростонья, растирая кулачками глаза.

— Детей пугаете грошами, — недовольно сказала свекровь. Подхватила внучку и унесла.

Никифор Корнеевич, спрятав «ТАБАК RUSSE», вышел во двор, уселся в бричку и взял вожжи. Из сарая выскочил Василий с топором и двумя армяками в руках. Сунул топор под ноги, накрыл армяками.

— Не помешаит, — объяснил он. — Из золотом едем.

Отец ничего не сказал. Дёрнул вожжи. И поехали. День только зачинался. По левую руку над тёмной полосой, висевшей над землёй, лениво всходило уже нежаркое сентябрьское солнце. На обочинах дороги из жёлтой стерни убранных полей неожиданно взлетали куропатки, шумом крыльев пугая Шлёгера, впервые поставленного в оглобли. Он возмущённо гнул шею, и в этот момент напоминал быка, готового идти в атаку на чёрные точки. За бричкой копыта и колёса поднимали негустую пыльную шлею, в которой прятались потревоженные птицы.

— Было бы ружьё, — сказал Василий, — стрельнули бы счас.

— Тебе дома своих гусей мало?

— Раза дело в гусях? Шею рубанул — точно воду из горшка вылил. А стрельнул — кровь кипит... А у меня руки до птицы этой чешутся.

— Солидуса ниякого, — заметил Никифор Корнеевич. — Одно глупство.

— С чего? — обиженно спросил Василий. — Сколько людей из ружьями на охоту ходят?

— Я потому во дворе не держал ружьёв, шобы вы из Яремой не приучались палить по живым.

— Учил... — недовольно заметил Василий. — А он теперь где-то немца стреляит.

На небе набухла чёрная полоса и быстро заволакивала небо, упрятав солнце, уже приближавшееся к зениту. Когда миновали первые мазанки на въезде в Полтаву, стал накрапывать дождь; когда подъезжали на площадь к банку, припустил, точно злая тёща гнала со двора ненавистного зятя, вылив на него воду, специально поднятую из колодца.

— Тебе святой нашептал, — с благодарностью сказал Никифор Корнеевич, надевая армяк. — А то вымокнем, шо веник в бане.

— Смотрите, батько, — настороженно ответил Василий. — День платёжный, а коновязи пустыи...

Поднялись на кирпичное крыльцо. Но дубовая дверь не поддавалась.

— Стучи, — попросил Никифор Корнеевич.

Василий забарабанил кулаком в деревянную панель. Но звук вышел немощным, полуживым.

— Каблуком гупони! — приказал отец.

Но и настойчивость кованого сапога осталась неслышанной.

— Чего будем делать? — спросил Василий.

— Не к добру, — прогудел Никифор Корнеевич.

— Може, они куда съехали? — беспокойно предположил Василий. — В Киев... Или, ище хужей, аж у самый Петербург... Туда и за неделю не доедешь.

Стояли под дождём в растерянном недоумении.

— А може, и платить не нада теперь? — предположил Василий. — Нам же и польза.

— Поехали! — Никифор Корнеевич пошёл к бричке. Послав Шлёгера галопом, сказал сыну: — Деньги всё равно нужно вернуть... Чужими грошами жить, шо ярмо на шее усю жизнь носить. Своего не наживёшь, а шея переломится.

— А если это запрет от Государя Императора не давать герману наших денег?

— Ты своей головой живи, а не государевой. У влады заместо мозгов токо праздники кажный день. До нашего царя приезжают якие из французов или персов... Потом он до их... А нам жизнь по-своему уставить нада... Шоб як у людей, якие себе хозяева, а не верные жополизы...

— Вы, батько, такое завернули, шо и конём не объедешь, — недовольно сказал Василий. — Это выходит... без царского указа жить?

— Нада не из императором у Петербурге жить, а из царём у своей голове.

Подкатили к Полицейскому Присутствию.

Никифор Корнеевич передал вожжи сыну, сбросил армяк и побежал в здание. У жандарма, сидевшего за столом при свете электрического фонаря, спросил:

— Матвей Иванович де?

— Их превосходительство завсегда у конце коридоры, — жандарм указал на тёмный проём в стене. — Только их нету... Разбой у нас. Соломона Волчика убили...

— Як такое?! — с удивлённым негодованием спросил Беспалый.

— Хоть и жид, а жалко, — сказал жандарм, разглядывая незнакомца в шляпе с индюшачьим пером. — Человек... Ему бы дома неделю посидеть — живой бы остался. До немца деньги повёз, дурак... А немец, якой у банке, драпанул у свою хватерляндию. От такая война выходит... Волчэк из грошами домой. А ночью у окно залезли. Люди, шо не делай, усё знают. Тем боле про чужие гроши. За них его и жонку егойную зарубали... От Матвей Иванович из самого утра из этим паскудством разбираются... Одна польза — немцу ничего платить не нада теперя... Жалко, шо я не взял у этом банке ссудных грошей... А ты с куль до Матвея Ивановича?

— Из Пирятина, — ответил Никифор Корнеевич, не задумываясь. — Он мне обещал до пана отвезти, шо молодых волов продаёт. Хвалил — добрые волю.

— Они таким не забавляются, — уверенно сказал жандарм. — От если бы ты сёдла шил или сбрую — тогда до их...

— Благодарствую, — Беспалый снял шляпу с пером, изображая поклон.

На улице накинул армяк, прыгнул на сидушу и скомандовал:

— Гони до Прокопа-кузнеца.

— Шо мы там забыли? — недоуменно спросил Василий, огрев вожжами жеребца.

Шлёгер, почувствовав свободу, полетел рысью, не минуя луж. На другом конце города остановились у большой хаты, чисто выбеленной, вздымавшей коричневую жестяную крышу над невысоким садом. Из-за тына, из-за деревьев доносилось лёгкое цоканье железа по железу.

В кузнице ярко-белым огнём горел горн, освещая тёмное пространство, заваленное кусками поковок, ободами и колёсами. У наковальни стоял грузный старик с большим круглым лицом, заросшим белой, давно не стриженной бородой, из чащи которой сверлящим взглядом вырывались огоньки чёрных глаз.

— Помогай, Боже! — сказал Беспалый.

— Это хто? — спросил кузнец, не отрываясь от работы.

— Никифор Беспалый, Прокоп Максимыч.

— А из тобой? — хозяин внимательно пригляделся к гостям. Перестал стучать.

Опёр молоток о наковальню.

— Василий Никифорович...

— Из делом или просто так? Если просто, то у меня нету времени. На завтра два креста выбить потребно. Человек заказал для своей жонки. Молодая пошла, царство небесное душе. Дай, думаю, и для своей старухи изделаю заодно... И себя не забыть...

— Для живой крест? — спросил Беспалый.

— Вчера сорок днёв было... Не пережила меня, сердешная. А это плохо. По Божьему закону сперва мужик должон с душой попрощаться, потом его жонка, а уж токо опосля дети... — говорил, ритмично опуская молоток на раскалённый конец металлического стержня. — А у меня всё наоборот. Вот токо горн да наковальня остались... И твою коня уже нету, Никифор...

— Мы с делом до тебя, Прокоп Максимыч, — сказал Беспалый. — Може, знаешь... хто ружьё доброе имеет, шоб продать?

— Чего из людьми война делает! — вздохнул старик. Оставил молоток на наковальне, положил рядом с ним клещи, в которых был зажат стержень с раздавленным концом. Снял с груди парусиновый передник. — Погуляйте тут.

Вышел из кузницы. Было слышно, как тяжёлая хода топчет лужи.

Он вернулся, держа в одной руке двустволку, а в другой — ягдаш.

— Не знаю, для яких делов, токо уверенный — людей стрелять не будешь... Думаю — тебе як раз.

— Так то ж... — заговорил Никифор Корнеевич, смутившись, узнав знаменитое ружьё кузнеца.

— «Заур-три кольца»¹. Я до постели уже еле долазию, а за гусями бегать по полям сил Бог не даёт... Тут патронов на добрую охоту хватит, — протянул Беспалому ружьё и ягдаш. — Извиняй, дробь бекасиной нету. Токо пули и картечь, для последнего раза засыпанные. На волка годков пять назад ходил... Заряды не для баловства.

— Не для баловства, — согласился Никифор Корнеевич, принимая оружие. — Сам говоришь... время.

Передал ружьё и ягдаш Василию. Принялся шарить во внутреннем кармане пиджака. Достал пять золотых монет, протянул кузнецу.

— Столько хватит?

— Живому достаточно, — с равнодушием ответил Прокоп Максимович, взглядом пересчитав червонцы. — Ни их, ни двудулку из собой не забережь. И тебе спасибо. Я за этие кругляшки труну² для себя закажу... и упомин.

Кузнец надел фартук, принялся качать меха...

Дождь прекратился. Но солнце не пробивалось сквозь ещё серые облака. Армяки промокли, не грели. Морозило на быстром бегу.

— Шо ружьё взяли — дело, — сказал Василий. — А то я последнее время спать стал волком. Всё кажется — хтось в дворе чужой.

— Надо бабам сказать, где его запрячем, — сказал Никифор Корнеевич. — От детей подалей, а они шобы знали.

— Матери зачем? И так ползаит, шо черепаха, — сказал Василий. — Если чего станется, она не то шо до ружья не доползёт, а из кровати не встанет. А Дарка пальнуть не хуже нас может. Вона когда Нинка себе новую запаску³ справила... она так и сказала: «Была бы моя воля, я бы ей меж глаз топоричем!»

— Не по-людски, — возразил Никифор Корнеевич, — тем более, за якуюсь там запаску...

— Не про запаску она говорила, — не согласился Василий. — За то, шо у вас гроши украла.

— А она откуда про то знает? — удивился Никифор Корнеевич.

— А хто кроме Нинки у ваш тайник, якої в муке, полез бы? Токо Ярема мог. Так он не сильно храбрый. Кого обдурить — то он первый... Хотел заместо Гаврилы Гандзи у старосты выбираться на осень. Так... война помешала.

— Я никого ни вожжами, ни чем другим не лущевал, — сказал Никифор Корнеевич. — Слово дошкуляет⁴ сильней, чем шпицрутены, — долго молчал, а потом спросил: — А ты почему не лазил у муку?

— А зачем красть. Мине будет нада, то я попрошу... як всегда. Поедем у Лубны или Полтаву и купим.

На том разговор завершился.

И когда уже подъезжали к Солёному Гаю, Никифор Корнеевич сказал:

— Нада такое место изладить у доме для ружья, шобы никто не дознался. А нам, если чего станется, быстро его у дело... — и озабоченно добавил: — Вот токо Ярема ничего не пишет... Де он теперь? Купить в Полтаве какуюсь газету забыли. Там про войну от самого начала до конца должны писать...

— От чего забыли! — сокрушённо заявил Василий. — Учитель, когда заказывать зерно приезжал, просил, шобы я купил Гришке для школы книжки.

— Гайни до него, дай грошиков. Сэкономили на немцах... Пушай сам купит, якие понимает, — сказал Никифор Корнеевич. — А когда Ивана в школу повезёшь, не забудь газету купить. Може, из иё и про Ярему чего узнаем.

* * *

Утром в воскресенье перед последним днём сентября в Солёный Гай пришёл школьный учитель — молодой человек в круглых очках, с густой чёрной бородой.

¹ Заур-«три кольца» - охотничье ружьё фирмы «Заур».

² Труна - гроб (укр.).

³ Запаска - юбка, элемент праздничного костюма украинских крестьянок.

⁴ Дошкулять - больно бить (укр.).

— А мы собрались зерно вам везти, — сказал Василий учителю, — и громко крикнул: — Гришка, выводи Сороку! Повезёшь тётке Нинке овёс.

Вывели кобылу. За ней выбежал полугодовалый стригунок с белой проплешиной на вороном лбу и беленькими носочками на передних ногах. Загрузили пять мешков на телегу. Василий посадил на мешки сына, отдал ему вожжи.

— Мы после обеда вернёмся, — сказал он жене. Пошёл рядом с телегой.

Следом на бричке с учителем мешок зерна в школу повёз Никифор Корнеевич.

Тишину двора вдруг разорвал лай собак. Из-под конюшни к воротам вылетели два шпица с лаем. За ними с рычанием примчался Чёрт, скалясь своей волчьей недобростью. У ворот стояли две коляски, запряжённые парами лошадей. Одна из них под кожаным верхом и кучер на облучке. В другой сидели три мужика.

Из неё выпрыгнул один и замахнулся на собак нагайкой, заставляя замолчать. Псы припустили лаять ещё яростней. Мужик вернулся к коляске, оставил нагайку, достал одноствольное ружьё. Сделал несколько шагов к воротам и крикнул:

— Безрукий! Выходи! — выстрелил в воздух.

Это вызвало секундное замешательство у псов. Они, напуганные грохотом, приехали на задние лапы, а потом с яростной злобой кинулись к воротам. Ваня смазывал солидолом оси в молотилке. Оставил банку с мазью, побежал в дом. Дарья варила борщ — резала свежую капусту. Напуганная выстрелом, выбежала из дома.

— Мамо, там какие-то с винтовкой! — испуганно сказал Ваня.

У ворот стояли трое.

— Вам до кого? — полюбопытствовала Дарья, разглядывая нежданных гостей.

— Где хлопец? — спросил один. У него было серое морщинистое лицо. Смотрел, кусаясь черными глазами.

— У меня трое. Якой из них?

— Наш цыган.

— А вам он зачем?

— Он нам деньги должен.

— А ты его отец?

Человек замялся. Глянул на приятелей, точно советовался.

— Глухой? — спросила Дарья нервно.

— Мой хлопец, — выдавил из себя человек с винтовкой в руке.

— Так это ты родное дитя выгнал из табора голого и босого на мороз? Или ты ему не батько, а так — пришей кобыле хвост? У меня четверо... И все накормленные... И много он должен родному батьке?

— Двести рублей золотом.

— Конём возьмёшь?

— Яким конём?! — раздражённо крикнул цыган.

— Якого ты послал у нас украсть. Своего сына послал, шоб прибили.

— Ты, баба, не морочь голову! Давай гроши! А то!.. — он стал трясти ружьём перед лицом женщины.

— Мой муж с батьком приедут. Подождите...

— Ждать! Дэ Элисар?

— Его на войну забрали...

— Шо ты брешешь, курва! Якая война! Он — цыган. Деньги давай!

— Жди...

Дарья пошла в дом. Подошла к наличнику косяка двери в кухню. Ножом поддела доску — та отвалилась. Вынула ружье, позвала Ивана.

— Знаешь, чего из этой заразой делают?

— А чего вы собрались делать, мамо? — испуганно спросил Ваня.

— Ты умеешь патроны в него запикивать?

— Умею.

— Пихай! — приказала мать.

Иван вынул из тайника ягдаш, достал два патрона, вложил в стволы, захлопнул ружьё.

— И это всё?

- Всё, — отдал ружьё матери.
- А стреляют як? — Дарья взяла ружьё.
- На курок нажимайте, — волнуясь, объяснил Ваня.
- Так тут их аж два!
- Сперва один дёргайте, а потом — другой.

Собаки, лениво лаявшие на гостей, увидев хозяйку, с новым приливом ярости бросились к воротам. Женщина с ружьём нагнала страху на мужиков. Они испуганно переглянулись, попятились, а потом побежали к коляске. Кто-то из них крикнул:

— Бало¹!

Из второй, накрытой кожей, коляски вышел полный мужчина в красных лакированных сапогах. На плечи падали чёрные, перемешанные сединой волосы. Мимо кончиков губ стекали толстые сосульки усов.

— Это ты, толстопузый, человека на гнусность послал? — спросила Дарья. Подняла ружьё и нажала на курок. Из ствола вылетел сноп пламени, громкий хлопок и дым... В боку под крышей коляски пробились три большие дыры.

— Ты шо, сучка, делаишь?! — раздался крик из-под кожаного верха.

— Кому ещё золотых? Если очень нада... то до Матвея Ивановича у Полтаву... И все до буцегарни пойдёте, дармоеды!.. Она повернула неловко ружьё в руках, и оно выстрелило...

Хозяин красных сапог вскочил в коляску, скрылся под простреленным кожаным верхом. Его конь рванул, помчал в сторону села. Следом полетела вторая коляска. Два шпица выскочили за ворота, полаяли и вернулись. Чёрт ещё долго провожал гостей злобным рычанием...

В доме старуха Христина, напуганная стрельбой, встретила Дарью немым недоумением, а ружьё в руках невестки сбило ей дыхание.

— Ты кого убила? — пересиливая тяжёлые вздохи, спросила она.

Дарья промолчала, поставила ружьё к стене, уселась, прилипла бессильно к спинке стула.

* * *

Налетал ветер с гулом, словно прогонял всё живое, срывал пожелтевшие листья... Кони гуляли с нежеланием. Только годовалые и двухлетние с удовольствием бегали по кругу малой левады наперегонки с Чёртом, подбрасывая задние ноги, точно отбивались от тех, кто хотел отобрать молодое лошадиное счастье...

Василий отвёз в Полтаву Ваню в последний класс.

Старик Беспалый уже не поднимался с третьими петухами. Заходил в конюшню только, чтобы заложить молодого Шлёгера везти Гришу в школу.

Под навесами скучали пять пузатых копён сена, молотилка и косилка.

Собаки, не находя повода лаять, бесцельно сновали по двору, то ложась на крыльце, то вдруг убегали куда-то, деловито размахивая кудрявыми хвостами. Впервые не возили щенков в Сорочинцы. За ними покупатели приезжали в Солёный Гай. Отдавали их за символический рубль.

Однажды, где-то около палудня, приехали две коляски с кучерами. Их, как всегда, встретил неистово дружный лай. Из одной выскочил молодой парень. Крикнул во двор:

— Люди есть?

Из конюшни пришёл Василий.

— Вы господин Беспалый? — спросил молодой человек.

— И я то же.

— Коней продаёте?

— Наши на войну не годятся пока.

— Мы от господина Родзянко. Матвей Иванович Зозуля рекомендовал ваших лошадей.

На крыльцо вышел Никифор Корнеевич.

— Шо за люди? — спросил он.

---

¹ Бало - важный, главный (цыган).

— Коней хотят для якогo-то Родзянки, — ответил Василий.

— Пусть подождут.

Он исчез в доме. Минут через пять вернулся в новой тирольке с длинным пером из хвоста индюка, сером зипунке, из-под которого выглядывала красная рубашка. Подошёл к молодому человеку и спросил:

— Лошади для Владимира Михайловича?

— Для него. Вы с ним знакомы?

— Из им — не довелось случиться. А с его батьком когдaсь в Гатчине зналиcь, — и спросил: — А разве сейчас можно возить лошадей у Париж? Война, пан.

— Лошади сначала в Петербург поедут. А уже потом в Париж... После войны...

— Мерина или кобылу?

— Посмотрим, — повернулся к коляскам и громко позвал: — Пан Гунявский!..

Из коляски вышел полный, круглый господин в чёрном пальто, чёрном котелке, белом кашне, с палкой. Подошёл, снял котелок, приветствуя хозяев.

— Кто из вас Никифор Беспалый? — спросил он. — Господин Зозуля рекомендовал к вам приехать. Есть желание купить пять или шесть лошадей. Мы можем посмотреть на ваших?

— Для якогo дела? — спросил Никифор Корнеевич.

— Господин Родзянко потерял в Париже конюшню. Лошадей, которые участвуют в степльчезе. Желает восстановить дело в России... — и деловито добавил: — Мы со своими уздечками.

— Василий Никифорович, — обратился Беспалый к сыну. — Выведи гнедков¹.

— А ещё какие есть? — спросил Гунявский.

— Две вороные кобылы. Если понравятся...

— Показывайте... — сказал гость требовательно. Пошёл в сторону конюшни следом за Василием. Уверенная походка выдавала деловую осведомленность в конезнавстве и заинтересованность в покупке. Миновал конюшню. Пройдя около полутора шагов на середину левады, взялся трамбовать землю ногами, тыча вокруг себя концом палки. Потом пошёл назад, через каждые три-четыре шага наклонялся, срывал несколько уже пожухлых травинок, начинал нюхать.

Никифор Корнеевич от конюшни следил за Гунявским.

Василий вывел двух гнедых.

— Шо это он делает? — спросил у отца.

— Не знаю. Сейчас спросим.

Гунявский подошел, приложил ладонь к скуле одного из коней, принялся рассматривать морду, внимательно заглядывая в глаза, как ребенку. Затем перешёл к другому.

— Хороши подласые, — сказал, кивая. И решительно пошёл в конюшню.

Его встретили рычанием из ясель собаки.

Пол из трех широких плах был чисто вычищен и подметён.

Гунявский торопливо прошёлся по ним вдоль конюшни. Возвращаясь, остановился у денника, где стояла двухлетняя буланая кобыла с темными пятнами на крупе, боках и шее. По спине от чёрного хвоста к чёрной гриве ползла чёрная полоса, напоминающая длинного полоза.

— В какой цене эта красавица? — заинтересованно спросил он.

— Не продается, — ответил Никифор Корнеевич.

— По какой причине?

— Щастье в наш двор... Кобыла уже двух буланков принесла, — указал на дальний угол конюшни, где возле светло-гнедой кобылы стоял весенний буланый жеребёнок. — Оставляю себе... Начнём разводить. Ищу по губернии жеребца.

— И как?

— В «Полтавские ведомости» каждый месяц даю объявление: «Куплю буланого жеребца в Солёный Гай...»

— Кто-то отозвался?

— Пока молчат.

¹ Гнедко - конь, у которого участки вокруг глаз, ноздрей и губ украшены осветлёнными пятнами. Таких ещё называют «подласыми».

— Напишите в ростовскую газету. Там, в Сольцах, можно найти.
 — А я от про шо хотел спросить, пан добродей... Вы в леваде землю топтали. Шо так?
 — Проверял... Лошади должны по твёрдому ходить. Если земля хлябистая... под копытами проседает... так и ноги у лошади будут не очень хорошие...
 Купили четырех трёхлеток. Зауздали своими уздечками.
 Садясь в коляску, Гунявський обнадеживающе сказал:
 — Уверю господина Родзянко, что у вас надо заказывать лошадей. И объявление в Ростов пошлите обязательно. А лучше сами отправляйтесь искать буланого. В Сольцы. Там терские арабы могут быть.
 Уехали, увлекая за колясками по паре коней.

На следующее утро приехал Матвей Иванович Зозуля. Выторговал за сто рублей четырёхлетнего кованого гнедого мерина. Когда Никифор Корнеевич передавал через подол зипуна повод коня, сказал приставу:

— Благодарствие вам, пан Зозуля, за людей от Родзянки. Четырёх отдал, — и спросил, глядя хмуро на станового: — У Нинки Яремовой зачем деньги взяли?
 — Деньги? — удивился Матвей Иванович.
 — Моя невестка до вас должна была поехать Ярему откупать от войны.
 — Она с глузду съехала!¹ Я не собираюсь перед глазами присяжных позориться... Нельзя теперь... Время не то... И война не та.

И, привязывая купленную лошадь к заднику брички, чиновник сообщил, что на войне дела вонюче плохи — в Полтаву вернулся Уланский полк без половины казаков. И, наконец, выгнали из губернии цыган — пошли куда-то за Урал.

9

Старуха Христина тяжело ходила, с большим трудом переставляя негнущиеся ноги. Ела мало, но не худела. Просила только сварить для себя грушевого взвара и накусать от белой сахарной головки маленькие кусочки. Садилась к столу, клала в тарелку кусочек, наливала взвар, долго размачивая, и пила, закрыв глаза. В такой момент её лицо озарилось неярким внутренним светом, излучало даже не детское, а младенческое счастье ребёнка, которого приложили к материнской груди.

Однажды она не встала. Не хотела даже пить свой взвар. Пролежала на кровати три дня. Вдруг, никого не прося о помощи, поднялась и, сидя на постели, позвала мужа. Никифор, читавший книжечку, снял очки, пошёл. Сел напротив жены. Его удивил вид Христины. Она точно вернулась в тот счастливый мир, когда шла под венец.

— Ко мне мама приходила, — сказала, улыбаясь кончиками губ. — На саночках возила.

«На яких саночках? — спросил себя Никифор Корнеевич. — У нас в селе санок ни у кого не было...»

— Она мне белый платок подарила... Очень скучает без меня... — замолчала. Принялась что-то искать на постели, шаря ладонями по простыне. — Тебе спасибо, Никиша... Ты дом поставил... И хлеб у нас... Только сынов не ругай сильно...

— Ты... — запнулся Никифор Корнеевич, не понимая состояния жены. — Разве я когда?..

— Ты только не бросай их... И внуков...

Она закрыла глаза и тихо свалилась на левый бок. Правая рука повисла плетью над полом.

— Ты чего, Хрыся? — спросил Никифор Корнеевич. И позвал испуганно: — Дарка!.. Василь!..

Прибежала невестка. Увидев, в какой позе лежит свекровь, догадалась. И закрыв губы ладонями, всхлипнула:

— Мамо... Як так?..

¹ Съехать с глузду - сойти с ума (укр.).

Постояв в молчании, Дарья подошла к кровати, взяла свекровь за ноги и положила на одеяло, сложила руки на расплывшейся груди. И серьёзно сказала, словно давно ожидала случившееся:

— Отмучилась, добрая душа.

Выглянула на двор и громко позвала мужа. Вошёл Василий.

— Чего звали?

— Домовину надо сделать. И до отца Авдия... Мамы нету.

***

Во дворе свёкра встретила Нина. Её глаза блестели стеклянной серостью. Она была пьяна. Пыталась что-то говорить. Губы дёргались, но произнести что-то ясно не могла.

— Мать померла, — сказал Никифор Корнеевич.

— И чего?

— Стельму открой.

— Че-его в ней ты бу-удешь де-елать?

— Домовину.

— Ко-ому?

— Ключ неси! — крикнул Беспалый.

— Че-его в чужой двор? Он не-е твой...

Никифор Корнеевич вошёл в хату. В сенях с гвоздя снял ключ. Пошёл открывать мастерскую. В стельме было пусто. Скучал запылённый верстак. На стенах во многих местах, где висели инструменты, вместо них торчали только гвозди.

Отыскал лампу. К счастью, в ней был керосин. Поднял глаза на соломенную крышу. Там, на перехватах, лежали, оставленные когда-то им, тесины. Сбросил десяток на пол. Принялся строгать, избавляясь от облоя. Подгоняя боковины друг к другу, ещё раз глянул на солому крыши. Посчитал количество досок. «Хватит», — с облегчением сказал себе. Подогнал крышку. Поставил к стене рядом с гробом.

Снова спустил доски. Измерил свой рост — 2 аршина и 7 вершков.

Делать домовину по старинке — заберёт много времени. Приезжать специально для этого не хотелось. Решил сбить что-то быстрое. Отпилил доски на нужную длину, сколотил. Получился простой ящик, где хороший хозяин хранит предметы, которые достают для неожиданного дела раз в пять-десять лет.

На дворе темень; конь, уставший от стояния в оглоблях...

Никифор Корнеевич положил оба гроба на телегу. Защёлкнул замок на двери, но ключ из замка вытаскивать не стал. Уселся на грядку, поехал в царину.

Во властных окнах не было света, на двери висел замок. «Странно....» — подумал Беспалый и поехал к отцу Авдию.

Иерей только закончил вечерню. В храме было трое, отец Авдий, церковный староста и его жена. В правом пределе на табуретках стоял закрытый гроб.

— Зачастил к Богу, Никифор, — сказал иерей, увидев Беспалого.

— Христина померла... — ответил Никифор Корнеевич, крестясь.

— Господи, твоя воля, — иерей перекрестился. — Вон, Гаврила Гандзя ждёт, — указал на гроб. — Привози. Будем двоих отпевать. И искать никого не надо — есть кому могилы рыть. Утром прикажу.

— Не нада рыть, — отказался Беспалый. — У себя на солончаке покладём... — и уехал.

***

Прискакал Иван Касьяненко — сын покойного старосты Гаврилы Степановича. Не въезжая во двор, нагнал на себя собак. На шум вышел Гриша.

— Гришка! — позвал Иван Гаврилович. — Ходи быстрее. Письмо из войны, — перегнувшись через шею коня, протянул мальчику тёмно-синий конверт. — Отдай деду Никифору, — и ускакал.

Никифор Корнеевич сидел за столом и читал свою серую книжку.

— Деда, приезжал дядько Иван Гандзя. Письмо привёз из войны, — Гриша прочёл адрес, выведенный каллиграфическим почерком писаря:

*Полтавская губерния, Лубенская волость, Солёный Гай.
Новый хутор, недавно построенный.
г. Беспалому Н. К.*

Дед взял конверт, повертел перед очками, аккуратно оторвал полосочку сбоку. Письмо было написано на листе из школьной тетради большими буквами:

Пишите да вас салдат Элисар Корнеив Беспалый. Здрастуйте усе. И особенно мама Назареточка. Уже скоро три года из гаком убивают и калечут таких як я и охвицеров. Учера привезли их высокоблагородия пана генерала. Я ище целый потому шо назначеный санитаром у хоспиталю около дохтора Эльзы Генриховны. Приношу кого резать. Одвожу кого у могилу. Як закопаю крещуся около бугора як я тепер настоящий крещёный. Другие слава Богу ходять сами. Спасиба вам пан Никихфар Корнеевм шо я ваший брат. Инакчей меня тут бы уже замордовали як хотел нашый барон. Было хорошо. Потом плохо. Када привезли Ивана сына онишковского старосты дядька Гаврилы. Мы из им уехали на вашей брчке на войну. Он долго лежав. Его пани дохторша мазали жолтой мазей и иодом мотали бинтами и давали пить якись порошки. Потом его кудась одвезли. Игде он не знаю. Изо мною служит ваший сын Ярема. Я коло доброй пани Эльзы Генриховны. Она мне доверяит кыпятить шприцы и блестящи ножики якие называются тут скальпылямы. Мне все у шпитале наравитсья. Ярема коло самого у нас главного дохтора был усё уремя писал. Хто привезёный. Хто у могилу назначеный. Сперва было добре. Сичас погано совсем. Говорят у Петрограде яког когдась был Петирбухром революция. Шо это такое не знаю токо могил стало больше. И я теперь один совсем. Ярема кудась убёг. Его искали. Може он вернулсья у Онишки до своей хаты. У нас багато бегуть хто куда. И я убёг бы як другие токо мне совсем наравитсья быть коло раненых. Особено када я бинтом кого обматую. Пани Эльза Генриховна говорит шо научить меня до получаитсья лучше чем у других. После войны она меня возьмёт учитьсья на хвельшыря до у меня особена ынтуисия. Я не понимаю шо это такое токо кажитсья шо это то самое як у вас Никихфор Конеевич до людей як вы на них глядите и насквозь видите. И вам спасиба до красть коняк мне совсем не хочитсья после як вы меня сводили до попа. После войны сразу приеду до вас. Письмо передаю до вас через пани Эльзу Генриховну до иё муж у нас у штабе подполковник и они живут у Полтаве. Я сказал ей шо ваший хутор звётсья Солёный Гай шо близко Онишок недоезжаючи Оржици з боку Лубен. Ваший сын и брат Элисар Корнеив Беспалый.

* * *

В субботу перед обедом верхом прискакал Дарьин племянник Трофим. В чёрной папахе и короткополом колушке. Спрыгнул с седла, отворил воротину и, отбиваясь нагайкой от собак, подлетел к крыльцу.

— Тётка Дарка, батько вернулись! — крикнул он

— Слава Богу, живой! — Дарья счастливо всплеснула и перекрестилась. — Целый или побитый?

— Не знаю. Сам пришёл... То вы до нас на вечер прискочите. Мама наказали... А я в поветь, шоб селёдку купить...

Собирались нарочито долго. Василий выбирал из трёх косовороток. Надел синюю с густым, двойным рядом мелких пуговиц на высокой шее. Долго просовывал белые крутяшки в петли. Подпоясался широкой кожаной супонью. Дарья надела синюю с красными цветами блузку, новую запаску. Волосы замотала белой лентой.

На хозяйстве оставили Никифора Корнеевича и Гришу. Старик отказался ехать, сославшись на боль в ногах. Заложили в бричку старого Шлёгера.

Ехали, не подгоняя жеребца, который лениво бежал, часто переходя на шаг.

В хате шумел уже крепко выпивший народ... Под иконой сидел польсевший, совсем белый Яков Назаренко. Рядом с ним — Николай в мундире пробирного сукна малинового цвета, без погон. Он о чём-то громко говорил.

Появление сестры и свояка прервало его рассказ.

Николай поднял кружку с самогонном и приказал:

— Место нашим панам!

Перед гостями положили две деревянные ложки, налили в кружки самогон, подтолкнули глиняную миску с картошкой, усыпанную чёрными пятнышками пережаренного лука.

— Хорошо, шо ты вернулся, — сказал Василий, глядя на швагера¹.

Поднял кружку. Отхлебнул.

Дарья понюхала содержимое, отставила кружку в сторону.

— За живого человека выпить не хотите! — возмутилась Нина. И громко рассмеялась.

— И то — правда! — подхватил кто-то. — Ты, Мыкола, про Петроград... Про революцию давай...

— Когда уже можна идтить брать? — выпалила Нина.

— Кого брать? — спросил Николай соседку, не понимая.

— Если панов прогнали... — подхватила Нина. — Шо от них осталось, то и нашее.

— А где ты, Нинка, видела панов у нас? — спросил Яков Назаренко.

— А хоть ваша Дарка! Она за паном... Молотилка и косарка у их... А конёв на целую армию...

— А у тебя? — издевательски хихикнув, спросил Иван Касьяненко.

— У меня токо быки.

— Сходи до Василя, — скаля крупные зубы, предложил Гандзя, — он тебе конячку подарит.

— Пусть он подавится своей конякой! Жалко, шо Мыкола не спалил молотилку!

— Палил твой Ярема! — хихикнув, огрызнулся Николай Яковлевич. — Научись брехать... А то я быстро революцию у твоём дворе изделаю! За своим Яремой по миру побегись.

— Може, и он. А ходили вы вдвоём, — с безразличием заявила Нина. — И я не брешу... — и словно оправдываясь за мужа, добавила: — Всё им мало! От, иди до них у Гай и делай свою революцию!

Они бранились без злобы, точно напоминали друг другу что-то давно известное, но по нелепости недоговорённое когда-то до конца.

Василий посмотрел на жену. В его взгляде горело неверие, что находится в доме тестя и швагера. Дарья цеплялась мимолётными взглядами то за миску с картошкой, то за лицо отца, то родного брата, желая понять — сидит в родительском доме или на гуляньи бесов, похожих на отца и брата.

Молча они выбрались на двор, запрыгнули в бричку и уехали. В полулунной ночи доверились Шлёгеру, что он, замёрзший, сумеет отыскать дорогу домой. Ехали молча. И только когда жеребец остановился у ворот Гая, Василий попросил:

— Ты батьке не говори.

— Слава Богу, детей в хате не было, — ответила Дарья. — Ни наших, ни Колькиных...

¹ Швагер - брат жены (укр.).

* * *

Никифор Корнеевич уехал в село, чтобы привезти Гришу со школы. Вернулись скоро. Внук спрыгнул с брички и побежал в дом, волоча за собой надоевшую сумку с учебниками.

Старик попробовал слезть на снег. Вдруг по ногам прокатилась горячая волна: это подло ударила болячка, уже не первый раз отнимавшая ноги. Беспальный с большим трудом слез с брички. Привязал Шлёгера к перилу крыльца. Дошёл до своей комнаты. Хотелось лечь. Но понял — если ляжет, то и не встанет. Уселся к столу. Долго сидел неподвижно, ожидая, когда уймётся боль в ногах. Надел очки. Зачем — не мог ответить себе. Взял книгу. Открыл на заломленной странице. И крикнул:

— Дарка!

— Вам чего, батько? — невестка появилась в двери. Рядом с ней стояла внучка Маша.

— Позови Василя.

— Он Шлёгера ставит.

— Позови...

Василий пришёл с кнутом в руках.

— Шо стало, батько?

— Садись, Василь Никифорович, — попросил старик.

Василий не помнил, чтобы к нему обращались по отчеству. И, услышав такое обращение к себе, когда приезжал господин Гунявский, не обратил на то никакого внимания. Сейчас от неожиданного обращения отца по отчеству Василий несколько опешил. Осторожно присел на стул.

Никифор Корнеевич попробовал подняться, но не смог.

— Василь Никифорович, достань мне коробочку из кровати...

На стол легла железная шкатулка «ТАБАК RUSSE».

Старик протянул её сыну.

— Не могу больше... Сил нету... Тут всё, шо мы нажили с мамой Христиной...

Казацкий реестр от самого Дорошенки для прадеда моего Северина Гордеевича... Документы на Солёный Гай, на молотилку, на косарку... Теперь ты тут хозяин, Василь Никифорович... И вот чего тебе скажу на завтрашнюю жизнь... Ни у кого не проси... Купи или сделай сам... Слушай и не сильно верь. Особенно в ладе. От иё все наши беды... Токо война и кровь от ей. Она — самая брехня. Правда всегда гдесь у стороне...

— Я уже думал, шо вместе поедем буланого жеребца покупать в Сальск, — сказал Василий, ещё не совсем понимая, что произошло с отцом.

— И вот тебе книжка... — сказал Никифор Корнеевич, не услышав слов сына. — Иё Иван оставил. А я пять раз прочитал...

— Про кого?

— Про молодого пана Дубровского... Так у этого Дубровского невеста... вроде як. А иё батько выдавать за этого пана дочку не хочит... Привезли батьке невесты учителя, француза из Парижу... Я был в Германии, а этот Париж ище дальше...

— Про это я из училища помню...

— И забава у того дурковатого батька невесты была такая самая, як и он сам. У сарае держал медведя... И всех своих гостей у тот сарай до медведя заводил. Здевался над бедолагами... И того француза, якои должен был невесту Дубровского учить, тоже до медведя завёл. А этая тварюка на француза из когтями, як наш Чёрт из клыками.

— И задрал? — озадаченно спросил Василий. Слушал отца без особого внимания. Сознанием владела заветная недосыгаемая жестянка с документами. А в голове стучали слова, как удары молотка о наковальню: «Теперь ты тут хозяин, Василий Никифорович...»

— Он вынул пистолет и выстрелил медведю в ухо, — ответил старик.

— Так просто? — удивился Василий. — А батько невесты шо?

— Он был пан из головой. Понял — этот француз знает, як у себе человека держать. Показал тому пану... он — не холоп... не быдло. От и ты... Хоть и в Солёном Гаю

живёшь, а себя делать холопом никому не позволяй.

Василия из кухни позвала Дарья. Он вышел, но вернулся без железной коробки и без кнута.

— Я кузницу изладил, — продолжил Никифор Корнеевич разговор, точно тот и не прерывался. — Землю купил, этот дом поставил, пусть мои сыны себя человеками почувствуют... Шобы вас, як меня, все по батьку называли, як братьёв императорских. Ярема не захотел. Когда с войны вернётся... думаю, поумнеит.

— А если не вернётся?

— Дурной, да хитрый, — вздохнул Никифор Корнеевич. — Выкрутится... От Елизара жалко. Он голову покладёт за кузнечный пшик. Гдесь влезет, як кусок нагретого железа у воду... Хоть и цыган, а человек. Вор, бандюга, а душу бес говном не обмазал...

— Я всё хотел... — внезапно перебил Василий. — Вы, батько, де пальцы отрубали?

Никифор Корнеевич стал тяжело дышать, о чём-то думая.

— Мой командир... Их благородие за женой нашего майора ухлёстывал. Баба тая — лушпайка¹... Доброга слова не стоила... Поругались они за спиной майора. Любовь не поделили, видать. Возле дерева стоят, по-немецки чего-то гогочут, як два гусака... И выходит, Василь Никифорович, шо Бог кому-то из наших дедов двести лет тому такое прозвище приляпал из делом. Бог наперёд видит... И дозволил их благородию мне пальцы отрубить...

— Просто так?

— Шоб настоящим Беспалым я по земле ходил.

— А баба тут причём?

— Их благородие хотел бабу зарубать... шо стерва была, хужей тли... А я своей рукой её шею прикрыл. Пусть баба — сука... Если она такая, то или ты слепой, или довёл её до такого. А воевать из бабой мужик не должен.

— А майор?

— Майор, шоб скандалу в нашем кавалергардстве не было... Шобы до ушей Его Императорского величия не дошло... Меня до немца в шпиталь отвёз. Потом мне коня отписал, амуницию и домой отправил. Собак посоветовал привезть... Говорил: «Польза будет...» Не сбрежал.

— А их благородие?

— Пока мне немец пальцы квачил, их благородие из кавалергардства турнули... Говорили... куда-то у Сибирь перевезли... А може, у Туркестан до голомозых. Там тогда воевали.

— Я пойду, батько, — сказал Василий. Поднялся.

— Коробку зачем бабе отдал?

— Так... — Василий растерянно начал топтаться на месте.

Никифор Корнеевич оперся о стол, поднялся. Обошёл стол, запустил руку под столешницу. Начал что-то искать. Достал толстый кожаный мешочек, похожий на кисет. Протянул сыну.

— Здесь двести золотых, — сказал он. — Они у меня на тот случай, когда на нас небожее горе набредёт. Спрячь. И пусти в дело тогда, як детям или внукам будет угрожать влада... Иди... А книгу прочитай.

Василий пошёл молча, спрятав деньги за пазуху...

Отворилась дверь на чёрное крыльцо...

И дождавшись, когда она закроется, Никифор Корнеевич сказал себе, кивая с сожалением, соглашаясь со своими мыслями:

«Солидус... Но без огня... Видать, рано пока тебе Никифоровичем ходить...»

10

В конце февраля 18-го года с юга, от Одессы к Москве пробивались части 8-й Императорской армии Муравьёва. Ночевали в Оржице. Два пехотных батальона — в

¹ Лушпайки - картофельные очистки (укр.).

Онишках. В Солёный Гай приехал стройный, крепкий подполковник, попросился на ночлег. В вечер третьего дня примчался вестовой, долго препирался с командиром и ускакал. А на утро батальоны спешно выступили. Подполковник пригнал во двор Никифора Корнеевича часть батальонного скарба: две телеги с «Максимами» на каждой, кучей сваленных рядом сумок с патронами, четырьмя ящиками «мыла»¹, походившего на межигорку². Оставил всё под охраной двух немолодых солдат, пообещав вернуться через неделю.

Скоро докатилась до Солёного Гая тяжкая весть про кровавую бойню у станции Бобринской между муравьёвцами и казаками Объединённых кошей Вольного Казацтва.

Охрана, оставленная муравьёвцами при телегах, попросила харчей у Дарьи и при ранних лучах первого мартовского солнца подалась куда-то, бросив телеги с боевыми припасами во дворе.

Никифор Корнеевич приказал Василию снести всю амуницию в подвал, под кухню. Пулемёты и два десятка «мосинок» спрятал под копной сена в конюшне.

А через неделю в село залетели остатки Калниболотского казацкого коша, что возвращались домой зализывать раны после разгульно-кровавой Бобринской битвы. В Солёный Гай к Никифору Корнеевичу наведались пятеро казаков-реквизиторов. Затребовали овса и сена. Старик Беспалый выдал копёнку, отсыпал три клумача³ овса. Но вольным казачкам этого показалось мало. На свою беду во двор выскочила четырнадцатилетняя Дуся, племянница Дарьи, помогавшая ей в хозяйстве. Тётка послала за охапкой дров в сарай. Двое казачков, завидев девку, забыли про провиант и юркнули за юбкой следом. Дуся подняла крик. Никифор Корнеевич, помогавший казачкам метать сено в телегу, пересиливая боль в ногах, бросился на крик. В полутьме его вилы нашли чью-то спину. Теперь на истошный вой друзяка налетели остальные казачки. Выволокли восьмидесятилетнего старика на двор и изрубили. Умиравшего насильника бросили в телегу на мешки с овсом и увезли, перед тем отстегав нагайками несчастную девочку.

Василий Никифорович возвращался из волости, где купил давно заказанную дубовую кадку для квашни. Пропуская мимо себя два воза с сеном и овсом, на мешках разглядел окровавленное тело. Заподозрил неладное. Хлестнул жеребца и остановил его только в собственном дворе.

На почерневшем мартовском снегу в чёрно-красной луже лежало изрубленное тело Никифора Корнеевича. Рядом стелала Дарья. Возле неё рыдала Дуся. На крыльце молча, со смурными лицами стояли Гриша и Петя. Шестилетняя Маша, напуганная, пряталась за спинами братьев.

Морщась от стеланий жены, как от боли, Василий Никифорович сбросил на снег кадку, развернул коня, помчал в село. Заявился прямо к самому куренному атаману калниболотцев.

— Ты шо это творишь, пан атаман?! — хрипло спросил Василий Никифорович куренного, хлопая себя по голенищу длинным кнутовищем. — У меня овёс и сено взял и тут же напаскудил! Девку зачем намерились насильничать?! Зачем старика убили?! Или ноне всё дозволено победителям?!

Куренной, низенький, белокрысый казачишка лет тридцати, недавний тыловой каптенармус, похожий на сухой стебель подсолнуха, выслушал жалобу с презрительным равнодушием. Нервно кивая, тихим голосом пожурил своих ратоборцев. И, вскочив с лавки как ужаленный, оттолкнул в сторону стол, гремя глиняными мисками, закричал, срываясь на визг:

— У меня революция за незалэжность! А тебе девку якую-то жалко!

Атаман хотел ещё что-то крикнуть, но Василий Никифорович крутанулся на каблуках и вышел из хаты.

Долго решал: ехать к Назаренкам или не ехать? Откровенное признание свояка, что ходил жечь молотилку, обмазало его душу говном, но смерть отца загнала этот

¹ «Мыло» - здесь брикеты взрывчатки.

² Межигорка - специальный малоразмерный кирпич для складывания отопительных печей в домах.

³ Клумак - большой мешок, куда можно загрузить до ста килограммов продукта.

запах куда в темный угол души. Заставил себя не думать о поджоге. Заехал к Николаю Яковлевичу. Вместе с ним и его сыном Ильёй отправились к отцу Авдию. Привезли батюшку в хутор.

Дарья Яковлевна с Дусей к тому времени уже обмыли старика Никифора, переодели в пасхальное. Мужики уложили тело в гроб, сработанный покойником для себя. Поставили на пустой стол посреди столовой. Гриша с Петей на бричке скакнули в лес за еловым лапником.

Отец Авдий, тяжело двигаясь, задыхаясь от кадильного дыма и запаха свежесрубленной хвои, начал с чтения Псалтыри, прочёл каноны, молитву о долгостраждущем¹ и, вложив в правую руку покойника свиток с разрешительной молитвой, ушёл на кухню. И всё ещё тяжело дыша, выпил три рюмки терпкой «белоголовой» водки, настойки на ягодах черноплодной рябины.

Когда из хутора уехал отец Авдий, все собрались за кухонным столом. Ужинали без водки, молча и долго. Сидели до полуночи...

Потом запрягли в телегу пару коней и молодого жеребца в бричку. На них поставили по пулемёту, оставленному муравьёвцами. На бричке поехал Василий Никифорович. На телеге — Николай Яковлевич с Тарасом и Илья Беспалий Яремович...

Среди ночи от села до Солёного Гая долетели четыре громких взрыва, следом — пулёмётные очереди и винтовочные выстрелы боя.

Наутро у дальней ограды большой левады под кустом щиповника, стянутого серыми нитями девичьего винограда, похоронили Никифора Корнеевича рядом с Христиной Харитоновной...

КНИГА ВТОРАЯ

В морозе ночи из-за гонимых ветром негустых облаков паялся яркий диск полной Луны. Слева и справа, чуть заметные, трусовато подмигивали две одинокие звёздочки.

Помня, что кругом комендантский час, Пётр у колодца суетился, будто воровал у Бога...

Журавль поднял из глубины воду...

Снег болезненно скрипел под кирзовыми подошвами стёганных валенок. Вёдра раскачивались от быстрого хода, выплёскивая воду... Пётр замедлял шаги. Но мысли о вот-вот родах заставляли ноги спешить — вода снова переливалась через край.

У крыльца снял коромысло, занёс воду в большие сени-прихожую.

— Горечко! — донёсся отчаянный крик из-за ватной обивки двери. — За шо, Господи?!

Пётр влетел в комнату... У постели невестки стояла Дарья Яковлевна и, шатаясь, держала в руках розовое тело...

Анна лежала с закрытыми глазами, улыбалась плотно стиснутыми губами — ямочка на правой щеке углубилась, расплылась дрожжевым тестом. Лицо выбелилось.

— Ой! — крикнула бабушка Назарета, оседая, ища взглядом опоры. — Янгол родился...

Пётр понял, что через мгновение она уронит ребёнка. Бросил перчатки на пол... успел подхватить мать. Сестра Мария взяла младенца, положила на стол, на белую простынку, принялась обмывать. Попробовала перевернуть, чтобы влажной тряпочкой отереть спину. И запричитала:

— Петичка! Петичка!.. Глянь быстренько!

У младенца от поясницы к шее, вправо и влево тянулись две чёрные полосы, напоминавшие по форме крылья летящей горлицы.

Сын усадил мать на табурет. Подошёл к столу и, увидев волосы-крылья, заворожённым взглядом посмотрел на сестру, точно она знала и должна была объяснить,

¹ Молитва о долгостраждущем читается над телом убитого или погибшего.

что принесли в дом чёрные крылья.

Дарья Яковлевна, отдышавшись, снова запричитала шёпотом, словно боялась делиться недобрыми догадками:

— Люди добрые! За шо нам такая напасть?!

На кровати застонала Анна.

Пётр подскочил, взял в руки её ладонь — она была горячая. Молодое лицо скукожилось в болезненной гримасе.

— Что случилось?

— Всё хорошо, Аня... Мальчик... С отметиной.

— Родимец на лице? — с волнением спросила жена.

— С крыльями, как у горлицы... Только чёрными.

— А мать зачем голосит? — гримаса с лица исчезла. Рука в счастливом бессилии упала на одеяло. — Дитё испугает — будет заикаться... — вздохнула вдруг облегчённо и, повернув голову к стене, попросила: — Петюшик, помойте его. Помой ты...

Стенания и громкая возня разбудили ребят. Они испуганно уселись на постели.

— Чего стало? — спросил старший, Олег, глядя, как суетятся взрослые.

— Немцы за тобой пришли, — сказал младший, круглолицый, курносый Владик.

— За краденый сахар задницу надерут тебе, — поддержал его Аскольд, средний, остроносый, лицом в бабушку Дарью. И с авторитетной назидательностью добавил: — А нас из-за тебя из этой школы выгонят.

— Как будто вы его не ели, — взволнованно прошипел Олег. — Если бы я не свистнул, вы бы до сих пор... — и оправдался: — А сосать макуху надоело. От неё живот уже сводит.

— Всё равно надерут, — сказал Аскольд. — А потом и мать уши отвернёт.

— Я за сахаром уже две недели не лазил, а немцы после приезжали за мешками.

— Если сахар не будешь сосать, то отдай мне, — предложил Владик Аскольду, защищая старшего брата. И радостно добавил: — Завтра праздник. Нажрёмся от пуза. Бабка чего-нибудь придумает.

— Откуда? — спросил Олег.

— Когда в том году козлята родились, она сказала — праздник, — объяснил Аскольд всё с той же назидательностью. — И чего-то находит. В том году гречневую кашу варила.

— Она в Гребинках брикет гречки у немца на молоко выменяла, — сказал Владик. — Мы с ней к коменданту ходили, которому дядя Петя сапоги пошил.

— Шо ты брешешь! — возразил Аскольд.

— Сам — брехло! Я те коричневые сапоги, какие он шил, на коменданте видел.

Они с золотыми замочками. Такие на валенки из ваты не пришивают.

Детскую шепчущуюся перепалку остановил громкий крик младенца.

На постели зашевелилась Анна.

— Корми, — Мария положила рядом с роженицей запелёного мальчика.

— А волосы? — спросил Пётр.

— Завтра мать пошлём по хатам — наскребём муки... скатаем тестом. А ты подкинь в печку. Прохладно как-то. Не застудить бы твоего ангела.

Сестра прикрутила в трёхлинейке фитиль и, глядя на своих детей, взялась устраивать себя и Дарью Яковлевну на ночлег.

* * *

Бабушка Назарета проснулась в шестом часу. По выработавшейся привычке, в темноте обула стёганые валенки, надела чёрный плюшевый жупан, набросила на шею шерстяной платок и, осторожно минуя Петра, спящего на полу у кровати жены, подняла с плиты ведро с тёплой водой, отправилась в хлевчик поить козу. Напоив, бросив в ясли две охапки осенних листьев, вернулась в дом. Наощупь, по памяти, прошла вглубь школьных сеней, где стояли немецкие мешки с сахаром, нашла корзинку, сплетённую из рогозы, укутала голову платком, натянула перчатки и ушла.

Рождение внука радовало...

Вот черные крылья на спине казались недобрым знамением...

Хотела, но не могла понять, какой знак послали небеса. Мысли перенесли её в

Солёный Гай, точно только-только отпели Никифора Корнеевича... и сейчас Василий и швагеры поедут в Онишки биться с калниболотцами. Это воспоминание вытолкала мысль о Иване, его аресте и суде над ним в Уфе... Улыбающееся лицо старшего сына сменило всегда неулыбчивое Гриши. Жадное желанием увидеть второго сына перенесло мысли в Киев...

«Что с ним?» — спрашивала она, слушая скрип снега под ногами. И прошептала:
— Господи, смилуйся над нами...

По хуторской улице прошла до предпоследнего двора, за которым, через дом, начиналось кладбище. По узенькой, вытопанной дорожке подошла к маленькой хате, решительно постучала в стекло окошка.

— Кто там? — испуганно поинтересовался женский голос.

— Домаха, открывай! — требовательно выкрикнула Назарета.

Вошла в сени и, прикрывая за собой дверь, взволновано сказала:

— Горечо, Домаха! Куда бегти?... То белые и красные, то колхозы и немец... А теперь ищёт Божий посланник на нас...

— Пошли у хату, — сказала хозяйка. — На холоде говорить про Бога нельзя... Хата с иконой — уже храм.

Хата встретила гостью утренней остывающей темнотой. В чуть сером свете, который проникал сквозь маленькие окна, угадывались стол, лавка у стены и куча соломы, служившей постелью хозяевам.

— Кто там до нас? — спросил низкий мужской голос с кучи.

— Тётка Назарета.

— Шо сталося?

— Горечко, Кирила... — продолжая тяжело дышать, ответила Дарья Яковлевна, опускаясь на край лавки.

— Немец в Германию приехал забирать?

— На шо мине тая Германия?! Галька янгола народила!

— Так с чего горе? То — Божий знак.

— Боюсь я этих знаков. У двадцать восьмом у нас в Онишках отец Авдий помер перед Рождеством... И сразу стали всё отбирать... и помирать с голоду.

— То не знак, — сказал Кирила. Поднялся с постели, начал натягивать штаны поверх подштанников. — Тогда Бог прибрал. А сичас — посылаит. А с чего взяла, тётка Дарка, шо янгол родился? С переляку? Невестка живая?

— Живая, слава Богу. Так у дитя крылья.

Домна перекрестилась, глядя в ещё не просветлевший красный угол.

— Жалко, — сказал Кирила. — Я токо вчера в комендатуре в Гребинках налоговые гроши отдал... Цельный тридцатник. Падлы брать не хотели наших денег. Требовали марки, — надел рубаху, уселся к столу.

— А где же набрать этих клятых оккупантных марок?! — возмутилась Домна, поддерживая мужа.

— От и я про то... Знал бы про янгола, лучше шнапсу у немца выдурил бы... за здоровье матери янгеловой.

— На полицаев из комендатуры нарвёшься, Петро уже другой раз не вытянет, — сказала недовольно Домна.

— А вы без водки не можете! — возмутилась Назарета. — Надо волосы скатать дитю. А муки нету. На Рождество последнюю замесили.

— На храм подают, — заметил Кирила, втискивая голые ноги в валенки, — и на янгола дадут...

Женщины вышли на мороз. Постояли среди двора.

— До кого пойдём? — спросила Дарья Яковлевна нерешительно.

— Просто по хатам. Кирила дело говорит — янголу никто не откажит.

Перешли хуторскую улицу...

В первом же дворе в тряпочку насыпали пять стаканов ржаной муки и дали три луковицы.

Женщины постояли на улице, решая, в какой двор идти теперь.

— Ты, Домаха, веди, — сказала Назарета. — Ты — тутошняя. А меня плохо народ знает...

— Тебя — плохо. А про вашего Петра даже у Володарке и Кожанке прослышали. Гребинковский «эздэшник»¹ у меховых чоботах ходит. Про это уже аж до Обухова и Жашкова докатилось. Нам из тобой ватные пошил, а немцу — из баранного меха.

— Так «эздэк», слава Богу, нам за чоботы комнату выдал у своём складе в школе. А иначе, до сих пор у вашей хате толкались бы...

— Пойдём до Карлов, — сказала Домна. Повернула в сторону кладбища.

— А там немцы живут? — спросила Назарета.

— С чего немцы? — удивилась Домна.

— Так... «карлы», — объяснила Дарья Яковлевна. — Немцы, видать.

— Моя бабушка рассказывала, шо в последнем доме иереи жили. Когда храм был. Семья... дед, сын и внук. Кого-то из их Карлом звали. Так и прилипло.

— И сичас живут?

— Как храм разбили при колхозе на кирпичи — батюшку со свету изжили. А поповичи и поповны — все по миру...

— А теперь кто? Дом-то ладный... на фундаменте.

— Хотели советскую власть поселить. Царину поставить. Так возле цвинтаря не дозволили... После из района якую-то семью привезли... Жонка с детьми куда-то сгинула через месяц, як война началась, а мужик остался. В колхоз не ходил, только раз в неделю пешки в Гребинки. На почте... говорила поштарка... письма сдавал и толстые посылки из бумагами отправлял у Киев и Москву. И обратно деньги получал. Болтали... кто шо придумает... А где правда, где брехня — некогда разбираться.

— А немцы?

— Пришли, всех переписали.

У «карлов» в сенях встретил мужик лет шестидесяти, с большой седой бородой, в серых валенках, меховой душегрейке и худенькой ушанке. Долго соображал, слушая рассказ о рождении ангела. Перекрестился и, уйдя в тёмную глубину сеней, вернулся с большим куском сала, пересыпанным солью. И передавая Дарье Яковлевне, неулыбчиво объяснил свою щедрость:

— Немец правильный, хоть и душегуб. В Саловинках¹ храм открыл. А за это Господь наш хутор отметил... Не на каждый город святость опускается с небес, даже если он и в святые записан не святой рукой... А для нас ваш янгол — глас. Про хутор мир прознает, — и, словно уговаривая просительниц, утвердился: — Нам будет легче... Думаю, минует... Знать бы, когда?

Назарета и Домна набрали полную корзину подаяний: двадцать свёрточков с мукой, две торбочки с житом, толстый блин макухи и даже штоф с самогоном, без просьбы вернуть посуду.

Когда пришли в школу, Пётр топил, Мария тёрла красную свеклу, готовясь кормить семейство.

Домна с порога, не сбрасывая жупан, подбежала к кровати.

— Галька! — улыбаясь, сказала она, глядя на роженицу. — Молоко есть?

Анна мигнула, улыбаясь.

— Тот, якой у «карлов» живёт... сказал, шо твой янгол — от Бога. Теперь про нас, говорит, на всех клиросах петь зачнуть... Пинчуки святыми будут считаться... Покажи весточку...

Анна повернулась на правый бок, отбросила угол конверта, открывая лицо мальчика.

— Гляди, якой мордатый. И совсем не ваший.

— А чей?! — возмутилась бабушка Назарета. Она выкладывала на стол принесённые торбочки и мешочки.

— Ваши все — востроносые.

— Ты погляди на Владика. Нос — бульба на рассаду. И у Гальки.

— Правильно сказал Карла — с неба... Потому и не как все, а для всех... Волосы когда скатывать будем?

— Может, не надо, — обеспокоенно сказала Анна. — Сами спадут...

— Наговорите непотребностей! — возмутилась Дарья Яковлевна. — Кому языка

¹ Эздешник - здесь начальник полицейской управы.

² Саловинки - большое село с сахарным заводом.

не жалко — придумывают... А дитё чистым должно быть.

Недаром говорят — чистый, як янгелок.

— А это сало? — спросил Олег, показывая на толстый белый квадрат, присыпанный солью.

Дарья Яковлевна сняла с мысника нож, отрезала три тонких ломтика от белого кубика, протянула внукам. Те, радостные, забрались на постель, принялись жевать.

Сало оказалось жёстким, не жевалось, а рвалось. Но ребята упорно отгрызали кусочки и, долго жуя, глотали.

— Я же говорил, — прошептал Владик, перемалывая зубами солёный кусочек, — праздник...

— Давай мы сходим завтра по дворам, — тихо предложил Олег братьям.

— А чего брехать будем? — недовольно спросил Аскольд. — Ещё один янгол родился? Такого не бывает, шоб два и сразу...

— А чего сразу — брехать!

— У тебя так выходит. А за брехню придут и, что бабка нацыганила, назад заберут.

— За што?

— За брехню, — объяснил Владик.

Перед сном ребята выпросили у бабушки по кусочку макухи и, лёжа в темноте, сосали сладковатые остатки подсолнечного бадыля.

Ночную тишину вдруг нарушал неожиданный крик младенца во сне. С пола, с постели вскакивал Пётр, Анна брала в руки свёрток с сыном. Ребёнок, почувствовав материнские руки, умолкал, продолжая сосать жовку — тряпочку, где был завернут маленький кусочек макухи, очищенной от спрессованной шелухи.

* * *

Утро началось обыденно: бабушка Назарета надевала жупан, валенки, покрывала голову платком, брала ведро с тёплой водой, шла в хлевчик поить готовившуюся окотиться козу.

Возвращаясь с пустым ведром из хлевка, натолкнулась на тёмную фигуру, стоявшую у ступенек школьной двери.

— Тётка, тут янгол? — спросил незнакомец.

— Ты, добродей, хто?

— Из Гребинок.

— От дитяти чего хочешь?

— Вчера на базаре крепко гомонили — янгол в пинчуковской школе родился. Прислали прознать... Люди бояться — шо то брехня.

— Не брешут.

Фигура исчезла в темноте и вернулась, тянучи за собой саночки, груженные дровами.

— И война, и янголы. Точно як в Евангелие, — незнакомец положил две большие вязанки на крыльцо. — Перед Иисусом, сперва, янголы были в Иудейской земле, — перекрестился, не снимая рукавицы. — Теперь — здесь. Скоро явится до нас. Не одним жидам такое счастье. Будем ждать.

Он повернулся и пошёл в предрассветную темноту: снег, громко скрипевший на февральском морозе, скоро затих...

Назарета поддёрнула подол длинной юбки, поднялась на крыльцо, занесла в сени пустое ведро и дрова. Одну вязанку втащила в комнату.

Сын, сидя на ослоне, топил печку. Огонь, шарахаясь между стенок топки, хлестал его по лицу тенями.

— Откуда палки? — удивился Пётр, развязывая пеньковую верёвку на вязанке.

— Из Гребинок человек привёз, — ответила Дарья Яковлевна. — В сенях ещё одна... Попилить бы... Сильно длинные.

— Просто так привёз? — не поверил Пётр.

— На юру не поверили про янгола. Проверять приходил. Сказал — як в Библии. Сперва — янголы, а потом — и Господь.

— А он где?

- До людей, якие прислали прознать, побёг.
- Накличет, — недовольно буркнул сын.

* * *

Пётр принёс из сеней полное ведро воды. Поставил на плиту.

- В колодец схожу, — сказал он, одеваясь.

Со двора громко постучали.

- Поди глянь, — попросила Дарья Яковлевна, — кого нелёгкая в такую рань?

На пороге стоял мужик в чёрном овчинном тулупе и чёрной казацкой папахе с мешком в руках.

— Доброго дня добрым людям! — сказал он, крестясь. — Отец Корнилий прислал завериться, шо янгол небесный послан нам.

- А где этот самый твой Корнилий? — спросил Пётр.

— В Саловинках. На новом храме. Повелено поглядеть. А если правда — наказать везть крестить скоро.

- Заходи, — согласился Пётр. — Только дитё спит. Как узрешь?

— Ты мне мать янгелову покажи. Уж я сразу познаю. Я антихриста в семнадцатом в Петрограде сразу прознал...

В комнате снял папаху, оголив почти лысую круглую седую голову, дважды перекрестился и поклонился и, не отпуская мешок, не спрашивая разрешения, прошёл к кровати, где лежала Анна. Долго стоял над женщиной, разглядывая, вдруг упал на колени и прилип к её руке. Анна нервно одёрнула. Но старик не отпустил.

— Счастье якое нам, — хрипел он. — Всё для человек из Сиона. А теперь и у нас свой Господь будет. С чужиной як устали жить. Мать янгелова, слава тебе... Сто лет жизни за это отпустят тебе небеса... Сто лет...

Поднялся с колен. И, оставив на полу мешок, пошёл в сени, крестясь, тихо, с хрипотцой повторял:

- Счастье... Счастье и до нас...

За происходящим с постели молча наблюдали Мария и ребята.

— Петичка, подай мне воды, — попросила Анна, когда гость ушёл. И возвращая стакан, сказала с надеждой: — Погляди, чего принесли. Может... для ребёнка чего-нибудь?

В мешке лежали четыре картонные коробки в фабричной упаковке «Детская питательная мука. 1 кг. Цена 12 руб. 18 к.», три промасленные банки красноармейской тушёнки, завёрнутые в пергамент, две запечатанные пачки: «Главтабак. Табак курительный любительский «ЯЛТА». 100 гр. нетто. Цена 12 р.», три коробка спичек «СССР. БЕАСПІЧПРОМ. Ф-КА ІМ КІРАВА. Цена 5 кап.» На дно мешка чьи-то щедрые руки высыпали ведро пшена.

— Тут, — задыхаясь удивлением, сказал Пётр, — всё из армейского склада полка или дивизии. Кто-то добре набрался.

— Соли бы кто принёс... — пожаловалась Мария, вставая с постели. — Ещё неделя — и кончится у нас. На кончике ножа вся уместится.

— К кому-нибудь сходим... Дадут... — не скрывая радости, сказал Пётр, пересыпая пшено в жулку.

— А я думаю, что в хуторе ни у кого нет. А если есть, то не столько, чтоб делиться, — авторитетно заметила сестра.

— На махру выменяем. Аж две пачки у нас. Я с одним разговаривал, когда в Гребинки валенки относил... Он за курево обещал пять литров керосина. Так и соль у него, думаю, есть.

— Одну отдай Кириле, — потребовала Дарья Яковлевна. — Нам махорка ни к чему. А другая нехай полежит. Сгодится. И мыши не едят.

Во дворе за окном мелькнула чья-то тень. От крыльца донёсся стук.

- Галька, накрой дитё! — потребовала Дарья Яковлевна.

— Ну, что они всё ходят и ходят, — обиженно ответила невестка. — Застудят парня.

— Переживём, — объяснила Назарета. — А к нам сичас с пустыми руками ходить Бог не велит. — И вышла.

Вернулась в сопровождении пожилой женщины в тонком чёрном жупане, укутанной в серый толстый платок. В руках гостя держала плетёную корзинку, в которой шевелилось что-то живое.

Женщина перекрестилась трижды, отпустив три поклона.

— Люди счастливые, покажите янгола.

Анна поднялась с кровати, взяла мальчика на руки, поднесла к гостье.

— Слава те, Господи, что нас заметил... — женщина прикрыла ладонями губы и, глядя в лицо ребёнку, принялась шептать что-то. Из неразборчивого шёпота угадывалось только: «Пошли нам, Господи, людей...» и «Избавь нас, Господи, от чужих и своих...»

Гостя отняла от лица ладони и сказала:

— Примите для посланника. Я тут курицу принесла, — пододвинула к ногам Анны корзинку, перекрестила младенца, повернулась и, не прощаясь, вышла. В окне мелькнула её тёмная фигура.

— Петя, сходи, наконец, за водой, — попросила Мария. — Дитё мыть пора.

* * *

К полудню пришли Павленки всем семейством. Стоя на пороге комнаты, перекрестились. Кирила трижды, деловито приложил к груди пальцы и трижды поклонился роженице. Домна, улыбаясь и крестясь, пнула лёгким подзатыльником шестилетнего сына Васю:

— Гляди на Надю, як нада. Слева токо немчура креститься. В Саловинках церкву разрешил немец. Як пойдём — Господь тебя в храм не примет за такое.

Вася замельтешил полусогнутым кулачком и, не понимая, трижды поклонился, повторяя за сестрой. И буркнул под нос:

— Нехай за меня Надька ходит.

Пётр принёс доску из сеней. Организовал длинную лавку. Посадили гостей. Мария поставила на огонь кастрюлю варить пшено.

— Последнюю соль высыпала в кашу, — сообщила она.

— Перваком заменим, — рассмеялся Кирила. — Домаха сказала — хтось бутылку янголу подарил. Или ты, Петро, иё уже выпил?

— Петюшик, — позвала Анна с кровати, — помоги подняться...

Когда муж подошёл, она тихо попросила:

— Ты не пей самогон.

Пётр с удивлением глянул на жену.

— Много гадости в перваке, — шёпотом объяснила она.

— Нюхал — пахнет нормально... — прошептал он. — Как всегда.

— Там ацетон, бензол. А они — яд. Профессор Избеков на лекциях по органической химии нас особо предупреждал...

— За сына можно выпить? — улыбаясь, спросил Пётр, помогая жене надеть халат. — От рюмки не умру?

На окно наехала чёрная голова лошади.

Кирила поднялся и, прильнув глазами к стеклу, сказал настороженно:

— Кажись, Петро, твои чоботы принесла нелёгкая.

К окну подбежала бабушка Назарета.

— Иди, сядь, — потребовала она, отпихивая Кирила.

Посреди двора стояла большая кошовка, запряжённая вороным конём. Вожжи держал солдат. За его спиной полулежал офицер, до пояса укрытый овчинным тулупом.

— Когда ж вы повыздыхаете, гниды! — пробурчал Кирила. — Праздник портят, — вернулся к столу, взял табурет, уселся спиной к входной двери.

На крыльце долго топтались. Тяжёлые шаги пошли по сеням.

В комнате застыло опасливое молчание. Только Олег ёрзал задницей по скамейке, стараясь уловить момент, чтобы незаметно схватить ржаной блинчик. Мать строго посмотрела на него, приказав взглядом: «Не смей!»

В комнату вошёл офицер в тёмно-серой шинели. На левом рукаве пришиты чёрный ромб в серебряном плетёном канте с большими буквами «SD» внутри и сереб-

ристой лентой на уровне обшлага. На чёрном воротнике правая петлица пустая, а в левой — четыре блестящие квадратные звёздочки¹. На уши опущены чёрные клапаны зимней фуражки. Продолговатое, гладко выбритое лицо прикрывалось большими чёрными кругляшками очков. Из-под подола шинели тянулись тёмно-коричневые сапоги, по крою похожие на русский «хром», только половинки голенища стягивались золотистыми змейками.

— Guten Tag meine Herren, — сказал гость, стаскивая тонкие кожаные перчатки, пряча их в карман. Из другого достал цветастый платок, снял очки, протёр и, надевая на нос, спросил: — Wo ist dein Engel?²

— Возле мамы, гер комендант, — ответил Пётр, указал на жену.

— Frau, ich kann kommen?³

— Natuerlich⁴... — Анна взяла ребёнка на руки.

Комендант подошёл, долго смотрел в голубые глаза мальчика, потом перевёл взгляд на Анну и строго сказал:

— Ich bin kein Staatsanwalt... Nur ein Engel — das sollte nicht sein.⁵

Подошёл к стеклу и постучал. Солдат, дежуривший у саней, поднял меховой тулуп, достал большой бумажный пакет и пошёл в дом. Отворил дверь, просунул в щель свёрток коменданту и ушёл.

— Ich bin kein Staatsanwalt... Nur ein Engel — das sollte nicht sein, — протянул пакет Дарье Яковлевне — Das kommt vom deutschen Kommando, — и строго потребовал: — In einer Woche muessen Sie zum Buero des Kommandanten kommen und das Kind registrieren. Wie hiess es?⁶

Пётр и Анна переглянулись.

— Виктор, — уверенно сказала Анна.

— In Ordnung⁷.

Когда сани с начальником жандармерии уехали, Пётр заглянул в бумажный пакет. Поставил на стол высокую рифлёную банку тушёнки, пять пакетов сублимированного хлеба и две банки «NESTLE FABIN LACTEE».

— Галя, — позвал Пётр жену. — Иди почитай. Это чего? А то я не всё понимаю.

Анна взяла банку, повертела и ответила:

— Это самое главное. Сухое молоко для детей.

Мария сняла с плиты переварившуюся пшённую кашу.

— Петро, открой нашу банку тушёнки, какая от попа. Праздник.

Мясо бросили на сковороду, разогрели, смешали с кашей.

— Ну, Галька, повезло тебе и нам из дитём, — сказал Кирила. — Серёд зимы сало и консервный харч заместо макухи. — Налил две полных рюмки самогона. И в три — на доньшко для женщин. — Как точно мы все в траншее сидим...

— Ещё не выпил, а уже на войну потянуло, — смеясь, сказала Домна. — А мне полную налей. Я не пью эту гадость, а за янгола Бог велит.

— А мне совсем даже не надо, — сказала бабушка Назарета, накладывая внукам кашу. — Дурное всегда прилипаит, шо тая грязюка.

— Грязь — не мазь, высохнет — отрясётся... — Кирила передал рюмку Петру и поднял свою — Война... будь ты проклятая, шо в окопе, шо в церкви! А за янгола выпьем! Бог послал... И крёстным батьком хочу быть нашему янголу... Всё добром. Петро и Галька меня от немца выкупили, а Бог за это им янгола прислал.

Павленки ушли перед комендантским часом.

***

Назарета уснула в мгновение...

¹ Здесь - штурмбанфюрер СА (Sturmbannfuehrer das SD).

² Здравствуйте, господа... Где ваш ангел? (нем.).

³ Фрау, я могу подойти? (нем.).

⁴ Конечно (нем.).

⁵ Я не прокурор... Ангел - такого не должно быть (нем.).

⁶ У вас праздник... У меня тоже мальчик... два года... Это от командования Германии... Через неделю нужно прийти в комендатуру и зарегистрировать ребёнка. Как назвали? (нем.).

⁷ Хорошо (нем.).

Приснился сын Гриша. Он почему-то ходил по комнате в доме по Фёдоровскому переулку в фуфайке, шапке-ушанке, но без штанов, в исподнях, босой. На левом плече большой пухлый мешок. В правой руке маленькая торбочка с солью.

«Ты куда, сынок?» — спросила Дарья Яковлевна.

И проснулась с тяжёлым частым дыханием, какое захватывает смертельно испуганного человека.

Рядом сопели внуки, ворочалась Мария. Несколько раз всхлипывал новорождённый. Анна приподнималась на постели — мальчик сейчас же умолкал.

Но сознанием завладели мысли о сыне. Попыталась думать о хлеве и козе. Раньше сквозь сон она слышала бляение козы, и это позволяло доспать до утра. Сейчас хлевчик молчал. «Не дай, Боже, волки, — мелькнула злая мысль. — Пропадём!»

Вышла во двор, заглянула к козе. Та, услышав хозяйку, радостно заблела.

После завтрака Дарья Яковлевна подошла к сыну и тихо попросила:

— Петюшик, стачай пару валенок. Без подмётки. У Киев схожу. В Фастове¹ переночую. За постой Брагарям валенки отдам.

— Возьмите один немецкий хлеб в целлофане.

— Ты не сильно харчами раскидывайся, сынок, — заметила Назарета. — Валенки можно пошить одни, другие. Их не изжухёшь. Они сейчас — людям уважение. А хлеб — спасение. Чего случись — никто не подаст...

Несколько раз выходила во двор, в надежде углядеть старосту.

Мужик не пинчуковский, пришлый, он в морозы появлялся в Hauptsitz-e² раз или два в неделю, остальное время проводил в Гребинках в Volost Kommandantenbuero³.

Неожиданно из-за стены, отделявшей кабинет от жилья, проявилась знакомая возня — топили печь. Дарья Яковлевна глянула в окно — посреди двора стоял вороной, впряжённый в санки. Она быстро оделась и пошла во власть.

За тонконогим столиком сидел лысый круглоголовый мужчина, с жиденькими чёрными волосиками, перекинутыми от левого уха к правому, как штакетины через польню, в овчинном чёрном тулупе. Топилась печь. Рядом с топкой лежала огромная куча пиленых чурбаков. Но воздух в комнате был прохладный.

— Доброго здоровья, пан староста, — сказала Назарета.

— Тебе чего, тётка? — поднял глаза, накрытые круглыми очками.

— У Фастов надо сходить и даже в Киев.

— Чего там делать в такой мороз?

— Внук родился, а соли нету... — нашла Назарета.

— Шо соль припрятала — хорошо, — деловито сказал староста. — В какой хате живёшь?

— С той стороны от вас, возле склада, — указала на стенку.

— Где ангел? — он улыбнулся.

— Господь послал в благодать.

— А глянуть?

— Заходите.... Токо он больше спит.

— Зайду, — сказал староста весело. И перестав улыбаться, протянул ладонь: — Давай.

Дарья Яковлевна достала чёрный советский паспорт. Развернула, словно проверяла — исчез из него штамп или нет, как шлагбаум, перегораживавший весь разворот, от левого нижнего к правому верхнему углу:

PERSONALAUWEIS

Староста достал бланк с крылатым орлом и печатью. Заглянул в паспорт и писарским почерком вывел:

Bespalaya Daria aus dem Dorf Pinchuki reist bis zum 5. Maerz 1943 nach Glevakha und Kiewg⁴.

¹ Фастов - большой посёлок, железнодорожная узловая станция.

² Кабинет начальника (нем.).

³ Волостная комендатура (нем.).

⁴ Беспалая Дарья из деревни Пинчуки идёт в Фастов и Киев до 5 марта 1943 г.

Вложил пропуск в книжечку, вернул, добавив:

— Запишите парня... А я зайду поглядеть. Никогда живых ангелов не видел.

Но не зашёл. Укатил, на ночь глядя.

Бабушка Назарета принялась собираться с вечера.

У хлевчика из-под снега откопала два камешка, заложила в углы мешка, оставшегося от приношений из Саловинковского храма, привязала пеньковые лямки. Упрятала пару ватных валенок.

Утром, как всегда, напоила козу и только после разбудила дочь.

— Маня, я до Брагарей у Фастов, — тихо сказала она. — У Марфы переночую. А потом в Киев.

— Выдумали, мама, ближний свет! — испуганно зашептал, запротестовала дочь.

— Мороз... — но спрашивать, зачем этот поход в Киев, не стала, зная, что ответа не получит.

— Я до Фастова пешки.

— Глядите, — вздохнула Мария. Поднялась, принялась одеваться, чтобы проводить мать.

Они вышли на двор.

— Комендантский час до шести, — напомнила Мария. Поцеловала мать. Перекрестила в спину уходящую тень.

Дарья Яковлевна шла не спеша...

Февральский рассвет уже заполнял подол серого неба, начал высвечивать дорогу. Воздух за ночь напитался не зимней влагой, которую лёгкий ветер нагонял с юга, заставляя увядать верхушки снежных намётов, не позволяя снегу скрипеть под ногами.

* * *

...С раннего утра первых бомбёжек Киева и полудня объявления войны у неё вдруг пропал многолетний, давящий страх перед завтрашним днём. Бравадные песни из радиотарелки, призывавшие к войне с мировым буржуизмом, напоминали пьяные пляски ряженых в храмовый день, исчезли.

С понедельника потянулись колонны мужчин на призывные пункты у хуторов Нивки и Грушки, что теснились к большаку в сторону Житомира. Пётр ушёл на свой «Арсенал» и ночевать домой не вернулся. Сосед принёс коротенькую записочку, написанную карандашом на тыльной стороне технологического шильдика: «Повезли в Нивки».

Выйдя из дома, Назарета видела, как по улицам деловито сновали военные и сутелились гражданские, и осознала, что все переполнены только своими личными заботами и к «общенародным» никому нет никакого дела. Ходила на рынок с давно забытой девичьей лёгкостью, чувствуя, что в городе нет надзирающей власти и не надо оглядываться, шарахаться в ближнюю подворотню, заведев едущую навстречу чёрную «эмку». Даже поравнявшись со случайным милиционером, она перестала ёжиться и переходить на противоположный тротуар.

Всех в городе объединяла только сирена воздушной тревоги, начинавшая реветь вдруг и гонявшая людей с кирпичных тротуаров в бомбоубежища. Улицы пустели...

До какого-то дня ещё можно было увидеть на улице зелёный или тёмно-синий мундир... К концу августа со стороны заката стал долетать тяжёлый, давящий гул артиллерийских канонад. Военные из города исчезли вдруг.

И вокруг сделалась тишина.

Суэта, шумно-крикливая возня наступающего дня начиналась ещё в ночь. С улицы через приоткрытое окно долетали испуганно-раздражённые крики, точно голодные дворовые собаки рвали неожиданно упавший с телеги большой кусок жи-вы...

Утром Назарета по привычке собралась на Бессарабский рынок. Прошла до конца Левашовской улицы, где булыжная мостовая начинала скатываться к подножью Печерского холма, как водопад, и замерла в оторопи. В первом этаже пятиэтажного

дома, в цокольном полуподвале, был продовольственный магазин с большими стеклянными витринами. Сейчас вместо них зияли огромные дыры. Тротуар усыпан осколками толстого стекла. Дверь в магазин заперта, но внутри суетился народ.

Из разбитых глазниц витрин вылетали какие-то мешки. Следом выпрыгивали мужики. Хватали выброшенное и убегали...

Вылетел большой картонный ящик. Следом — трёхпудовый мешок. Он упал на ящик и смял угол. На кирпичи тротуара высыпались коричневые «Подушечки», похожие на кизяки.

Назарета подошла к мешку, решила поднять несколько конфет, но из магазина грубый голос крикнул:

— А ну положи, сука!

Из дыры витрины выпрыгнул мужик лет пятидесяти. Подскочил, взвалил на плечо мешок, попробовал подхватить коробку. Но из неё посыпались сладкие «кизяки». Опустил мешок на землю, положил на плечо коробку.

— Тётка, пособи! — крикнул он, глядя на Дарью, — кивком указал на мешок. — Подай!

Назарета подошла, попробовала поднять, но не смогла.

Мужик опустил ящик на тротуар. Развязал мешок, набил карманы чем-то белым, подхватил конфеты и убежал.

Назарета заглянула в мешок. Зачерпнула пальцем белый песок и отправила в рот. «Соль, — перед глазами в мгновение проплыло лицо убитого Никифора Корнеевича. Он вёз на волах полные мешки. — В Сорочинцы соль везу. Народ болтает — война... Садись, и твой отвезём».

Назарету что-то укололо в голову. Раскрыла мешок, принялась горстями пересыпать соль в свою корзину, точно вычерпывала воду.

Из витрины вылетел мешок. Следом выпрыгнул молодой парень.

— Ты шо чужое берёшь?! Кончились колхозы! — крикнул он. Но смутился, сообразив, что женщина возится не у его мешка. — А-а... Извини... — взвалил мешок на спину и убежал.

Назарета приподняла свою корзину, — показалось, набрала пуд, — и поняла, что больше не донесёт. Собрала с тротуара «подушечки», пошла не спеша домой, часто останавливаясь передохнуть.

Мария ушла на свой Шулявский завод, Анна — в университет. Дети спали.

Назарета стараясь не шуметь, порылась в кладовке, отыскала три мешочка, пересыпала в них соль. Два вернула в кладовку. Один положила в корзину.

«Грише отнесу», — решила она.

Выпила горячего взвара, достала конфеты из кармана юбки, положила на тарелку. Одну конфету съела. И ушла.

...С приходом немцев умолкли сирены. По улицам ходили такие же озабоченные люди, только вместо привычных зеленоватых красноармейских мундиров и шинелей глаза мозолили серо-мышинные... Магазины после разбоя пустовали. Люди собирались только на рынках. Всех напугал комендантский час.

То тут, то там постреливали. Пугали сиротливо лежавшие на земле тела, уже не ждавшие никакого сожаления со стороны живых... Идущие обходили тела с равнодушием, углубившись в собственные заботы.

Назарета вышла на большак. Он сиротливо убегал в ещё не совсем просветлённую от ночи пустоту, чернел перетоптанным снегом. Слева, со стороны Гребинок, темнело пятно. Поняла — это лошадь. Решила пропустить оказию.

«Догонит, — подумала она, — может, подвезёт».

Пошла по ещё почти белой, заснеженной обочине.

Нагнал ломовой конь, запряжённый в телегу. Бородатые ноги, напоминавшие сосновые стволы, стучали по промёрзлой земле, точно кто-то монотонно прибивал к ней камни гвоздями. На телеге сидел солдат.

Дарья Яковлевна машинально посторонилась, пропуская гнедого битюга.

На дороге возникли две фигуры полицейских. Они остановили телегу, приня-

лись о чём-то говорить с возницей. До Назареты долетал звонкий молодой смех. А возница, размахивая руками, указывал в её сторону. Душу начала поддавливать ноющая тревога, родившая желание пройти мимо патрульных, не привлекая внимания. Но по суете жандармов поняла — её видят и говорят о ней. Прятаться было бессмысленно. Да и места на дороге такого не было. Заволновалась, напряглась. Если бы это случилось на улице в Киеве, постаралась, как собачонка, найти подворотню. Но на порожней дороге деваться было некуда.

Назарета с обочины перешла на середину проезжей части, решив хоть так обмануть патруль. Нашупала в кармане паспорт с пропуском.

Два солдата в вязаных «носках», натянутых на лицо. Из большой дыры выглядели только глаза. И всё это прикрывалось каской. На груди у каждого висела серповидная бляха¹. Один, разглядывая женщину в длинной юбке, усмехаясь, спросил:

— Тотка, ты аткут???

— Из Пинчуков, сынок, — ответила Дарья Яковлевна, не останавливаясь, стараясь улыбаться.

— Идот кута?

— У Фастов, сынок. На базар. За картошкой.

— Картошка харашё! Gehst du wieder an und hinterlieh!² — солдат громко рассмеялся.

Молчавший достал из нагрудного кармана кожаного мундира пачку сигарет, сдвинул на подбородок «носок», зубами выдернул из пачки тонкую дудочку, принялся прикуривать.

Назарета поняла, что не интересуется патруль. Пошла, не торопясь. И отойдя шагов тридцать, вздохнула облегчённо.

* * *

Пётр взял паспорт свой и жены, «Свидетельство о заключении брака», выданное Печерским ЗАГСом в 1939 г. Отправился в Гребинки.

В комендатуре, в комнате «Ueberwachungs — und Buchhaltungs-service»³, за столами трое: штурмфюрер и две немолодые женщины — одна писала стеклянной ручкой, мокая перо в чёрную чернильницу, вторая — стучала на машинке.

— Здравствуйте, — Пётр снял шапку. — Сына записать...

— Паспорта есть? — женщина отложила ручку.

Пётр протянул документы.

Женщина открыла большую регистрационную книгу, принялась писать. Записав что-то, подняла глаза и спросила:

— Как записываем?

— Виктор.

— Только отчества не будет, — сказала, продолжая писать.

— Это... — запнулся Пётр, — как?

Женщина мельком глянула на штурмфюрера.

— Заставляют, шоб як у них. Будет по-немецки.

— Это потому, что ангелом родился? — спросил Пётр и хотел сказать ещё что-то, но испуганный взгляд женщин остановил. Машинистка на мгновение даже перестала стучать по клавишам.

Писарь макнула ручку в чернила, дописала что-то. Протянула книгу машинистке. Та положила в каретку чистый бланк и, заглядывая в книгу, принялась стучать. Когда закончила, поднесла бланк и книгу штурмфюреру.

Тот читал, не обращая внимания на посетителя и женщин. Увидев бланк, глянул на Петра, отложил чтиво, взял в пальцы ручку, макнул в чернильницу, снова посмотрел на посетителя.

— Bepaly?

— Ja, Herr Sturmfoehrer⁴.

¹ Серповидный жетон - отличительный знак военной жандармерии Вермахта.

² Когда будешь идти обратно, угостим! Погуляем... (нем.).

³ Служба надзора и учёта (нем.).

⁴ Да, господин штурмфюрер (нем.).

«Эсдек» поставил подписи, достал из стола печать и, положив на бланк, крепко прижал. Поставил прямоугольный штамп «Kinder» в паспорта, дописал цифру «1». Вернул книгу и бумаги машинистке, продолжил читать.

Писарь отдала Петру паспорта, брачное свидетельство, метрическую бумажку о рождении сына и торопливо выскочила из комнаты. Пётр надел шапку, вышел следом.

Женщина стояла в коридоре и, по всему, ждала его.

— Пан Беспалый, как вам повезло... — заговорила она. — У нас тут хотели к вам в хутор пойти... пусть вас счастье не минует. И... вы можете моим старикам валенки пошить? А я два ведра жита... за них.

— Лучше муки, конечно. Зерно молоть нету чем...

— Какие размеры носят старики?

— У мамы — сороковой, шоб портяку ещё, а батько — сорок пятый.

— Под галоши?

— У мамы есть чуни... А у батька... Где такой размер сейчас взять?

— Я подошвы режу из ленты от транспортёра. Почти — шо кирза. В горячем дёгте вымочу, шоб от воды... Года на три хватит, — и осторожно спросил: — У вас полочки соли не случится?

Писарь ушла в комнату. Вышла с маленьким серым кулёчком.

— Муки отберёте, — сказал Пётр, желая отблагодарить женщину.

Та отмахнулась, озираясь боязливо на дверь:

— Вы же в бывшей школе сейчас? Там у вас склад?

— За стенкой, — ответил Пётр.

— Я слыхала... полкан-банфюрер нашему вовкулаку жаловался крепко про складе, который у вас... Из мешков сахар берут. Так и сказал: «Sie haben nicht an der Maus genagt, sondern mit dem Finger gegriffen»¹.

Пётр угадал смысл. Растерянно сказал:

— Там у них склад...

— Хвалился... эти нелюди в Умани трёх детей повесили за кусок колбасы, — и скрылась за дверью.

На крыльце комендатуры Пётр глянул в полученную бумажку.

Reichskommissariat der Ukraine	
Territoriale Bevoelkerungsverwaltung	
GEBUORTHODOXRTSURKUNDE	
<i>Nachname</i>	<u>Bespaly</u>
<i>Name</i>	<u>Victor</u>
<i>Datum</i>	<u>19. Februar 1943</u>
<i>Vater</i>	<u>Bespaly Piter</u>
<i>Mutter</i>	<u>Kas'yanenko Anna</u>
<i>Glaube</i>	<u>orthodox</u>
Eingetragen im Kontobuch Nr. 5, Eintrag 71.	
Sturmfuehrer SD F. Kutscher	

Полпути до дома шёл пешком. По шоссе сновали военные грузовики с тентами. Дважды обгоняли жандармы на мотоциклах. Но ни одной повозки не случилось.

Шёл и беспокойно думал над словами писаря из Управы: «Эти нелюди в Умани трёх детей повесили за кусок колбасы...» Попробовал представить себе гадливую картину, но его стало трясти от ненависти.

Нагнала телега. Вожжи держал полицай. За его спиной сидел солдат с винтовкой.

¹ «Не мыши грызли, а пальцем ковыряли» (нем.).

— Дядьку! — крикнул возница. — До Пинчуков далёко? Школа там.
 — Подвези, покажу.
 Приехали в хутор после обеда по первым сумеркам...
 Заехали во двор школы.
 У хлевчика стоял Олег. Увидев солдата и полицаю, он напугался, юркнул внутрь.
 — Дэ склад тута? — спросил полицай у Петра.
 Тот проводил гостей в сени.
 Солдат открыл амбарный замок, полицай зажёт керосиновую лампу. Долго что-то искали, переставляя ящики. Перенесли в телегу четыре. Сверху загрузили три мешка с сахаром и уехали.
 Проводив оказию, Пётр заглянул в хлевчик. Позвал племянника.
 Олег вылез из тёмного угла. На лице у него застыл испуг.
 — Чего делаешь тут?
 — Мама послала дать козе листьев.
 — Я был у комендатуре... — серьёзно сказал Пётр. — Там сказали — знают, кто из мешков сахар ворует. Повезли проверять. Я уговорил, что это не ты, а мыши... Попрошу — не бери у них ничего. Комендант рассказал... Он к нам приходил... к Вите... — и уточнил, считая, что это важно сейчас: — Сказал — троих детей убили в Умани... что воровали. Грозился...
 — Сладкого хочется, — оправдался Олег, глядя себе под ноги.
 — И мне хочется, — с укором произнёс Пётр. — Но мне, маме и бабушке хочется, чтобы ты был живой, — и добавил по-отцовски: — Живой и голодный — лучше... чем убитый и с сахаром в желудке.
 Парень кивнул, соглашаясь.
 — Пошли в дом. Околеешь.
 — Только ты маме не говори.
 Пётр радостно потряс кулёчком перед лицом Марии.
 — Глядите, чего дали. Соль.
 Мария долго искала, куда бы высыпать принесённую полгорсть соли. На швейной машине увидела деревянную жлукточку.
 — Возьму? — попросила она у брата.
 Пётр вытряхнул из жлукточки десяток гвоздей и протянул сестре.
 — Надолго хватит, — радостно сказала Мария. Высыпала соль. Развернула кулёк.

Рейхскомиссариат Украины

НАКАЗ

**Все голуби в Белой Церкви, Гребинках
и других местах проживания
должны быть уничтожены до 1 октября.
Кто будет содержать, будут расстрелян за саботаж.
Комендант Дребель.**

Прочла и, смяв, швырнула в печь, плюнув вслед.

***

На киевском вокзале патрульные кого-то искали. Выпускали из вагонов на платформу по одному. Проверяли документы, заглядывали в сумки, шарили в мешках. Всё происходило тихо, покорно.

Жандарм с бляхой на груди взял у Назареты паспорт, раскрыл, прочёл пропуск, заставил повернуться спиной. Ощупал пустой мешок.

— Тотка! Vergessen Sie nicht — fuerfter Maerz zurueck², — напомнил он, возвра-

¹ Не забудь - пятого марта назад (нем.).

щая паспорт. — Иди.

— Шо свои, шо чужие, — буркнула Дарья Яковлевна, отойдя от патрульных. — Тьху на всех вас, нелюди! — и сплюнула.

Воздух крепко напитался весенней влагой. Дышалось легко. Только под ногами снег размяк, посерел. Галоши скользили — идти стало опасно. Назарета старалась не упасть, осторожно ступала. Вышла к Евбазу. Заглянула в первый же проход между почерневшими дощатыми лавчонками, оставшимися после евреев. Большинство прилавков пустовали. Подошла к мужику в сером плаще поверх фуфайки, шапке с отвисающими ушами. Лицо его заросло белой негустой щетиной.

— Соль есть? — спросила Назарета.

— Пять марок стакан, — равнодушно ответил продавец.

— Чии марки?

— Немецкии.

— А за рубли?

— Двести карбованцев. Токо за нашиє нэ даю.

— А стакан якої? Гранёный?

— Я сказал... Гранёный — двадцать марок.

— А хто отдаёт за рубли?

— Иди, тётка, и спрашуй у другом месте, — нервно ответил мужик.

По неочищенным рельсам трамвайных путей Дарья Яковлевна вышла к Глубочице. Долго решала — какой путь выбрать: подняться на Татарскую улицу или идти по улице Мельникова? Через Татарскую по Половецкой улице было ближе, но подниматься по крутому подъёму побоялась. Пошла привычной дорогой мимо уютных домов-усадеб Курдановского¹, черневших голыми ветками спящих садов над почерневшими тесовыми заборами.

У развалин храма Киевского Иерусалима² постояла, вернулась назад метров на пятьдесят к дому настоятеля, в котором до немцев был военкомат. За окном, в тёмной глубине светилась капля лампадного огонька.

Дарья Яковлевна перекрестилась и подумала: «Слава Богу, хоть сюда Господь вернулся. Если Мария Исаакиевна³ жива... Зайду к Киричинским...»

Узкий Фёдоровский переулок неприветливо встретил осевшими сугробами. Вглубь, между чёрными тесовыми заборами вела узкая колея со следами тележных колёс и отпечатками кованых копыт. Узнались десять высоченных осокоров-свечек. Сразу за осокорами две протоптанные дорожки.

Одна — вправо к калитке в усадьбу Киричинских, вторая подвела к одноэтажному дому по соседству. По сторонам парадного деревянного крыльца два каменных столба-тумбы, врытых в землю; шесть больших окон в светло-коричневой кирпичной стене.

Назарета миновала тумбы-камни. Сдвинула калитку, вошла во двор. Здесь у ствола огромного дуба в два обхвата стояла телега. К грядке был привязан невысокий вороной мерин, который жевал сено. Рядом возился старик в короткополом чёрном тулупчике. Увидев Назарету, он что-то буркнул себе под нос, повесил на плечо хомут, скрылся в дальнем сарае у забора Кабельного завода.

В комнату Гриши вела некрутая лестница, в два десятка ступеней, начинавшаяся у тяжёлых дверей подвала-погреба.

Дарья Яковлевна глянула вверх — на белом фоне дверных досок чернело знакомое родимое пятно амбарного замка.

Озираясь, осторожно отодвинула шестую ступеньку — условленное место, где ещё в первые дни вселения в этот дом старших сыновей Гриша изладил тайничок — узкую щёлочку между досок, где оставляли ключ. По привычке опустила в щель два пальца. Но железки в тайнике не было.

Она снова опасливо оглянулась, вернула ступеньку на место, пошла со двора. Постучала в ближнее окно у правого столба-тумбы.

¹ Курдановский П. - один из крупнейших застройщиков усадеб в Киеве.

² Церковь преподобного Феодора Освященного (Киевский Иерусалим).

³ Мария Киричинская (в девичестве - Тарасевич), дочь последнего настоятеля храма Киевского Иерусалима Исаакия Григорьевича Тарасевича.

За стеклом дёрнулась белая занавеска, и через полминуты открылась половинка парадной двери. Вышла полноватая женщина лет пятидесяти, перевязанная серым шерстяным платком в пояснице.

— Господи Исуси!.. — радостно всплеснула она.

— До тебя можно, Семёновна? — спросила Дарья Яковлевна.

— Проходи, Дарья Яковлевна. У Гришки спрашиваю: «Где мама?» Только и слышу одно: «Не знаю...» Уж такое на ум приходит...

— Живая я, — сказала Назарета, поднимаясь по ступенькам.

В большой комнате тепло от белых полированных изразцов. Две кровати, большой, почти в полкомнаты квадратный стол и ножной «Singer» в проёме между окнами, накрытый белой кружевной салфеткой.

— У Гриши была? — осторожно спросила Семёновна, подставляя соседке-гостю стул.

— Подходила. Замок висит. Поискала ключ...

Хозяйка подошла к комоду, выдвинула шухлядку, достала оттуда пару ключей на связке.

— Вот... Иди.

— Гриша где? — взволнованно спросила Назарета.

— За им приходили из... И не выговорю... будь они прокляты. Какой-то «рекрутер... остербай».

— А это чего?

— В Германию. На работу. Сказали... если сам придёт, то комната за им останется. Будет куда вернуться через два года. А если поймут на улице — жильё отберут.

— Приснился он мне с мешком, — с болью на лице сказала Дарья Яковлевна. — Вот беда и привела... Давно забрали?

— Сразу после Крещения. Уходил... ключи оставил, — объяснила Семёновна. — Я про него молчу. Бабченки узнают — всё вынесут, и замок не спасёт... Сказал — наверху письмо оставил.

— Только-только старого Бабченка во дворе видала... Хомут напялил и сбёг.

— Со своим одноглазым Проклом ночью куда-то ездили, заразы, — с раздражением сообщила хозяйка. — Только под утро вернулись.

— И комендантского не боятся.

— Что помозолила глаза — хорошо. Пусть они увидят — ты вернулась. Им чужую дверь вынести, што на базаре человека оплевать. Сходи... печку натопи... потом ко мне. Водички какой попьём перед ночью.

— А твои, Дуся, где? — спросила Назарета.

— Кто же знает, — вздохнула Семёновна. — Немец наших похоронок не носит. Вернётся Жоржик или нет, только Бог ведаёт... А Миша за какой-то книгой побегал... Сказал — к Булаху, — Евдокия Семёновна перекрестилась торопливо. — Он из дома — а из меня сама жизнь...

— А Галька сына родила, — сказала Назарета скучным тоном.

— Петрова жена?

— Как раз в полнолуние. Уже будет полмесяца через три дня.

— Слава Богу, сбежала она вовремя. После... за девками две недели полицаи гонялись. В Германию всех подбирали по домам и на улице.

— Что тебе сказать, Евдокия Семёновна... — тяжело вздохнула Назарета. — Парень с крыльями родился.

— Чистый янгол? — радостно сплеснула Семёновна. — Так радоваться полагаётся.

— Виктором назвать хотят... Ой, не знаю, Дуся, чего с нами будет теперь?

— Покрестили?

— Сами решат.

В окно постучали. Семёновна глянула на улицу, взяла подмышку пухлый свёрток, вышла. Из прихожей, служившей кухней, долетало гудение низкого мужского голоса. Вскоре всё утихло. Вернулась, держа в пальцах пять советских купюр достоинством «Три червонца».

— Вот... заработала. Петька Курдановский приходил. Для его Ольки фуфайку

пошла, — сунула деньги под скатерть на столе. — Будет чем за свет в комендатуре заплатить. И завтра на базар схожу...

— Заглядывала сейчас на Евбаз, — сказала Назарета с безразличием в голосе. — Штофчик соли... пять марок. И не оккупационные, а настоящие, дойчные подавай.

— Это на Евбазе, — недовольно добавила Семёновна. — А у нас на Лукьяновском или на Житнем ещё дороже... — и спросила заинтересованно: — А Петро твой шьёт?

— Тем и живём. Токо мало валенки заказывают. А пошил начальнику «эсды» чоботы на меху для зимы с золотой змейкой, так тот нам комнату в школе выдал... Из старостой в одном доме...

***

Вечер долго держался в мартовском воздухе, высвечивая серым светом ноздреватый снег.

Неожиданно во дворе появились сани старосты.

— Шо-то случилось, — взволнованно заметила Мария, увидев в квадрате окна тёмную голову коня. — Староста приехал, — осталась стоять у окна, растерянно глядя на детей.

— Ты чего?! — перенимая испуг сестры, спросил Пётр.

— Он же только утром тут... А сейчас на ночь глядя.

Со двора требовательно постучали в дверь.

Пётр вышел...

На крыльце стоял староста в пальто, шапке-ушанке. Круглые очки делали его лицо похожим на жабу.

— Зайду, — строго сказал он и, не дожидаясь ответа, шагнул в сени.

В комнате снял шапку, по-хозяйски осмотрелся, увидел тёмно-красный свёрток, лежащий на постели, подошёл, открыл уголок белого внутреннего конверта. Наклонив голову, глянул в лицо мальчика. И попросил:

— Света добавьте, панове. Про ангела кругом говорят... А вы его в темноте держите.

Мария подбежала к трёхлинейке, подняла фитиль.

Анна встала с кровати, прижалась к спине мужа.

— Крестили? — спросил староста, поворачиваясь к хозяевам.

— В Саловинки не понесёшь, — ответил Пётр. — Далеко... и по снегу тяжело.

— Крестить же не дозволяется, — осторожно возразила Мария.

— Почему? — выказывая недоумение, спросил староста.

— Первая неделя поста.

— М-да, — озадачился староста. И неожиданно сказал: — А я уже с батюшкой в Саловинках договорился о вашем ангеле. Он заверил, что по случаю святости младенца натопит храм, чтобы не застудить... Всё-таки посланник Божий. Может, нам помощь настоящая с небес... — и предложил: — Пойдём, Пётр Васильевич, со мной.

Староста снял с двери Hauptsitz-а замок, отворил, пропустил перед собой Петра, затворил дверь, закинул стальной крючок в кольцо.

— Думаю... — заговорил он, снимая пальто. Надел фуфайку, присел у печи. — Топить или нет? — посмотрел на Петра, явно ожидая от него участия в разговоре.

Но Пётр молчал — пытался понять: зачем его позвал к себе этот странный малоприметный человек? Боялся проронить неожиданное, ненужное слово, а значит, опасное сейчас.

— Я действительно, был в Саловинках. И договорился с отцом Корнилием, чтобы покрестили вашего... — он глянул на Петра. — Назовёт, как скажите, а не как в святцах.

— Я вчера уже записал в Гребинках, — осторожно сказал Пётр. — Виктором.

— Тем более нужно поехать.

Староста вдруг присел у топки, забросил в неё лучины, зачихнул несколько газет, поджёг. Всё сделал лихо, быстро, точно показывал заученный фокус. Пламя жадно схватило лучины. Приоткрыл дверцу, требуя от огня осветить полосой дощатый пол и белую стену.

— Коня здесь искать надо, — осторожно сказал Пётр. — В Пинчуках ни у кого нету.

— Мои сани возьмишь, — требовательно сказал староста. Поднял из кучи дров три полена, отправил в топку. — Только вот коня оставлять на холоде на ночь опасно, — добавил он и так располагающе уверенно, точно обо всём уже было договорено заранее. — Вдруг волки. Не углядим... Вот только у меня крестильной рубашки нет. Думаю... у твоих женщин такое заготовлено... заранее. А это возьми... — всунул два пальца в нагрудный карман рубашки, вынул блестящий крестик на тонкой чёрной нитке. Протянул Петру.

Тот осторожно взял крестик, положил на левую ладонь и спросил нерешительно, не понимая, что происходит:

— А вы?

— Отец Корнилий передал. Освящённый. А я тут переночую... Мне в крёстные отцы нельзя... Я — атеист. Но крещёный, — отошёл от печи, уселся к столу. И спросил: — К кому коня поставишь?

— Найду, — безвольно ответил Пётр, продолжая плавать в тумане непонимания происходящего и не способый бороться с силой, заставлявшей молчать. А она не позволяла шевельнуться даже мимолётной мысли.

— В санях под тулупом полмешка овса, — сказал староста. До завтра коню хватит, — и озабоченно уточнил: — Вот только напоить тёплой водой. Не доведи, холодной дать.

— Надо разрешение... — осторожно сказал Пётр. — Если бы по полям... Но сейчас не проедем. Только по дороге. А это крюк мимо Гребинок.

— Вечером напишу, — сказал староста. — У меня тут нагреется... И чернило тоже.

Пётр вернулся. Почувствовал — комнату переполнила неладность, забравшаяся во все углы и закутки, терзающая души жены и сестры. Не раздеваясь, уселся к столу.

— Чего? — осторожно спросила Анна, глядя в озадаченное лицо мужа. — Чего хотел?

— Завтра везти крестить, — подавленно ответил тот. Достал крестик, положил на скатерть. — Освящённый. Сказал, что отец Корнилий освятил. И ждёт...

— В такой холод? — сомневаясь, спросила Мария.

— А ты? — спросила Анна мужа. — Нам зачем это?

— Не знаю, — подавленно ответил Пётр.

— Чего бы сказала мама? — спросила сестра нервно. — Зачем она в тот Киев поперлась?

— Сказала бы... — Пётр тяжело выдохнул, — чего всегда говорит... «Не ломай Божью волю через колено...»

В комнате вдруг стало легко дышать, словно в окно и в дверь ворвались порывы тёплого весеннего воздуха и чья-то рука расшнуровала стягивавший душу корсет.

— Маня, я коня старосты к Павленкам сведу на ночь. А вы крестильную рубашечку поищите. У нас есть? И завтра с тобой и Кирилой в Саловинки...

* * *

Большой дом, похожий на барские покои...

На трёх колоннах широкий крытый подъезд для конных экипажей занесён снегом, по которому не ходили с первых метельных дней.

Укатанная дорога шла мимо, поворачивала за левый угол.

— Староста говорил... сбоку дверь с крестом, — сказал Пётр, дёргая правую вожжу.

Остановились возле двери в глубокой нише серой каменной стены.

К чёрной доске прибит небольшой крест с нижней планкой, наклонённой правым концом.

Храм маленький. От углов сочилось тепло к куполу без окон, хранящему остатки ликов и позолоты, и без паникадила. Иконостас — тёмная трёхэтажная стена с дырами без икон. Справа от Царских врат — лик Создателя, слева — Матерь Божия

Одигитрия. Справа от Иисуса место пустовало. На узкой солие столик, прислонённый к иконостасу. На нём горели три толстые тёмные свечи. Иконостас в их свете казался совсем нелюдимым, пугающим. Понимающий в храмовых постройках сразу определит, что это бывшая домовая молельня, где хозяин позволял себе сидеть перед алтарём.

Посредине табурет с купелью — круглая дежа, наполненная водой, задрапированная разноразмерными вышитыми рушниками.

Из двери, темневшей слева от иконостаса, вышел служка, подошёл к Петру.

— Как называть?

— Виктор.

Взял у Петра крестик и ушёл.

Снова открылась алтарная дверь, вышел священник — старик лет после семидесяти, с длинной седой бородой, редковолосый, с морщинистым лицом, в белом покрывале, сшитом из двух домотканых простыней, надетом на чёрную рясу. Встал рядом с купелью.

— Благословен еси Господи Боже Вседержителю, — загудел он, — источнике благих, солнце правды, возсиявший сущим во тьме свет спасения, явлением едиnorodного Твоего Сына и Бога нашего...

Замолчал, начал тяжело дышать. Пошатнулся. И стараясь не упасть, схватился за требник, лежавший на столике, точно книга способна была его удержать от падения. Открыл её, снова загудел слова, освящая воду в купели. Взял из рук служки кисточку. Макнул в елей, начал помазывать воду. Подошёл к мальчику.

Мария раскрыла конверт, оставив племянника голышом.

— Помазуется раб Божий Виктор во имя Отца и Сына и Святаго Духа, — кисточка с елеем коснулась лба, груди, кистей рук и ступней ног.

Отложил кисточку, взял мальчика:

— Крещается раб Божий Виктор, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь, — надел на ребёнка рубашечку с голубыми рюшками вокруг шеи и кончиков рукавов, на шею ребёнка крестик, продолжая гудеть: — Облачается раб Божий Виктор в рясу правды, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Мальчик, на удивление, молчал, не сучил ни руками, ни ногами, смотрел на батюшку большими круглыми глазами, словно укорял старика в чём-то.

Отца Корнилия испугал недетский взгляд ребёнка. Вернул мальчика крёстной матери, постарался отстраниться от недетской укоризны, не понимая, почему она его задела вдруг. Повернулся неуклюже, наступив левой ногой на носок правой, пошатнулся снова. Чтобы не упасть, схватился за край купели, перекрестившись, запричитал:

— Благословен еси Господи Боже Вседержителю...

Ходили три круга вокруг купели — батюшка, а за ним Мария с племянником...

Слушая гудящее пение, она была мыслями в Новгород-Северске, где крестились её дети... Матери на обряде быть нельзя... Да и Георгий Фёдорович стоял против крещения своих детей... И она, улучив момент, когда муж отсутствовал в городке, с его сестрой, их двоюродным братом носили младенцев в дом бывшего церковного старосты — храм снесли ещё в 34-м. Всё таинство, — купель, простая, эмалированная лохань на табуретке, свеча, икона при свете трёхлинейки, — было организовано в тесном фундаментном полуподвале среди стен без окна... Крестил школьный учитель, сын покойного настоятеля, облачённый в повседневную рясу... Читал молитвы спешащими словами, не заглядывая ни в требник, ни в Евангелие... А она слушала за дверью, беспрерывно выглядывая в утренний, ещё не расцвётший двор, стараясь предупредить кого из случайных, праздных людей...

Наконец, отец Корнилий остановился, повернулся к иконостасу, стал петь, слово за этой тёмной стеной сейчас прятался Он сам, специально спустившийся с небес, чтобы лучше расслышать осанну.

— Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей, молим Ти ся, услыши и помилуй...

Мария и Кирила взялись пеленать племянника...

Ребёнок недовольно дёргал ногами, стараясь освободиться от мешавшего ему красного одеяла, громко, недовольно закричал.

Пока Мария и Кирила возились, одевая крестника, к Петру подошёл служка и тихо сказал:

— Подгонте сани за дом. Там есть выход... — скрылся за правой дверью в алтаре.

Вышли из храма. Мостились в кошовке, стараясь усесться так, чтобы малышу было удобно, надеясь, что на мартовском морозе, уже заквашенном первой весенней влагой, он заснёт.

Пётр надел шапку, рукавицы, дёрнул вожжи, заставляя коня повернуть за угол дома.

— Ты куда? — спросил Кирила.

Пётр отмахнулся. Остановил коня возле глухой стены, у стальной двери, обитой коваными полосами, щерившимися круглыми головками заклёпок.

Дверь нехотя подалась. Вышел служка, осмотрелся. Вернулся, вывел двух детей, одетых в тоненькие пальтишки, перевязанные крест-накрест серыми женскими платками. Меньшей была девочка, худенькая, с огромными чёрными глазами, на вид лет пяти. Повыше — мальчик лет семи с недетским взглядом волчонка. Светлые густые брови и длинные колющие ресницы нависали над большими белёсыми глазами.

Служка отбросил чёрный кожух, лежавший в санях, усадил детей между ногами Марии и Кирила. Заставил лечь. Подоткнул им бока соломой. Они прижались друг к другу, словно только так способны были дышать. Накрыл кожухом детей и ноги восприемников. Из какого-то потайного кармана рясы достал две белые повязки, натянул на левые рукава Петру и Кириле.

— Так надо, — перекрестил всех и скрылся за стальной дверью.

Когда выехали из Саловинок на большак, Мария спросила у брата требовательно:

— Это чего такое?

— Староста велел привезти, — ответил Пётр, словно оправдываясь.

— Жидята, — понимающе объяснил Кирила.

— Куда же мы их? — жалобно произнесла Мария.

Младенец заплакал вдруг.

Мария запела, принялась укачивать. И крикнула:

— Не гони!

Их обогнали три грузовика и длинный «Хорьх», обдав сани, коня и людей едким запахом бензинового выхлопа. И как по велению злого духа на обочине возникли два жандарма. Их луноущербные бляхи высвечивали ещё издали. Один сидел на мотоциклетной коляске, второй стоял рядом.

— Жандармы! — взволнованно сказал Пётр.

— Не смыкай вожжи! — приказал Кирила.

* * *

Как только Назарета встала на первую ступеньку лестницы, тянувшейся к входной двери комнаты Гриши, тело наполнилось по-детски радостной, неуёмной энергией. Вспомнила, что в таком возвышенно-радостном состоянии ехала со двора свёкра в Солёный Гай. Чувствовала — дорога ведёт в собственное гнездо, без которого ни одна женщина-мать не осознаёт себя счастливой до конца. С энергией птенца взлетела по ступеням, сняла замок.

Тёмные сенцы встретили тяжёлым горьким воздухом. Сыростью отдавало от стены, напитавшейся испарениями застоявшейся тинной влаги. Не закрывая наружную дверь, Дарья Яковлевна пошарила за полочкой, висевшей на стене слева от двери в комнату. Сняла с гвоздика ключ.

В комнате холодно...

Сразу заглянула в комодик. Увидела знакомый мешочек с солью. Его вид позволил улыбнуться, облегчённо вздохнуть. С молодецкой лёгкостью сбросила жупан и, не замечая холода, взяла со стола три линованных листа, выдернутых из школьной тетради.

Мама, Петро или кто придет.

Сразу скажу, но ничего про Ивана и Женю из Ритой не знаю. Як у сороковом году поехали у Запорожжя, так и всё. Я про него знаю, но самое то и вы. До меня приходили из РЕКРУТЕРОСТЕРБАЙТУ. Ты, Петро, знаешь кто это. Он из тобой на фотографии, где вы из значками ОСОВНАХИМА на цепочках. Он работает у немцев. Я его признал. Тебе передавал привет. Сказал, но мне лучше самому поехать у Германино. Бо як споймают где-то в городе при облаве, загоңят, як того барана на бойню. Потому но у меня нету АРБАЙТКАРТКИ. И комнату заберут. Ходил искать работу на Петровый АРСЕНАЛ. Помню, но Пе-тро приносил домой припасовывать якие-то детали. Перед закалкой. Думал, там есть такая работа, где механизмы настраивают. А заставили носить мешки из песком. А мне нельзя их поднимать. И больше не пошёл. Его знакомый говорил, у Германино можна взять из собой весь часовой инструмент и там заниматься ремонтом часов или других механизмов. И вернусь через два года. Я ходил, де работал перед немцем. Ничего уже нету. Как Ицик ушёл из семье у Бабий

Яр, никто часов не носят на ремонт, потому но мастерскую соседи разкрали. Думал своё дело начать. Неделю стоял на Лук'яновском базаре, а потом на Евбазе. Даже на Житнем неделю из объявлением. Ни разу никто не подошёл. Токо немец, принёс пузатого «Мозера» из чёрным циферблатом. Я разобрал – там изломалась заводная осьжка. Я поставил дружно из ЛОНЖИНА, якие переехал возом хтось на Подоле, а я подобрал. Ходил после на базар две недели, а немец за ими не пришол. От из ими еди у Германино. Дед Свирид Бабченко откидась привёл коняки. Она так себе. Старая, годков двадцатьиз гаком, а то и больше. Наши коники в Солёном Гато хоть на парад седьмого ноября... Он из своим одноглазым Герасимом ездят кидась ноччю. Два раза брали меня из собой в помощники. Ламатот задние стенки и сараах. Вытаскиют, но надьбатот. Дали один раз почти полный мешок мики, а другой раз отлили двадцать литров кирасина. Как вертались, итекали от патрля. Спасло токо, но знали як домой по Кмитовом Яри из Глыбочицы проскочить. Больше из ими не ездил, бо мне это не нравится. Красть у меня выходит плохо. Во мне но-то ломается и душу паскудит. После хожу неделю и кажется, но от меня смердит, як из нечищенного хлева. Если бы у Петра в хуторе можна было часы ладить, то перебрался до вас. Признатось честно, ехать не хочу у тую Дойчу. Но ботось, но меня споймают в городе.

Бегать быстро не могу. Болит сильно спина. Мне самое лучшее сидеть за столом и глядеть через лупу на шестерёнки. Они, як котята малые. Красивые и неугадливые. А я часы чувствую, як наш Чёрт падлу. Они для меня, шо дедова книжка про Дубровського. Не хочется, шо у нас забрали комнату, бо батько за иё платил. Я помню, як Иван из полковником про нашу землю и Солёный Гай говорили. А я топил и слышал. Як сам за свои честные гроши купил, то и воевать есть за чего. А як вам, ваше превосходительство, царь подарил усто вашу землю разом из живыми крипаками¹, то крипака можна продать, шо свиню в Сорочинцах перед Рождеством, а землю кинуть, як онишковский пан кинул Солёный Гай. Хто придёт, то кирасин есть в сарае у трёх бутылках под дровами слева. И чуть, чуть в лампе и в сенцах в бутылке. Мука под большой кроватью в ящичке из под мыла. Ящич не пахнет. Я его выпарил як бочку перед засолкой. Бочки в погребе. Ключ на месте. Я успел наквасить токо капусту. Когда хтось придет, пускай спуститься и помоеет кружки, шо капуста не спаскудилась. Хватить до весны. Помидоров и огурцов не вышло. На базаре мало и сильно дорого. По двести рудлей за два фунта. Садить ничего не могу. Копать землю трудно, бо болит спина. Электричество я не зажигаю, шо не платить в комендатуре. Токо кирасином. И хто придет, лучше запалить трёхлинейку, як у нашем Гаю. Всё покупаю за соль, какую продано из мешочка, якої принесла мама.

Не знато когда кончится война. А жизнь всё одно закончиться. Дедушка Никифор был очень правильный. Не ломай Божью волю через колено. Она не кнутовище. Бог видит и добра желает. И я вам усем добра желаю. Вернусь из Германии, обнимемся и поплачем. Или посмеёмся. Ключи отдал Семёновне. Она меня иногда кормит. У неё есть. До неё люди ходят шить. Я ей дато капусту.

Ваший сын и брат Григорий Беспалый Василёвич.

Дарья Яковлевна положила листочки на стол, уселась, закрыла глаза. Почувствовала — по щекам стекают слёзы, но поднять веки не могла. Во влажно-тёмной пелене видела вагон, что бежит по рельсам, пустой, молчаливо-бесколёсный. И в нём сидит Гриша. Один. С мешком. Ей и не хотелось поднимать веки, чтобы вагон вдруг не исчез... И он ехал, ехал, ехал, а она плакала, не вытирая слёз...

Доконал холод...

Назарета заставила себя подняться. Утёрла концами платка слёзы. Присела к печке — Гриша, уезжая, принёс две охапки пиленных дров и загодя наколот лучин, точно знал, что без него первой домой вернётся мать. Развела огонь. Решила — пока топится, сходить за водой. Накинула жупан. Взяла ведро, вышла в переулочок, набрала воды из разборной колонки.

Пока ходила, в комнате потеплело...

На плиту поставила греться воду, чтобы спуститься в погреб вымыть капустные кружки. Принялась подметать с тщательностью хозяйки, ждущей гостей.

* * *

— Не смыкай вожжи, — повторил Кирила. — Як подъедем, припрись на минутку возле их. Токо на минутку. — И добавил громко: — А вы, детки мои, лежить смирно... тишком-нишком.

Сам выдернул из-под себя бутылку немецкого шнапса и, откинув руку с бутыл-

¹ Крипак - крепостной крестьянин, раб (укр.).

кой в сторону, запел, как оглашенный:

*Ой ты, Галю, Галю, молодая,
В тэбэ закохався, покою не знаю...*

Надрывный, ревуший голос привлёк внимание военных. Один даже вышел на середину проезжей части. Освободил лицо от вязаного «носка».

Когда поравнялись с патрулём, Пётр, как было велено, натянул вожжи. А Кирила всей мощью хриплого голоса завопил, изображая крепко перепившего:

*Дойче зольдатен
Унд дас официрен
Офнен ди медхен...
И кругом шпацирен...
Айтра-ля-ля, айтра-ля-ля!*

И тыча бутылку в сторону патрульных, весело прокричал:

— За новоиспеченного зольдатена выпейте из нами нашего самогона, геры официрены!

И снова запел:

*Дойче зольдатен...
Айтра-ля-ля, айтра-ля-ля!*

Жандармы смеялись...

Пьяное пение разбудило мальчика. Он закричал требовательно, словно приказывал ехать быстро, но молча...

Стоявший на дороге посторонился, пропуская коня и сани полицаев.

— Гони! — приказал Кирила. Снова запел...

Когда свернули с большака в сторону хутора, Мария взволнованно спросила:

— Куда ж мы этих, сиромах-бедолах? От попа до полицаев?

— Думаю, кума, наш староста, як бы хотел жилову зничтожить, как давно уже в Саловинках нашёл. А если попросил привезть, значит, им у попа оставаться нельзя.

— А как на глаза кому попадут в хуторе, — обеспокоенно сказала Мария, — обязательно за колбасу в «эсду» прибегут доложить, — помолчав, добавила, словно объясняла ребёнку: — Только староста в своём «гауптзитце» держать их не станет... Дитё хоть раз в день, а покормить надо. И спать где им? — и вдруг спросила громко: — Деточки мои, вы не замёрзли лежать?

— Нет, — ответил голос девочки.

— Потерпите, — громко заявил Пётр. — Скоро приедем.

— А староста — сука! — нервно сказала Мария, точно сбросила с себя тяжеленную ношу. — Загляни жандарь под тулуп... всем нам тут и конец. Всем... И жидяткам, и нам... Падла!..

К хутору подъехали часам к пяти. Небо на востоке потемнело, словно готовилось вот-вот сыпануть снегом. На западе свет держался, будто кто-то невидимый подпирает его руками, не позволяя упасть. Но и у этого добряка силы вдруг иссякли, и он, обессиленный за день стояния, опустил тяжесть на землю, накрыв хутор, голые сады и поля серой теменью...

Ещё издали увидели две дымные свечи из дымоходов школы — Анна и староста топили. Когда въехали во двор, Кирила спрыгнул на снег, забежал на крыльцо Hauptsitz-a.

Пётр подвёл коня вплотную к своему крыльцу. Помог Марии с крестником выбраться из саней, открыл перед ней дверь в сени.

Подошли староста и Кирила.

— Спасибо, — хуторской начальник пожал руку Петру. Попросил: — Подъежь ко мне. Заберу детей.

Ребятишек завели в дом. Староста прикрыл дверь и попросил:

— Вы мне помогите воды наносить. Помыть надо малышню. Только у меня одно ведро.

— Коромысло есть? — спросил Кирила.

Староста повертел головой.

— Ждите, — пошёл в сторону своей хаты.

Минут через десять Кирила вернулся в сопровождении Домны. На коромысле принёс два ведра воды, а жена — подмышкой железные ночвы¹.

В Hauptsitz-e тепло. Окна затянуты чёрной тканью, ярко горят две трёхлинейки.

Дети жмутся к столу и друг другу. Мальчик держит девочку за руку. Их глаза внимательно следят за действиями незнакомых взрослых — в них застыл безотчётный страх.

Староста поднял с пола плетёную корзинку, передал Кириле.

— Пусть Петровы женщины сделают еду. Тут всё есть. Покормим моих и ваших ребят... А потом и сами, чего останется.

Подошёл к детям. Сел перед ними на корточки, принялся раздевать девочку.

— Сразу мы тебя помоем, Эмочка, — сказал он с неожиданной мягкостью в голосе. — Расстегнул пуговицы на пальтишке. — А потом Мотю... — обернулся к жене Кирила. — Вас как зовут?

— Домаха...

— Дорогая Домна, помогите мне... Я своих детей мыл один раз в жизни.

Анна покормила сына. Оставила спать на кровати. Поставила на огонь кастрюлю с водой. Мария принялась чистить картошку — мелкую, похожую на перепелиные яйца. Очистки аккуратно складывала в сторонку, чтобы весной пустить на рассаду.

Кирила выложил на стол две упаковки «Eiserne portion»², две железные банки консервов, пачку «MARGARINE», две упаковки сублимированного хлеба, два тюбика «KAFFE-KONSERVE», белую банку «ALPEN-MILCH» и бутылку «DER SCHNAPS FUEHRER» с портретом Гитлера. На самом дне нашёл два круглых тюбика, завернутых в коричневую бумагу. Повертел перед глазами, пытаясь понять, что у него в руках.

— Галька, а ну прочитай, — попросил он.

— Так ты, Кирила, лучше всех знаешь немецкий, — сказала Мария, смеясь. — Даже «фельдсобаки»³ тебя поняли на дороге.

— Trockene Limonade, — прочла Анна на упаковке. — Сухой лимонад.

— Мать убивалась, что янгол родился, — сказала Мария, глядя на принесённое Кирилом, продолжая смеяться. — А гляди, как всё обернулось... Даже лимонад.

— А мороженого нету? — спросил Олег.

Из сеней долетела возня...

Вошла Домна. На руках она держала девочку, укутанную в чёрное пальто. За ней следом вошёл староста — принёс мальчика.

Детей усадили за стол. Перед каждым поставили тарелку, положили деревянные ложки. Разломали на куски отогретый на пару хлеб. Анна положила в тарелки мятую картошку, смешанную с тушёнкой. Мария налила в чашки разведённый в кипятке лимонад.

Взрослые отошли в сторону.

Свои дети ели быстро. Эмма и Матвей — неспешно. Но все пятеро жадно пили сладко-кислую воду. И как-то дружно попросили добавки.

— Я же говорил, — осторожно сказал Владик. — Праздник.

Эмму и Матвея отнесли в Hauptsitz...

Когда Домна и староста вернулись, взрослые уселись за стол. Пётр выставил три гранёные пирамидки для водки. Анна положила в тарелки картошку.

Староста снял тёмно-красную обёртку с горлышка, ловко взболтал содержимое бутылки и лихо ударил по днищу — часть пробки выдавилась. Двумя пальцами выдернул её из бутылки. Наполнил рюмки. Поднял свою и, не предлагая чокаться, сказал:

— Спасибо вам. В ноги кланяюсь, — выпил, снова налил. — Я поступил подло.

¹ Ночвы - стальное, оцинкованное корыто (укр.).

² Железная порция - сухой боевой паёк (нем.).

³ Здесь - «Полевая жандармерия» (простонар.).

Понимаю. Под немца послал младенца... и вас. Но по-другому было нельзя. Завтра-послезавтра на дороги к немцам наших полицаев ставят. План спустили из Рейхскомиссариата — искать евреев повсюду. А наш полицаи не то что обыскивать... под юбку залезет. А у отца Корнилия оставлять совсем нельзя. Он старый. Не углядит. К нему ходят, Бога молят, а только детишек увидят — сразу с криками «Жидава!» побегут доносить... за полсеребряника... Согласились жить, што скот в хлеву, а виноваты жида...

Староста выпил, снова налил и выпил. Торопливо доел, что лежало в тарелке. Встал и, выходя из-за стола, сказал:

— Тебе, Кирила, будет задание. По дворам пробежись. Скажи, чтобы от каждого двора пришли ко мне... Я составлю список, что все в полицию записаны...

Кирила и Петр переглянулись недоумённо.

— Все хутором будете числиться в полиции. А это — налогов не нужно платить. Ещё раз спасибо... и простите.

Нахлобучил на лысину шапку, взял подмышку пальто. Пошёл к двери.

— А вас як зовуть, пан староста? — спросила Домна.

— Макар. Вам — просто Макар.

Утром двор пустовал. На двери Hauptsitz-а висел замок...

* * *

На киевском вокзале у кассы стояли два мужика в тёмно-серых фуфайках. Переговаривались полусёпотом. Назарета поняла — решают: брать билет или ехать с риском быть задержанными. Наконец, подняли мешки и ушли, не купив.

Люди с баулами и деревянными чемоданами сновали по пустым колеям, перебегая с одной на другую. Когда паровоз притянул вагоны, все дружно бросились к двум вагонам посредине состава.

Назарете повезло — угадала место остановки вагона. Взобралась в тамбур, уселась у окна лицом по направлению движения.

В промёрзлом пространстве холод держался хозяином. Даже заполненный людьми, не нагревался их тёплым дыханием. Лишь выдыхаемый воздух становился не таким густым и белым.

Вошли два знакомых мужика в серых фуфайках. Уселись на соседних лавках друг против друга, рядом с проходом.

Поезд бежал не быстро, беспрерывно кого-то отгонял гудками от колеи перед собой. В Василькове постояли минут пять. Один из знакомых Назареты выскочил на перрон, отошёл в сторону, внимательно вглядываясь в начало состава и в конец, и, услышав длинный гудок, заскочил назад. Минут через десять ходу загудело из дальнего тамбура:

— Фельдсобаки!..

Мужики в серых фуфайках подхватили мешки, побежали в тамбур.

За ними сорвались ещё трое. В открытую дверь из тамбура в вагон начал затягиваться холодный воздух и негромко-ленивый стук колёс.

Назарета видела, как на заснеженный откос из вагона вылетел мешок, а следом за ним прыгнул человек...

Вошли двое в тёмно-синей униформе с широкими белыми повязками на левых рукавах шинелей. Шли по проходу неспешно, заглядывая в лица.

Дарья Яковлевна полезла в карман жупанчика, чтобы достать билет. Почувствовала — по спине, цепляясь за дерево лавки, что-то ползёт вниз. Догадалась — кто-то избавился от чего-то смертно-гадкого. Оглянулась — в соседнем ряду сидела женщина; платок съехал на затылок, обнажив наполовину седую голову. Ощупала подброшенное — в тряпочку завернуто что-то круглое, твёрдое.

Контролёры миновали лавку Дарьи Яковлевны. Постояли возле соседнего ряда. Прошли ещё мимо одного...

Назарета встала, толкнул седовласую в плечо и спросила:

— Твоё?

Та, не озираясь, ответила отрывисто-уверенно:

— Нет!

«От сучка!» — подумала Дарья Яковлевна. Подняла с пола мешок с солью, торопливо развязала, сунула в него непонятный предмет и, повесив на спину, пошла догонять контролёров.

Чувствовала — седая женщина идёт за ней. Но оборачиваться не стала. Догнала проверяльщикова; дождавшись, когда они вышли в тамбур, достала паспорт с пропуском и, тыча его в лицо одному, спросила:

— Пановэ полициянты...

— Мы не полицаи, — возразил один. — Тебе чего?

— Следующая — Мотовиловка?

— Проспала, тётка. Следующая — уже Фастов.

— Ой, слава Богу! Бо у меня билет до Фастова. Боюсь... заарестуют дурную бабу.

— А ты из кем, старая, ночью куёвдилась, шо проспала? — засмеялся тот, что помоложе. — Из молодым или старым?

— Из молодым лучшее... Так де ж его взять? От если бы ты...

— Сейчас сходим кудась, где тепло... — засмеялся контролёр.

— Шо ты мелешь?! — недовольно остановил товарища второй. — Нашёл клячу старую... Пошли через перрон у конец... Две минуты стоим.

На соседнем пути стоял грузовой состав. Назарета, не увидев рядом охраны, поняла — он порожний. Опустилась по ступенькам на утоптаный снег следом за контролёрами. Пошла за ними. Со стороны можно было решить — женщина покорно идёт в комендатуру. Не оглядывалась, но чувствовала — её преследуют, точно ощущала горяче-нервное дыхание на затылке.

Контролёры поднялись по ступенькам в переднюю дверь последнего вагона.

Дарья Яковлевна дошла до конца состава, сошла на пути, обошла вагон и торопливо поднялась на место кондуктора. Присев, прижалась к стенке, хоронясь за мешком с углём у ноги тормозного колеса. Видела, как седовласая прошла мимо. Выглянула. Преследователь бежала вдоль состава, непрерывно заглядывая под вагоны.

Не давая отчёта своим действиям, Назарета соскочила на пути, подбежала к хвосту товарняка, обогнула, оказалась у пассажирского состава. Взлетела щенком в вагон, прошла в соседний, из него вышла на противоположную сторону. Миновала будку стрелочника, переползла через неглубокий кювет и только тут остановилась. Чувствовала — через мгновение упадёт бездыханно-мёртвая. Мешок, потяжелев вдвое, тянул к земле. Широко открыв рот, хватала холодный воздух. И, задыхаясь, спросила себя, словно укоряла:

— Зачем?..

Ответа не находила, точно на бегу растеряла все слова, какие знала. Но душа радовалась — случилось что-то важное и очень нужное. Почудилось — слышит тёплое дыхание из мешка с солью.

Отдышавшись, успокоившись чуток, пошла медленно, решая, что делать с неожиданным прибытком.

Дорога вильнула, будто специально звала в голые кусты. Назарета с ней не спорила. У густоуходого орешника сняла мешок, вынула кругляшок. Размотала тряпку — в ней круглая жестянка из-под «Монпансье». Открыла крышку. Внутри — укутанное в клочки газет, плотно уложенное, словно конфеты, что-то твёрдое. Захотелось развернуть хотя бы один свёрточек.

Со стороны станции долетели чьи-то голоса...

Дарья Яковлена испугалась. Накрыла крышкой коробочку, торопливо зарыла железку в соль.

И пошла к Брагарам...

Её встретила хозяйка... На ней были синий байковый халат и валенки, которые подарила Назарета.

— Ой, Дарка, какое тебе спасибо от меня. Такие валенки справные. Уже неделю хожу... И ноги пошти перестали болеть, хоть ночью не сымай. Як хорошо, шо ты выучила своего Петра на швеца и кравца¹.

Назарета, слушая, думала сейчас, как будет ночевать, чтобы мешок не попался

¹ Кравец и швец - портной и сапожник (укр.).

на глаза хозяевам?

«Заглянут обязательно, — подумала она. — Пойду в нужник. Перепрячу коробку». И сказала:

— Ой, Марфа, еле добежала. Пойду до ветру, бо не втерплю.

— Ты мешок скинь.

— Не успею, — нервно ответила Назарета. Повернулась и на ходу добавила, чтобы угасить любопытство хозяйки: — А про обувку... То всё Василий Никифорович... Петра учиться отдал...

ВАСИЛИЙ БЕСПАЛЫЙ НИКИФОРОВИЧ

1

На последний мартовский снег с юга ветер нагонял влажный воздух далёкого моря. Вместе с ним налетали стаями серые чубатые свиристели. Они обсыпали ещё голые кусты лещины, по несколько часов наполняя пронзительным радостным свистом округу. И вдруг срывались в испуге, закрывая небо тёмным полотном, точно с птичьей высоты видели, как с севера на пустые, почерневшие поля катит валом революция...

А она гуляла вокруг Солёного Гая, иногда забегая во двор...

В начале апреля в Гай потянулись онишковские мужики перековывать лошадей на лето.

Гриша и Петя в кузнице, меняя один другого, гоняли мехи. Василий Никифорович крутился с малкой у ног коней, вымеряя копыта. Ковались кони по давно устоявшемуся правилу: за четыре подковы осенью отдавались два снопа ржи или пшеницы, а то и ячменя.

Последним появился Иван Касьяненко Гаврилович — привёл пару волов.

— Я никогда не ковал быков, — объяснил Беспалый озадаченно.

— Придумай чего, Никифорыч, — попросил Иван. — Весна. Пахать пора. Коней у меня нету. А волы старые дюже. Ещё покойный отец на них пахал. Если не подбить, ноги вконец попортят, не доживут до осени, — принялся ладить самокрутку. И затянувшись дымом, добавил: — Мать совсем плохая, токо с печи до ветру. А Мария с пятимесячной Галькой и шестилетняя Дуська... И выходить — в дворе токо бабы. А с детей толк, як от твоих жеребят. Придумай чего... А снопы — уже осенью...

— На царине чего балаболят? — спросил Беспалый, принявшись чистить рашпилем копыто волу. — С опосля, як отца отпели, не ходил.

— Приезжали из Полтавы. Выбирали человека для Киева на Съезд хлеборобов.

— Кого назначили?

— Который из Полтавы, всё за Бештаньку кричал. А он уже не наш. Согласились от Онишек на деда Филона Баглая.

— Кого? — Василий Никифорович оставил копыто. — Ему, небось, сто лет у обед!

— Восемьдесят пока... Сам посуди — хто другой поедит на той съезд, когда сеять пора. И шо это за хлеборобы, якие вместо посевной якой-то съезд удумали?... А дед сразу заявил: «Я в Прилуки и Переяслав ездил, а у Киеве не был!» Он, если зацепиться — топором не отрубишь.

— На шее внучка и правнук, — сказал Василий Никифорович, смеясь, — а деду дома не сидится. Бегаит по округе, шо тот дурной жених за невестой. Чего зимой жрать будут?

— Хотели меня определить... шо батько был в Онишках двадцать годов владой. Я не согласился, — Гандзя бросил окурок, растёр сапогом. И сказал, словно поделился чем-то только ему ведомым: — Влада — штука липучая. Попадёшь — токо смерть выкинит из иё.

— А як ты в ей — гроши сами до кармана липнуть, — рассмеялся Василий.
 — Якие от влады — липнут, — согласился Иван. — Токо сильно карманы распекают... точно горячии угли из твоей кузни носишь... И в спину тебе все плюют.

В Чистый четверг, перед восемнадцатой Пасхой века, как раз в полдень прискакали пятеро: двое в шинелях с обстриженными подолами, трое — кто в чём. Но все при шашках. Один даже с деревянной кобурой на поясе.

Заматеревший Чёрт встретил гостей вздыбленной шерстью на холке, недобро скалясь и рыча.

К гостям подошёл четырнадцатилетний Гриша — он колот дрова у заднего крыльца.

— Хозяины де? — спросил один.

— Я хозяин, — ответил парень.

Признал в человеке с «Маузером» онишковского мужика Зосима Бесштанько, про которого гудел народ на царине, что он в Оржице «посажён на панство» Атаманом от Центральной Рады. В четырнадцатом вместе с Яремой и Елизаром он ушёл на фронт. Служил в Полтавском уланском полку. Месяц, как вернулся в Онишки. Но узнав, что его баба перебралась с детьми в Оржицу, в дом, пустовавший после смерти матери, съехал туда сам.

— Голову не морочь, Гриня, — недовольно сказал Зосим. — Батько де?

— Батько не могут. По пустому делу не приказывали звать.

— Власть приехала. Сам атаман. Позови.

— Занятые они сильно. Кобыла жеребиться. А потом — Пасха. Опосля иё приезжайте.

— От ддя того он нам и нужен, — Бесштанько спрыгнул с коня. Отдал повод товарищу. Поправил на поясе кобуру «Маузера». Подошёл к воротам, попробовал открыть. Но Чёрт бросился к воротине с рычанием. — Забери падду, а то пристрелю!

В доме готовились к Пасхе. Дарья Яковлевна прожаривала пасхальную соль, Петя растирал в макитре мак для пирога, а Маня аккуратно срывала листочки кожурсы с луковиц.

— Мамо, там Бесштанько из друзяками приехали. Батька требуют.

— Это якой?

— Наш Тряпка.

— И чего хочит?

— Не знаю. Говорит — атаман.

Дарья Яковлевна решительно сдвинула с горячей плиты сковороду, вышла на крыльцо.

— Здоров, Дарка. Пусти нас у двор.

— Из делом?

— Власть завсегда из делом?

— Привезли из Полтавы Универсал¹ показать?

— Нам не нужен ниякой Универсал. Мы — Оржицкая революционная сотня Центральной Рады.

— На сотню коней не наберём. У нас двухлетки некованные и стригунки. Трёхлеток уже позабирала твоя Рада ещё месяц назад.

— Зови дядька Василя.

— Жди.

Василий чистил пустовавшие денники.

— Власть до нас, — сказала Дарья обеспокоенно, стоя в проёме конюшни. — Зосимок Тряпка... Сказался атаманом революционным. За конями ддя революционной сотни. Тебя требует.

Василий Никифорович оставил скребок, вышел к гостям.

— Здорово, казаки! — крикнул он весело, подходя к воротам. — Из яким делом?

— Нам два десятка коней нада, — сказал Бесштанько.

— Так мало? — ухмыльнулся Василий Никифорович. — Слава Богу, пан Винни-

¹ Универсал - декрет Центральной Рады независимой Украины.

ченко¹, наконец, приказал пахать и сеять. Весна ранняя. У меня полтавская газета лежит у дома. У ней Универсал про землю. Ты за ей? Бери. Хоть сичас отдам. Токо учитай — мой солончак быками не скovyрнёшь. А кони плуг и с места не сдвинут.

— Мы конхвискуем награбленное, — сказал Бесштанько.

— Шо-то я не вспомню, Зоська, шоб Никифор Корнеевич у твоём дворе шаловал. И я ни разу у твою хату не заглядывал. Може, Дарка или хто из моих детей снопы воровали у тебя? Так, помнится, твой батько покойный сам их молотить привозил. А если за землёй приехал — она купленная у державы.

— Мы за конями для дела Самостийной революции. Можем всех забрать.

— Всех — только польза мне, — уже неулыбчиво сказал Беспалый. — Нехай дети грызут заместо хлеба голую костомаху самостийности. А то они мне уже хребет до самой печёнки прогрызли. А Дарка кулеш добрый для Рады варить буить...

— А твои дети за яким хреном революции? Себе оставь.

— Погодь. Я чоботы от гноя помою. А то бось — владу говном запачкаю.

Вошёл в дом, позвал сыновей.

— Возле молотилки бричка. А под пустыми мешками пулемёт прикрытый. Вы его на сидушку закиньте. Ключом у двор. Як гостей проведу до левады, откroyте ворота, выкатите... Дарка, а ты у бричку до станка, но токо шоб тебя было видать. Понятно?

— Я этого пулемёта боюсь, — испуганно возразила Дарья Яковлевна. — А если стрельнёт, як тая двудулка в цыгана? Руки до сичас трясутся.

— Так за лентой у погреб лезть нада, — взволнованно подхватил Гриша. — Коробки под картошкой... Долго искать.

«Откуда ты про это знаешь?» — хотел спросить отец. Но промолчал. И сказал:

— Обойдёмся без ленты.

Ребята выскочили во двор через хозяйское крыльцо...

Василий Никифорович вышел к гостям. Отогнал рычащего Чёрта, отодвинул воротину.

— Коней тут оставьте. А то кругом сап² гуляит. А до коней нада, як до невесты... из уважением и любовью.

Лошадей привязали к воротам.

Когда подошли к деревянной выгородке, отделявшей двор от левады, Василий Никифорович, искоса поглядывая на сарай, где стояла молотилка, сказал Бесштаньке:

— Гляди. Тут все гуляют.

— Одна кобыла? — с пониманием, недовольно сказал Зосим. — А жеребец твой де?

— На жеребце революцтовать собрался? Он кобылу унюхаит, тебя обязательно скинит... И твоей владе конец.

— Не бойся, не скинит.

— А на кобыл хто лазить буит? Ты? Или разом всей революционной сотней?

— Не дашь коней, лошат заберём, — требовательно пригрозил Бесштанько. У меня разрешение на конхвискацию... Выменяем на мерининов.

— Мужики недавно у меня подковы коням меняли. Народ уже пашит, пан атаман...

— Революции нету дела до ваших подков! — нервно огрызнулся Тряпка.

— За мерина ноне тебя и всю твою Оржицкую Раду бабы из первого же двора на вилах вынесут. Или в моей конюшне будешь стоять заместо жеребца, а твои революционные сотняки на стригунках по повету бегать?

В это время отошли ворота сарая. На двор наполовину выкатилась задком бричка. Серо-зелёный щиток пулемёта венчала белая косынка на голове Дарьи Яковлевны.

Гости испуганно переглянулись.

¹ Винниченко В. - один из основателей Центральной Рады УНР. Писатель, драматург. Автор знаменитого романа-утопии «Солнечная машина».

² Сап (Malleus) - инфекционная болезнь однокопытных животных.

— Ото так и знай, Тряпка! — угрюмо сказал Беспалый, пригрозив указательным пальцем. — Прими у внимание... она — баба злючая. — Подозвал к себе Чёрта, и они пошли к воротам, где гости привязали коней.

* * *

Троицын день выдался хоть и не дождливым, наконец, но серым и неприветливым...

В воздухе, напитанном влагой, не слышались песни жаворонков, поля клонили зелёные стебли к земле, дороги, захлебнувшись водой недельного дождя, сверкали огромными лужами... И над всем висел призывный голос онишковской колокольни...

Готовились ехать в церковь.

Василий Никифорович ставил в бричку Шлёгера.

Дарья Яковлевна, в длинной тёмно-коричневой юбке и цветастой кофте, в яркосиней газовой косынке, одевала Машу. Гриша и Петя крутились у зеркала, разглядывая себя в новых картузах, купленных отцом после Пасхи.

Благостность сборов поездки в Онишки к обедне развалил откуда ни возьмись озлившийся Чёрт. Он вылетел из левады, где бегал с жеребятами, понёсся к воротам. Остановился у воротины, неистово скалясь на дорожную пустоту.

Беспалый подвёл коня к крыльцу. Решил идти переодеваться. Но Чёрт подбежал к ногам, рыча, снова кинулся к воротам, призывая за собой хозяина.

Зная повадки собаки, Василий Никифорович насторожился. Механически глянул на сарай, в котором хранился пулемёт, и пожалел, что не достал из-под гурта с картошкой коробки с лентами.

От поля ехала пароконная коляска с кожаным верхом в сопровождении пятерых конников.

На крыльцо вышли жена и дети.

— Это до тебя? — испуганно спросила Дарья, глядя на подъехавших.

— Не знаю, — ответил Василий Никифорович, пытаясь успокоить сердце, почувствовавшее неладное, признав в одном из конников Зосима Бештанько.

— Может, в погреб сбежать? — спросил Гриша, глядя на вдруг потемневшее лицо отца.

Гости остановились у ворот. Из коляски вышли двое: военный с белыми погонами, в армяке с галунами на груди, при шашке. И высокий молодой человек в чёрном костюме и светлом канотье, с потёртым кожаным портфелем в руке. Его лицо показалось Василию Никифоровичу знакомым.

— Нам нужен пан Беспалый, — сказал военный в армяке с галунами, заглядывая в лист бумаги и не реагируя на злобное рычание Чёрта. — Никифор сын Корнеев.

Василий Никифорович подошёл к воротам. Успокоил собаку, погладив по голове и холке.

— Из яким делом до него? — спросил он.

— Пан Никифор Беспалый должен «Германскому Инвестбанку» деньги за кредит, полученный в тысяча девятьсот седьмом году, — сказал человек в канотье.

— Помер Никифор Корнейч, — Василий Никифорович признал чиновника из Полтавского банка, который предлагал купить у фирмы «Ган» молотилку.

— Долг по кредиту составляет двадцать пять тысяч марок вместе с пени за просрочку, — сказал чиновник. Принялся расстёгивать портфель.

— То когда было? — спросил Беспалый.

— «В соответствии с Брест-Литовским мирным договором, — начал читать военный с галунами, — подписанным Правительством Центральной Рады, всё имущество, принадлежавшее Германской империи на территории Украинской республики, остаётся в полном ведении и под юрисдикцией Империи. И в соответствии с Указом гетмана Скоропадского...»

— Я же сказал — помер он, — перебил Василий Никифорович.

Чиновник вынул из портфеля листы бумаги, порылся в них и прочёл:

— «Настоящий договор устанавливает, что в случае смерти Никифора Беспалого сына Корнеева, движение кредита и все обязательства, связанные с обслужива-

нием кредита, переходят к Василию Беспалому сыну Никифорову или его наследникам».

— Кто у вас Василий Беспалый сын Никифоров? — спросил военный. — Есть такой?

— Из того времени три влады сгинуло! — ответил Василий Никифорович. — Перед Рождеством все законы московские в грязюке растоптали — коней реквизи- ровали. Перед Пасхой припёрлась другая влады — «Дай коней!..» Теперь — вы?! Даже сбились считать, хто кого на вилы поднял... Если ваша влады останется — через год приезжайте... Всем токо одно — «дай»! — он свернул кукиш и ткнул им в сторону гостей. — От вам! У святой праздник из такой гадостью, як гроши, нечего ездить до людей! А то сичас спущу собак... И пошлю хлопцев до села. Оно близко — гомон колокола слышите? Нихто и искать вас не станет опосля...

Воспринимая эмоциональность голоса хозяина, как приказ, Чёрт бросил пере- дние лапы на перехват воротины и злобно зарычал, выказывая жёлтые волчи клы- ки... Гости спорить не стали. Уехали. Но у семейства Беспалых желание отправлять- ся на службу пропало.

2

Иван ехал в Солёный Гай с волнениями, но без приключений.

В Киеве в вагоны садились с боем. Выручил чей-то призывный крик: «Доцепылы два вагона!» Народ с корзинами и мешками рванул в конец состава. На какое-то мгно- вение платформа опустела — дверь вагона зияла чёрной дырой, как беззубый рот.

Иван вскочил в тамбур, попробовал войти внутрь. Но весь проход был завален мешками, которые ещё не рассовали по углам. Обминая спины, переступая через мешки, прошёл в середину вагона, узрел свободный угол на полке и, не спрашивая позволения, уселся. Человек, освободивший на мгновение кусочек скамейки, попы- тался сесть на своё место, но упав на чьи-то колени, не стал ругаться. Опустился на мешки между лавок.

Часа два, до первых сумерек, ехали в духоте, махорочном дыму. Когда августов- ская жара сп?ла, вагон стал быстро остывать, народ — буреть. У пассажиров появи- лись штофики с самогоном, кто-то под первак достал огурец и хлеб. По вагону поле- тело: «Па-но-вэ, со-ли киньте!..»

Иван засунул за спину тряпичный портфель, прижался затылком к деревянной перегородке, закрыл глаза — попробовал прикорнуть, заставляя себя не замечать махорочного запаха.

Ему постучали по колену...

Мужик, у которого Иван «украл» место, держал перед его лицом коричневый штоф, заткнутый огрызком кукурузного початка.

Иван завертел головой, отказываясь...

Сквозь сон слышал, как на платформе ругались мужские голоса, требовавшие у других, таких же громких и грубых, воду и уголь. И чей-то голос доложил: «Пан підхо- рунжый, немає змоги перевірять вагони. Пройты нэ можна». Стало понятно — по- езд в Пирятине. И тут, как и в Киеве, — петлюровцы.

В Лубны приехали рано — солнце только-только высвечивало верхушки деревь- ев. Из вагонов вышло несколько человек. Сейчас же к ним подошли патрульные в николаевских мундирах.

Иван показал студенческий билет и метрическую грамоту. Штабс-капитан по- вертел их перед глазами, ощупал взглядом серую толстовку, глянул на портфель.

— Там чего, господин Беспалый?

— Учебники по механике корытного железа, — ответил Иван.

— На кого учишься?

— На инженера, ваше благородие. Мосты строить.

— А Тимошенко¹ кто такой? — спросил штабс-капитан, выказывая недоверие и понимание.

¹ Тимошенко С. - выдающийся учёный в области сопротивления материалов и строительной механики, академик АНУ.

— Наш профессор и академик у господина Вернадского.

— Куда?

— Домой. В Онишки.

— Это где?

— За Пятигорцами. Не доезжая Оржицы.

Патрульные ушли.

Ивана донимал голод. Он оглядел площадь за путями, надеясь найти кого-нибудь, торгующего харчами. Но пространство перед станцией за рельсами было заполнено десятком пароконных телег, из которых выпрягли лошадей. Да и вряд ли ему что-либо продали здесь за гетманские гривны.

«По дороге у кого спрошу», — решил он.

Перепрыгнул через рельсы и пошёл мимо знакомых осокоров, прикрывавших убитый песок от жгучего июльского солнца.

Ближе к полудню стала неистово донимать жара. Она падала сверху, нагонялась ветерком с ячменного поля, которое волновалось слева, и радостно улыбалась первыми цветками подсолнухов слева.

Когда встречался осокор или вяз, Иван садился в тени у ствола, стараясь унять голод и усталость.

Перед бродом через Слепород Иван за спиной услышал стук лошадиных копыт — догоняла двуколка, запряжённая гнедой кобылой. Рядышком бежал на тонких негнущихся ногах вороной жеребёнок.

Иван посторонился.

Вожжи держал полковник, остановив коня, он спросил:

— В Оржицу правильно еду?

— Вёрст двадцать пять.

— Мне в Солёный Гай. Далеко?

— До большака, а там в сторону Полтавы версты две.

— Покажешь?

Иван уселся рядом с полковником. И только когда показались печные трубы над тёмной стеной лещины, спросил:

— А вы, господин полковник, дальше за Гай?

— Я приехал, — ответил тот. — Дальше ты уж сам, любезный.

У ворот двуколку встретил Чёрт. Вместо рычания, он передними лапами встал на ступеньку и, мотая хвостом, принялся чёрным носом тянуться к ногам Ивана.

— Ах ты, мой красавец, — заулыбался Иван, спрыгнул на землю, взялся тереть собаке уши. Пёс в счастливой радости рубил хвостом горячий воздух, тянул голову, стараясь лизнуть Ивана в лицо.

На крыльцо высыпали домашние. Семилетняя Маша, радостная, бежала впереди, но на полпути остановилась, помчалась в сторону конюшни с криком:

— Батько! Иван, Иван!

Василий Никифорович оставил вилы, вытер руки, затянул шнурком рубаху на поясе. Увидев пред воротами военного, узнал подполковника-муравьёвца, когда-то оставившего во дворе Солёного Гая под охраной телеги с пулемётами.

«Коней нету, — подумал он, — а пушки не отдам...»

— Здравствуй, Василий... кажется, Никифорович.

— Яким ветром, ваше превосходительство? — Беспалый вышел за ворота.

— Где батюшка? — полковник протянул руку.

— Вон... там лежат, — Василий Никифорович указал на зелёную стену изгороди дальней левады. — Как вы ушли... зарубали калниболотцы. Он из мамы рядом... А вы, ваше превосходительство, за возами и пулемётами? Так нету. Война.

— На войне этого не ищут. На то она и армия. Мы в Лубнах стоим дивизией. Решил — пока командование думает, сбегая к хорошему человеку. Вот, не застал... Все под Богом, — полковник перекрестился.

— Под вами, ваше превосходительство, дивизия?

— Моё — штаб.

— Не бойтесь сами ездить? У нас тут гайдамачат крепко. Шалят бурл?ки. До меня за лошадьми прибегали.

- Значит, пулемёты пригодились? — уверенно заявил полковник.
- Ваше превосходительство, кобыле овса в торбу или в ясли? — вместо ответа спросил Беспалый, отодвигая воротину, чтобы завести коня с бричкой во двор.
- Если баня будет, то... в ясли.

* * *

Дарья Яковлевна поставила пред сыном и полковником по кружке кисляка и положила по куску хлеба...

— Сейчас Василь воду нагреит, — сказала она. — Нижнюю одёжку скиньте в бане. А я вам отцовскую покладу.

Василий Никифорович приказал младшим сыновьям наносить в баню воду. Сам развёл под камнями огонь. Пришёл на веранду и с порога приказал:

— Через часок вода будет. Вы, господин полковник, якие веники привыкли? У нас дубовыи.

— Да кто, пан Василий, дарованному коню в рот заглядывает? Я от самого Таган-рога по пыли. Хотя бы один дождь захудалый. Сильно надеялся попасть в Полтаву. А дали команду — в Лубны... Пришли — и вспомнил про ваш хутор. К вам, как к себе домой, потянуло.

— А кто у вас, господин полковник, у Полтаве?

— Жена. Врач в госпитале. Она со мной на войне все четыре года. Тоже в госпитале...

— У Полтаве наш брат у докторов, — сказал Василий Никифорович.

— Раненый?

— Упаси Бог! Фершалем в шпитале... Вы через час готовьтесь. А уже потом пообедаем. Як следует, — ушёл в баню.

Полковник безмолвно терпел экзекуцию дубовыми вениками.

— Повернитесь на спину, — попросил Иван. Хотел с отяжкой хлестнуть полковника по животу. Но рука застыла над головой — смутил длинный, ещё розоватый шрам, тянувшийся от правой грудной мышцы к пупку. Осторожно спросил: — Это чего у вас?

— Ты хлещи, не бойся. Дело давнее. Зажило.

— Война проклятая. Мама говорит, что за последних пятнадцать лет у неё было только пять счастливых. А от девятьсот четвёртого до сегодняшнего дня — всё война и война.

— У меня, Ваня, от войны осколки в ногах. А это — глупость молодецкая. С моим лучшим другом девушку не поделили.

— А стоило на человека с палашом кидаться?

— Любовь, Ваня, — штука неуправляемая и непознаваемая холодным умом, — серьёзно сказал полковник. — «Кармен» читал? Или «Собор парижской Богоматери»?

— Читал... Давно это с вами было?

— В девяносто пятом. В Павловском училище...

— И где теперь ваша пассия? Вы же могли погибнуть. А ей, думаю, всё равно.

— Не погиб, как видишь. Пошли с ней под венец, дорогой Ваня. И даже венчались в Успенском соборе в Полтаве... Я говорил — хотел попасть домой, в Полтаву, но не судьба. Я уже не был дома с конца семнадцатого... Всё с революцией сражались.

— А толку? — спросил Иван, хлестнув полковника.

— Что значит? — удивился полковник.

— Какую революцию не твори, на выходе — зло.

— И что же, сударь, прикажете делать? — не скрывая некоторой насмешливости, спросил полковник.

— Нужно мечтать только об одном — чтобы зла было поменьше... Вы воюете против красных, они — против вас. А посмотреть — воюете за зло.

— У вас есть иное социальное предложение? — спросил полковник, не скрывая хмылки как реакции на философское утверждение юноши.

— Я видел четыре власти. Вы — пятая. И все сшиты одной ниткой: для всех человек — дрова для топки. Вы воюете, чтобы вернуть вчерашний день. Вернуть свои имения и земли. Землю вашим прадедам дал князь, как говорится, с барского плеча... вместе с рабами. Теперь рабы хотят отстоять землю, подаренную властью. За это и воюете. А мой дед купил землю. Деньги заработал своим умом, горбом и руками. И красные её хотят отобрать. Я думаю, что у моего отца больше прав защищать землю, доставшуюся от деда, нежели у вас свои имения, и у мужиков, получивших землю от власти.

— Согласен... Мы творим зло против зла. А как ещё?

— Не думал. Но уверен в одном — чем меньше зла после революции, тем больше пользы для человека.

— Вам, Ваня, нужно было бы пойти в кадетский корпус. Вы бы сейчас, уверен, были бы в чине прапорщика или даже штабс-капитана. И очень скоро стали полковником. У вас есть всё для настоящего военного — рассудительность и чувство вины перед теми, кого посылаете в бой.

— Я не могу быть военным... — сказал Иван. — У меня очень низкий болевой порог души. Я не приемлю власти. А военный — оружие и щит её... И вы, и красные воюете с пустотой. Этого с первого взгляда не видно, но от такой войны запах невинной крови.

— Красные обещают сделать человека счастливым, — засмеялся полковник.

— Счастливым? — удивлённо спросил Иван, рассмеявшись. — Дело глупое и даже идиотское. Достоевский даже книгу про это написал. Алёша Карамазов тоже мечтал осчастливить человечество.

— Мечтал, но не знал как, — заметил полковник.

— Поэтому я предпочитаю проверять прочность мостовых ферм теоремой Кастильяно, а не Марксом и Каутским подлость денег. Законы прочности не меняются, как и таблица умножения. А устройство общества выстраивается под фараона, цезаря, короля, князя, императора. И лишь законы Североамериканских Штатов напоминают таблицу Менделеева. В их законах заложено главное — свобода человека от государства. Их связывает только обязательная уплата налогов.

— А каким боком здесь таблица Менделеева? — спросил полковник.

— Мы ещё не изучили природу до такой степени, чтобы заполнить пустующие окна в таблице. А Дмитрий Иванович был уверен, что всё открытое в будущем обязательно встанет на своё место, в соответствии с природными свойствами и в последовательности ат?мных весов. И оставил в таблице для ненайденных пока элементов пустые места...

— Химия — наука естественная, а мы живём в обществе разномыслия.

— Разномыслие — главный козырь процветания. Уверен... вы и красные — рабовладельческие системы, как Урарту, Римская империя, правление Екатерины Великой... Неважно, кто из вас победит. Но победитель будет всегда видеть в этих Штатах своего врага именно из-за дозволенности разномыслия. Будет ходить к ним на поклон: покупать паровозы, автомобили, телеграф и телефон... И ненавидеть их, как русский мужик барина, за то, что барин не живёт в хлеву, как он.

— Вам бы, Ваня, к господину Плеханову пойти учиться. Жена пишет, что моя дочь с его книгой не расстается.

— Для меня теории прочности понятнее, чем обманные обещания счастья солдату, девушке, женщине, старику или старухе. Им всем требуется отдельное, индивидуальное счастье. Своё! И никакая революция человеческого счастья не создаст. Вы счастливы, что приехали в дом к моему дедушке. Память о нём живёт в вашей душе. А я счастлив, что приехал в дом к отцу и матери... Дом один, а счастье разное.

— Да, — многозначительно сказал полковник, явно давая понять, что не намерен более философствовать. — Всё как по пословице — кому поп, кому попадья...

— А кому попова дочка...

* * *

Солнце садилось кроваво...

Долго висело над землёй тёмно-красным пятном, заставляя облака обминать себя,

чтобы не обжечься. Только ветер бесстрашно обдувал огненный шар и нёс с собой не вечернюю жару. Свет, проникавший сквозь открытые окна веранды, завесил стены и накрыл стол жёлто-розовым полотном...

Полковник, распаренный, сидел в Василёвых споднях и рубахе, босиком.

Дарья Яковлевна поставила на стол картошку, заправленную жареным луком и салом. В других мисках лежали малосольные огурцы и мелко нарезанная свежая капуста, заправленная сметаной.

Василий Никифорович выставил бутылку «белоголовой».

— Давайте помянем Никифора Корнеевича, — сказал полковник. Налил Василию Никифоровичу и себе полные рюмки. — Не знаю, как у вас, а я дамам водку... пить не рекомендую. А вы, Ваня, будете?

— Помянуть деда Никифора — дело святое. Тем более... хоронили без меня. Его нет, а мне кажется, что он сейчас войдёт. Только-только выбежал, чтобы в конюшню чего-то поправить.

— Да и водка эта с поминок осталась, — сказала Дарья Яковлевна. — Бутный был человек на здоровое дело и на руки чистопробный.

— Мне, перед тем как уезжал от вас, сказал: «Не сильно гони на эту войну. Глупая и подлая она... — полковник выпил, снова налил, выпил. И, налив, поднял рюмку. — Как в воду глядел. Он тогда уже знал про неё — зло!

А ветер от закатившегося солнца принёс тревогу. Собаки подняли гвалт. Выскоńczyли во двор все четверо и принялись неистово облаивать дорожную пустоту перед воротами.

Василий Никифорович вышел на крыльцо, чтобы унять. Собаки умолкли послушно. Но, как только хозяин скрылся в доме, принялись лаять пуще.

— Може, это за вами, пан полковник? — предположила Дарья Яковлевна. — Сильно далеко чуют чужих коней. А када ветер из Онишек, дают знать — Василь везёт из школы Гришу. А мне весточка — харчи на стол.

— А сейчас что кличут? — спросил полковник, прислушиваясь и кося глаза в сторону окна.

— Я вам, пан полковник, взвару принесу, — сказала Дарья Яковлевна, заметив тревогу во взгляде гостя. — Водку запивать самое то. А вы с Иваном поговорите.

Вышла из комнаты и, перехватив мужа, шепнула строго:

— Собаки бесятся. Даже волков не с такой мерзостью чуют. Запряги Шлёгера у свой пулемёт.

Василий Никифорович окликнул Гришу и Петю, и они ушли на хозяйское крыльцо:

— Достаньте из погреба две коробки. До молотилки принесите быстренько.

Сквозь неистовый лай можно было разобрать далёкий, непрерывный стук конских копыт.

Перед воротами остановился кавалерийский взвод. Впереди на гнедом мерине сидел офицер.

— Эй, хозяйива! — крикнул он.

Но ему ответили злобным лаем собаки.

Всадник выхватил «наган» и выстрелил в воздух. Напуганные собаки поджали хвосты, но отступать не захотели.

На крыльцо вышла Дарья Яковлевна.

— Вам кого?

— Открывай, тётка!

— Чего надо?

— Жратвы и овса коням!

— А вы откуда, добродей?

— Забери собак!

— Зараз я позову хозяина. Я без него не имею права чужих у двор пускать. Да и собаки меня не слушают...

— Давай скоро! А то спалим к чертям весь этот хутор!

Дарья Яковлевна, стоя в двери, тяжело дыша, сказала:

— Это за вами, пан полковник.

— Дайте какую-то обувь, — попросил полковник. Но, махнув рукой, босой пошёл во двор.

Казачи спешили. Громко переговаривались, перемежая матерщину пьяным смехом.

Увидев вышедшего на крыльцо босоногого мужика в нижнем белье, офицер крикнул раздражённо:

— Открывай, дядя!

— А вы кто такие? — спросил полковник.

— Мы — кто?! — крикнул офицер, обернувшись лицом к казакам. — Защитники отчества, дядя. За Бога православного. Ты знаешь такого?

— И всё-таки — кто вы? — строго спросил полковник, спускаясь с крыльца.

Офицер выдернул из кобуры «наган» и крикнул:

— Жрать давай! — выстрелил в воздух.

— Сейчас, — полковник ушёл в дом.

Через несколько минут он вернулся, одетый во френч, засупоненный в португезу, в сапогах и фуражке. Не торопясь подошёл к воротам и, окружённый рычащими собаками, попросил:

— Представьтесь, господин зауряд-прапорщик.

Ещё не понимая — откуда в хуторском дворе взялся живой полковник, в порыве неверия, прапорщик крикнул:

— А ты кто такой, полковник ряженный?! — вскинул «наган».

...Выстрел прозвучал неожиданно. Собаки залаяли злобно. Казаки, не ожидавшие такого поворота, вскочили в седла, глядя, как валится набок прапорщик. Кто-то даже выдернули шашки.

— Я — полковник Энгельгардт. Начальник штаба Второй Добровольческой дивизии.

За спиной полковника раздался стук копыт. Во дворе перед воротами развернулась бричка — на казаков наставился клюв «Максима».

Появление пулемёта изжевало воинственность казаков. Кто-то, сообразив, что произошло, развернули коней...

Умолкли даже собаки, унюхав в бричке хозяина.

— Кто старший в чинах? — спросил грозно Энгельгардт. — Немедленно ко мне!

Подбежал казак. На его пьяное дыхание отреагировал Чёрт — бросился к воротине с рычанием.

— Младший вахмистр Кашинцев, — тянул пальцы к козырьку. — Первый эскадрон Второго Новороссийского драгунского полка. Конная разведка.

— Кто командир эскадрона? — спросил Энгельгардт.

— Штаб-ротмистр, князь Горишвили, ваше превосходительство Павел Аверьянович.

— Заберите вашего дурака. По возвращении в расположение полка доложить командиру эскадрона и полковнику Осяябину. И всё изложить в рапорте... Подробно... Проверю лично...

Проводив взглядом взвод, полковник вернулся в дом. Положил револьвер рядом со своей тарелкой, взял рюмку, налил водку и выпил.

— Простите меня, господа, за такую nepотpeбнoсть в вашем доме, — сказал он, глядя в пустую рюмку.

— А вашу дочь как зовут? — спросил Иван.

— Анастасия, — полковник тяжело опустился на стул.

3

До Солёного Гая долетали отголоски войны. Иван Гаврилович Касьяненко-Гандзя? со свойственным ему упорством, не обращая внимания на мороз, снег, дождь или жару, ездил раз в неделю в Оржицу за газетой — благо, всякая «новая» власть тыкала свои листки в руки каждому безденежному мужику или бабе чуть ли не силой, хотя под смачно-крикливым названием печаталось скромное напоминание: «Цена номера 20 коп. На вокзале — 18».

Дома Иван несколько раз перечитывал газету. Если, на свой холопский разум, находил что-то важное, отправлялся в Солёный Гай, обязательно прихватив несколько кусочков ржавого сала для привады собак.

Появлялся после обеда...

Долго сидели с Василием Никифоровичем за большим семейным столом и обсуждали гуляющую кругом войну. Перебирали имена онишковских мужиков, кто не вернулся после Брестского мира, считая их сгинувшими. И каждый раз число таковых росло.

Газеты — каждая про своё...

На листках Универсалы Центральной рады с весомыми именами Грушевского и Винниченко сменил Скоропадский с приятным уху, понятным потомкам казацкого племени, званием — гетман. Взорвало мужиков только имя генерала Эйхгорна с его неприкрытой жаждой «халявного» хлеба — принудительно-обязательного засева рожью и пшеницей всех оккупированных земель. А гетмана со страниц выгнал Петлюра. Костяную Евгению Бош сменили генералы Май-Маевский, Марков и Каппель. Между именами Ленин и Троцкий втискивался Махно и грозный командующий Добровольческой армией Деникин. Но он был где-то далеко за Донбасом, за Воронежем, а может, уже в самой Москве. На слуху и на страницах замелькал барон Врангель, которого сменил вельмишановный пан Пилсудский с полковником Сикорским.

И газеты от каждой новой власти поносили грязно-кровавой ненавистью выгнанную только что, гордо и жирно печатая на первых страницах имена и фамилии расстрелянных врагов, при этом скромно журуя предшественников за еврейские погромы.

В последней, привезённой Иваном Гавриловичем, газете с подкупающим и обнадеживающим названием «Вооружённый народ» на первой странице в правом верхнем углу красовался большой портрет человека в кепке, пенсне, с длинным журавлиным носом. Вглядываясь в это лицо, складывалось впечатление, что на фотографии слепой человек. И под ней большие буквы сообщали, что это самый славный красный командир Антонов-Овсеенко, который командовал захватом главного императорского дома в Петербурге и арестовал «ненавистное» Временное правительство. И для придания большей весомости победам Красной армии под началом этого Овсеенки, редактор-недоучка вляпал комиссарско-революционные слова-характеристики главного достоинства командарма: «Непобедимый кавалерийский лом».

После второго прихода Красных и ухода Добровольческой армии газет стало поменьше. Гандзя ездил теперь в Оржицу два раза в месяц. Обязательно являлся во вновь открывшуюся почту. Ему давали экземпляр «Правды» или «Крестьянской бедноты» при условии, что он отвезёт в Онишки и разнесёт по дворам письма.

Обсудив прочитанное, кумовья делали вывод, что для мужика в них ничего интересного нет. Влада про себя не писала, точно её вовсе не было. Все строки заполнялись словами о войне в Сибири... и вот-вот мировом пожаре. Пугало только назойливое впихивание в глаза читающего мужика слова «антанта».

И как-то вдруг, после очередного «читания», Василий Никифорович отложил «Правду» в сторону и сказал:

— Боюсь, Иван Гаврилович, шо красная влада — точно мой Чёрт.

— Это як? — не понял Гандзя.

— Не гавкайт, а зубы всегда наготове. И никто вокруг не догадается, шо як она молчит, то у ей одно на собачьем уме — волчки подлючии желания... отхватить... И обязательно тихо.

* * *

По вековой традиции готовились к озимой посевной. Под ещё жаркие лучи сентябрьского солнца выставили мешки прошлогоднего жита для прогрева. На поля повезли навоз и плуги.

И никому не было дела до новой власти, так же как и к тем, какие были до неё.

В Солёном Гае Гриша и Петя гоняли кузнечные мехи с самого утра до позднего вечера: мужики меняли лемехи на плугах и вставляли потерянные зубья в бороны. Приехали трое из Оржицы менять подковы...

Управились в три дня. Василий Никифорович с ребятами вымылись в бане, сменили одежду, поели торопливо и улеглись спать, когда ещё не ушло солнце, облившее красным закатным огнём горизонт.

Сентябрьская ночь быстро заволокла двор, левады и всё пространство вокруг Солёного Гая. Первые звёзды лениво и тускло дырявили тёмное небо.

Сквозь раскрытые окна со двора стала долетать скулящая счастливая возня собак. Они толкались, борясь за право кого-то лизнуть первой.

В дверь постучали настойчиво, нервно.

— Там чего? — спросила Дарья.

— Кто-то из своих, — уверенно заявил Василий. Спустил ноги на пол, принялся искать бахилы наощупь.

На крыльце стояла тень. Свет уходящей луны высвечивал двор, но угадать гостя не было возможности.

— Здорова, Василь!

— Елизарка! Господи! А я думаю — кого это чертенята признали и обхаживают? Ты откуда?

— Пустишь?

— А как брата не пустить?

Василий Никифорович зажёт трёхлинейку в столовой. Садясь к столу, обеспокоенно сказал:

— У тебя, Елизар Корнеевич, такой вид, точно ты...

— Поганое дело, Василь, — перебил Елизар взволнованно. — Из Харькова приехал человек...

— А почему не из Киева?

— Потому шо красные назначили у Харьков новую столицу для Украины. Была столица у Петрограде, а теперь — в Москве. И у нас делают то самое.

— За дурной головой и ногам робота, — заметил Василий. — От Харькова до Москвы ближей?.. А ты чего привёз, шо такой дёрганный?

— Человек этот — уполномоченный от Чубаря¹. Приехал неделю назад... И сразу до нас в шпиталь попал из болячкой. Эльза Генриховна... наш доктор... называет иё «шигелле».

— Это чего?

— Дристуха... И лежать ему ещё месяц. А он за зерном присланный.

— Мешками будет покупать или пудами?

— Якой покупать?! Забирать! По всей губернии!

— Вы там, у Полтаве, рехнулись?! Немец забирал — то понятно. Он — ирод. А марки платил. Хоть якие малые, а деньги. А комуняки?!

— А эти по дворам собираются ходить и просто забирать... Не дадут ни гривен, ни рублей.

— За шо так?

— Этот... наш дристун... говорит — зерно для мировой революции. До него в палату приезжали «кажаны»² из всех полтавских волостей. Харьковский с кажным волостным «кажаном» на кажное село назначали ответственного. Уполномоченный требовал — нада план по мешкам выполнить в два раза... Я своими ушами слышал — пообещал нашему губернскому «кажану» Исаю Гармыдеру переназначить на должность у Харьков... за перевыполнение.

— На нас кого поставили? — спросил Василий.

— На Лубны — не запомнил. На Оржицу — якого-то Бесштаньку.

— А на нас? — переспросил Василий.

Елизар опустил глаза и выдал из себя, тяжело дыша:

— На нашу царину... брата нашего.

— Якого брата?

— Ярему.

¹ Чубарь В. - председатель Президиума ВСНХ Украины. С марта 1921г. кандидат в члены, с августа 1921 член ЦК РКП(б).

² Кажан - летучая мышь (укр.). Здесь - сотрудники ЧК. Одевались во французские лёгкие куртки, штаны и бушлаты, реквизируемые в 1917г. со складов военного ведомства РИ.

— А он откуда взялся? — нервно спросил Василий. — У нас балаболели — помер. Нинка поминки гульные закатила.

— Приехал из Харькова вместе с уполномоченным. Я его сам не видал... Менял простыню под уполномоченным, а они из «кажаном» списки писали — кого на какое село поставить. И харьковский приказал: «Ты, товарищ Исая Рувимович, на Онишки Беспалого Ярему Никифоровича определи. Он тамошний. И знает, где зерно могут спрятать. И особенно чтобы не забыли Солёный Гай».

— Наш Гай самой Москве поперёк? — грустно спросил Василий.

— Гай — потому, шо у нас молотилка... и каждый десятый сноп. Они загодя посчитали, шо ты... Мы должны ихней революции сорок с гаком мешков.

— А как — ище сорок! — буркнул Василий.

— И тишком признался Исаю про большой секрет — хлеб, шо у нас заберут, будут на винтовки и пулемёты менять у австрияков и французов... И отвезут у Турцию.

— А голомозым зачем?

— Там какой-то генерал Январь-паша¹ революцию готовит. Он из самим Ленином у Москве балаболели про винтовки.

— И чего ещё говорили? — спросил Василий подозрительно.

— Про коней. У кого больше двух — будут забирать... Я как про Ярему услышал, сразу до Эльзы Генриховны... это наш доктор... побежал, щоб она про меня не говорила уполномоченному, шо я — Беспалый и Корнеевич. Выпросил у ней коня шпитального и сразу до вас.

Елизар поднялся.

— Нада ехать... Дознаюсь, когда разбойничать начнут, у Эльзы Генриховны спрошусь. И с зерном шо-то придумаем. А от с конями, не знаю, чего делать. Их не спрячешь.

— Так у меня Шлёгер, одна кобыла. И мерин.

— Мерина сведи в Онишки к кому-то. Когда придут записывать, я на Шлёгера запрыгну и куда-сь в сторону Полтавы подамся. Я тут все буераки знаю. Год искать — не найдут...

— Може, поешь? — спросил Василий.

— Некогда. Обещал Эльзе Генриховне вернуться к утру.

Василий, проводив брата, уселся к столу. Вместе с Елизаром куда-то исчезла способность переосмыслить всё услышанное, словно помчалась догонять.

В ночной сорочке вышла Дарья Яковлевна.

— Кто приезжал?

— Елизар.

— Если среди ночи — должно, беда. По пустякам не бегают из такой дали...

— Оно самое. Про бандитство новой власти говорил, — недовольно объяснил Василий. — Из Харькова наказ — зерно отбирать и коней... — принялся наматывать портянку, — у кого больше двух.

Глядя на решительную суетность мужа, Дарья спросила:

— А ты куда? Гайдачить собрался посередь ночи?

— Отгону Ивану Гандзе коня, — Василий взялся мотать вторую портянку.

— А утром нельзя?

— Нельзя. Вместе с новой владой Ярема вернулся. Его на Онишки назначают атаманишь.

— Они во владе дурни? — спросила Дарья.

— Совсем даже нет. Знают, кого над дворами ставить. Наш Ярема самый-самый для атаманства. С утра без обеда може меж людей бегать с указаниями. Он ещё до войны хотел в царине голованить, як токо Гаврила Гандзя помер.

— Завтра уже приедут забирать?

— Елизар обещал предупредить.

— Ты утром мешок овса кинь в бричку и гайни до Гандзей. Погляди, куда коня поставить. А уже после отгонишь. Среди ночи бегти — токо людей напугаешь...

¹ Энвэр-паша - лидер националистической партии Младотурков, один из организаторов геноцида армян.

* * *

Через два дня ближе к вечеру чужая бричка привезла Елизара. Он спрыгнул — и она умчалась...

Встреченный Чёртом, сразу пошёл в конюшню. Увидев Василия Никифоровича, который чистил Шлёгера, нервно сказал:

— Хлопцы дома?

— Были.

— Дело — смрад.

— Чего сталося?

— Вместо нашего «дристуна» из Харькова прислали другого за хлебом. Утром приехал и сразу нобубонил телеграммы в каждый повет: «Назавтра подводы готовить». И нашему «дристу» мандат показал, шо тот уже не уполномоченный... Завтра-послезавтра в Онишки за хлебом приедут... А потом и до нас...

— Нада мужикам сказать! — взволнованно заявил Василий Никифорович. — Это же посевное зерно!

Елизар долго молчал, шаря глазами по земле. А потом сказал:

— Пока будем в село бегать, половина ночи пройдёт. А бабы всё равно не поверят. Уйдёшь бабскими языками обосранный, — и потребовал: — Давай будем яму копать. До утра нада хлеб спрятать. Ищи лопаты и мешки пустые.

— Мешки зачем? — подавленно спросил Василий.

— Яму обкладём, шоб следов не оставить.

— Это як?

— Комай — не комай... всё одно видать, шо рыли. В таборе барон всегда свои деньги и цапки так прятал — никто не мог и подумать.

— Откуда знаешь?

— Случайно увидал... и догадался. И про это маме рассказал... И убили её, шо знала.

Елизар ушел в сарай, где стояли молотилка и бричка. Увидев пулемёт, спросил:

— Это откуда?

— От Никифора Корнеича.

— Есть чем стрелять?

— Полно.

— Неси. В одну яму зароем... И найди лестничку. Без неё края обвалим. И поставь две телеги. Нехай хлопцы землю по очереди кудась в большую леваду возят... на отдельную кучу. Накроем навозом.

— День кончается.

— За ночь нада успеть. Если хто из Онишек приедет вдруг коня ковать, догадается, чего делаем... до Яремы в царину побегит, а он кого-нибудь в Оржицу обязательно пошлёт доложить. Я на эту власть уже нагляделся. Ни плюнь, ни свистни без иё разрешения. Она нас боится, шо крыса, загнанная в угол... Значит — добра не жди.

В первых сумерках взялись за дело.

Елизар вышел за ворота с кузнечным молотком и четырьмя колышками. Отсчитал десять шагов, разметил квадрат в две с половиной сажени прямо на дороге. Очертил лопатой границу и уложил вдоль неё мешки.

— Ты это де такое видал? — удивлённо спросил Василий.

— Я при лазарете воевал. Забыл? Каждый день по пять могил рыл.

Снял верхний слой на два штыка. Присыпал мешки.

— А теперь, гони телегу. Мы роём, а хлопцы отвозят.

Сентябрьская лунная ночь выдалась почти безоблачной.

В ярком свете полной луны рыли молча, торопясь... Елизар наполнял вёдра, Василий поднимал и высыпал в телегу. Гриша и Петя отвозили одну, пока насыпали землю на вторую.

На дно ямы уложили сухие ветки лещины. Опустили оба пулемёта, перемотав старыми ватниками, и коробки с лентами, десяток «мосинок» и ящики с патронами. Накрыли тремя шинелями и остатками траченных молью кожухов. Сверху — шесть рядов мешков с зерном.

Елизар попросил оставить пять мешков в сторону.
— Зачем? — спросил Василий Никифорович.
— Отдашь, когда приедут реквизируют. Иначе, весь Солёный Гай перероют, шо те боровы. У тебя — молотилка, а зерна нету. Такого не может быть.
— Спросят — где?
— Продав в Сорочинцах. А пять на зиму оставил.
— А як с овсом?
— У них указание — токо хлеб. Новый харьковский уполномоченный сказал, шо Европе нужен токо хлеб.
— Видать, из немцем уже договорились, — заметила Дарья Яковлевна. — Те, ироды, брали тоже токо хлеб.
Когда закончили, накормили ребят и отправили спать. Сами сидели за столом до первого солнца. Вышли на улицу поглядеть на место схрона.
— Навозу лошадиного накидай, — попросил Елизар. — Влада боится в говно вступать. Будут обходить...
Ушёл в конюшню, заседлал Шлёгера. Затянул подпругу и, засунув носок сапога в стремя, попросил:
— Как «кажаны» придут, через неделю прибегу выкапывать. Долго хлеб и особенно пулемёты под землёй держать не дозволяется. Дожди зальют — всё выкинем... Поищи место, где сухой схрон сделать.
И ускакал в сторону Полтавы.

* * *

Утром третьего дня Дарья Яковлевна послала Гришу в Онишки к своей сестре, тётке Вальке, за хлебной закваской. Он вернулся запыхавшийся, взволнованный и с пустыми руками.
— Мамо, в Онишках красные хлеб забирают. По дворам ходят, мешки, якие на посев, на возы грузят. Наш Дядько Ярема из яким-то в кожанке по дворам ходят, кругом шкворнем землю щупают. Тётка Валька наказала сказать.
— Позови батька. Выкидайте на дорогу конский навоз, де яму рыли.
Под далёкий обеденный звон онишковской колокольни, который, казалось, отгонял дневную сентябрьскую жару, к воротам подъехали бричка, две порожних подводы по паре лошадей в дышле и шесть конников. Двое из них — красноармейцы с винтовками.
Из брички выпрыгнул щупленький, невысокого роста человечек, весь в кожаном. Он хозяином вошёл во двор, но напуганный четвёркой рычащих лающих собак, остановился.
— Убегите! — приказал пустому двору.
На шум вышел Василий Никифорович.
— А ну тихо! — крикнул, унимая псов. И радостно воскликнул с крыльца: — Не може такого быть! Не иначе, ты, Исай?! — позвал Гришу. Велел отвести псов на конюшню. — В Сорочинцах встретил — не признал бы. Сколько годков ты у нас не был?
— Много, — отмахнулся Исай, глядя на испачканные навозом сапоги. — Вы бы говно с догоги прибгали, товагищ Беспальй! — и недовольно потребовал: — Откы-вайте вог?та!
Вынул лист бумаги. Начал читать:
— «Постановлением Совета нагодных комиссагов в Полтавской губегнии геквизигуется хлеб. На Солёный Гай, как на бугжуйское гнездо, наложена геволуционная контгibuция — согок мешков».
— Говорили, шо у нас в губернии реквизиатор — якой-то Гармыдер. А это ты. Я тебя помню як Волчика. Давно ты выкрестился?
Исай промолчал и с равнодушием сказал:
— Хлеб показывай.
— А зачем тебе мой хлеб?
— Шобы газдать голодному нагоду! Так понятно?
— У меня пять мешков. Три могу отдать.

— Молотилка месяц гудела, а хлеба нету.
 — В Сорочинцах усё продал. Завтра собрался в Ростовскую губернию купить молодую кобылу. Говорят, там уже нету войны. Так ты приехал... А Бога нада слушать.

— Якого Бога?

— А влада — она усегда от Бога.

Исай пошёл к бричке. Долго переговаривался с тем, кто сидел в ней. На землю спрыгнул человек в непривычном глазу светло-коричневом френче с большими накладными карманами на груди, коричневых бриджах, заправленных в высокие голенища сапог чёрного цвета, и военном офицерском картузе с плоским маленьким козырьком, прилипшим ко лбу. Спешились и конники.

— Василь, зайди скоро! — раздался громкий оклик Дарьи Яковлевны из дома.

— Ты, мать, погляди! — Беспалый вошёл в кухню. — Наш Исай-колодязник...

— Это ты глянь, хто до нас припёрся! — перебила жена, кивая в сторону окна. — Ярема.

— От гнида! — крикнул Василий Никифорович, признав в человеке во френче родного брата. Подбежал к дверному косяку кухни, стал нервно отдиравать наличник.

— Ты, Василь, из-за лишнего мешка умом тронулся? — спросила Дарья Яковлевна, отнимая руку мужа от косяка, внутри которого хранилась двустволка. — На владу с винтовкой? Ей этого только и нада... Нехай эти гниды повывыдыхают... — и добавила, как напутствовала в дорогу: — Потихе про деньги и подальше от влады...

Позвала Гришу и шепнула:

— Пока дядько Ярема тут, гайни в Онишки и гукни там деду Баглаю и моим, шо Беспалый хлеб раздаёт, якої намолотился. Нехай берут мешки и бегут сюда, — повернула лицо к мужу. — А ты, батько, иди закрой собак, сиди в конюшне и не выходи. Не воуй! Надушешь себя злостью — горя не оберёмся. Не дразни гусей. Хватит воевать. Я войной наеденная по уши. Сама из этим революционным швагером и жидёнком буду говорить, — пошла на крыльцо.

Два красноармейца с винтовками охраняли ворота сарая, двое в шинелях переносили зерно в телегу. Дарья Яковлевна пересчитала мешки. Подозвала Исай.

— А зачем ты гайдамачишь у чужом дворе?

— Это шо за разговоры? — недовольно спросил Гармыдер. — Всё, шо геволюция бегёт, — вы нагабили.. У меня, у селян из Онишков.

— Так, може, ты вернёшь тот золотой червонец, якої тебе выдал Никифор Корнеич за колодец. Он тоже награбленный, выходит. Верни дедов золотой. Я его на революционную паперть отнесу.

Исай долго молчал, не находя слов. И с равнодушием сказал:

— У меня мандат.

— А в нём написано, чем кормить детей, як ты посевное зерно забираешь? Помнитса, шо мой свёкор тебе разрешал за нашим столом в картузе сидеть. Или ты, когда ешь, уже сумаешь шапку?

— Геволюции нету дела до гелигиозных глупств, — ответил Исай.

— А до золотых червонцев у ей есть дело?

Исай недовольно посмотрел на хозяйку.

— Де золотой, якої Никифор Корнеич тебе дал? — спросила Дарья Яковлевна, ухмыляясь. — Волчику отдал или на шее заместо могодовида носишь? Чужое и краденое — сильно тяжёлое. Гляди, не переломись.

Подошёл Ярема со стальным шкворнем в руке.

— Може, поздороваешься, — заметила Дарья швагеру, — перед тем, як снова батьковскую молотилку палить? Так я соломы поднесу и гасу¹ подолью?

— Пошли, товарищ Исай, щупать землю, — отрезал Ярема, не обращая внимания на слова невестки.

— А Нинка знает, шо ты вернулся? — спросила Дарья Яковлевна. — Или от самой войны по революциям шахраишься? Мы на поминках за твой упокой весело гуляли.

¹ Гас - керосин (укр.).

— За упокой гуляли, а за живого поплачете, — огрызнулся швагер.

Они с Исаем обкололи всю землю вокруг дома, спустились в подполье. Поковырялись в гурте картошки, съели вдвоём один квашеный огурец. Ярема сорвал доску с настила, на котором стояла бочка с огурцами, попробовал ковырнуть землю. Но оставил затею. Вышли во двор. Ярема пошёл в малую леваду. Упорно шкворил землю. Но солончак не сильно поддавался.

Пришли в конюшню. Встали в проёме ворот — вглубь по доскам, засыпанным навозом, идти не решились.

— Пойди, тыкни! — приказал Исай.

— Даже если найдём — не примут, — отказался Ярема.

— Почему?

— Хто хлеб, якої сцаками конскими воняить, будеть принимать? — раздражённо сказал он. — Привезём... а в Губкомэ скажут: «Специально по дороге обгадили, шоб советскую власть обклеветать!»

— Пгидумал глупости.

— А якої мужик хлеб в хлеву прятать станет. У мужика к хлебу уважение, — наклонился к уху Исаю: — Ты спреси про буланого жеребца. Моя Нинка говорила — он на нём ищё на той неделе ездил. Бричка в сарае, а в конюшне одна кобыла молодая.

— А где вашый буланный жегебец, товагищ Беспалый? — крикнул Исай.

— Кобыл по волости набрали добре? — громко ответил Василий Никифорович, выбрасывая из денника на доски прохода навоз. Революционный табун будете завозить?

— Ви, товагищ Беспалый, ищё пулемёт обязан видать советской власти, — раздражённо сказал Гармыдер.

— Это якої пулемёт?

— Котогый полковник Энгельгадт вам оставил. И ты утгожал товагищу Бесштаньке в позатом годе. Думаешь... мы не знаем?

— Так сам Энгельгардт его и забрал, когда на Москву с Деникиным шли. Оставил, а потом забрал.

— Ты поговори! — оборвал Ярема.

К воротам Солёного Гая подъехал из Онишек племянник Бесштаньки. Увидев во дворе на телеге мешки, поставил свою рядом, грядка к грядке. Следом прикатили ещё телеги: два внука Николая Назаренка и дед Баглай, двоюродный брат покойницы Христины Харитоновны, с девятилетним правнуком Никитой.

Выстроилась очередь...

— Это чего? — растерянно спросил Исай.

— Не знаю, — испуганно ответил Ярема.

— Ви до кого, товагищи? — громко спросил Гармыдер.

— Де тут зерно раздают? — крикну дед Баглай. — Сказали на царине, шо влада народный хлеб, якої буржуи забрали, возвертает. Она грабит награбленное и отдаёт. Ты, товарищ комиссар, у меня пять мешков жита третьего дня сграбил... Вот я за ими вернулся, як сельский пролетарьянец... Правильно я говорю, а?

— Советская власть никого не гтабит! — крикнул Исай. — Хлеб для миговой гевопоции.

— Мирвая революция будеть жрать, а мы на её глядеть и с голоду пухнуть? — весело сказал Никита.

— А ну замолкни, поганец! — крикнул дед Баглай на правнука.

— Поехали, — Исай и Ярема запрыгнули в бричку.

Красноармейцы увезли мешки с зерном.

Следом потянулись онишковцы на телегах.

***

Елизар, как обещал, прискакал через неделю.

Дождались темноты. Принялись раскапывать хлебный схрон. Мешки с зерном перенесли в сарай. Оружие — в конюшню, накрыли старым хламом из ямы. Завалили сеном. Закидали яму. Долго трамбовали.

Накормили ребят, отправили спать.

Василий Никифорович, ставя на стол бутылку «белоголовой» водки, сказал с благодарностью Елизару:

— Без тебя, братец, всё пошло бы прахом.

Дарья Яковлевна положила в тарелки перед каждым картошку, круто заправленную жареным луком, по квашеному огурцу и куску рождественского сала.

Мужики выпили.

— Я думаю... куда хлеб прятать будем? — сказал Елизар. — Сорок два мешка. А зима на носу.

— А я знаю, — уверенно сказал Василий Никифорович, наливая водку в рюмки.

— Завтра я весь хлеб мужикам отдам.

Елизар посмотрел на него с удивлением.

— Прятать его мне негде, — объяснил Василий Никифорович. — А они засеют по весне. У августе всё одно до меня приедут молотить. Десятый сноп — наш. Да ищё вернут, шо я завтра отдам. Не посеют — с голоду по миру пойдут. Красных петухов напустят. А молотилка простоит без дела ую осень.

— Дело, — согласился Елизар.

* * *

После полудня пришёл Иван Гандзя. Мягкий, небритый, в грязных сапогах с остатками засохшего навоза даже на голенищах. Отмахнулся от Чёрта. На крыльце громко постучал в дверь.

Вышла Дарья Яковлевна.

— Тебя кто жевал? — спросила она опасливо.

— Василь де? — буркнул Иван.

— В сарае с утра.

Беспалый ворочал клумки с зерном.

— Всё замели, гниды, — сказал Гандзя, встав в проёме ворот. Принялся крутить сигарку. Но поймав недовольный взгляд Беспалого, сунул в карман кисет и газету, сложенную квадратиком. — Если бы лишнее... подавитесь!.. А то ведь посевное... И подчистую!

— Хотел гайнуть до вас, — признался Василий Никифорович. — Предупредить, шо приедут. Всё одно не успели бы спрятать.

— А где нам его прятать? — с сожалением сказал Иван. — Отродясь не прятали... А теперь... — он сплюнул. — Газеты всё про счастье балаболят... Клятвое счастье на нашу голову!

— У тебя все живые? — успокоил Василий Никифорович.

— Мария голосила... И Галька плакала.

— Значит, завтра шо-то будет, — обнадеживающе сказал Беспалый. Махнул рукой, подзывая к себе Ивана.

Они сели на мешки с зерном.

— Расскажи, як всё было.

— Та чего рассказывать? Заехали у двор. А зерно коло стенки стоит. Сегодня сеять собирались... Покидали все на подводы... И по двору и огороду ходили, шкворили... И после под конвоем двух солдат до Назаренка в двор подались...

— Кто командовал?

— Якой-то пацючок¹, весь у кожаном. Твой Ярема из шкворнем. Куць и Горбенко из «Комнезама»². У «Правде» они — «комбеды».

— А это из якого края начинать грызть эту беду?

— Кто хотел, тот и записывался.

— Куць мне понятный. У него и его бабы восемь душ...

— Она из девятым ходит.

— А Горбенко як туда? Коня у меня купил... И двое быков у него у хлеву.

— Встрену... спрошу.

¹ Пацюк - крыса. Пацючок - крысёнок (укр).

² Комнезам - комитет невозможных (укр.) Комитет бедноты - идеологическое объединение сельской бедноты.

— И мой братец в голытьбу записался, — рассудительно сказал Беспалый. — До него в двор заезжали?

— Не видал. Я же говорю — Мария голосила. Токо когда до тебя шёл, он меня на дороге нагнал. На бричке. От чоботов дёттем за версту несло. И блестели, як голая задница у вечерних кустах.

— А бричка у него откуда?

— Так его на наши Онишки атаманом влада поставила. Бричку и кобылу выдала. Он до тебя... До твого Шлёгера невесту приведёт. Жди родственничка.

— Если надраил чоботы, значит, на ночь у Лубны подался, — уверенно сказал Беспалый. — Сколько дворов обобрали?

— Два десятка.

— Слухай меня... Як стемнеит, возьми Кольку Назаренка, Баглая... И кого-то ищэ поищи. Пригоните возы. Тут у меня жита сорок мешков из гаком. Возьмёте сорок. Развезёте по дворам. И с первым солнцем сеять... Пока моего братца нету в селе.

* * *

Собирались к заутрене Рождества Богородицы...

Готовились с вечера. Дарья Яковлевна достала из сундука свою темно-зелёную плисовую юбку, светло-синюю блузку и шерстяную кацавейку. Для Василия — суконные штаны, серую косоворотку и шляпу, похожую на ту, какую носил Никифор Корнеевич, только без птичьего пера.

Поутру, пока отец ставил в бричку Шлёгера, все быстро завтракали кисляком и хлебом. Принялись переодеваться.

И началось: сапоги, купленные Грише в прошлом году, оказались малы. Их отдал Петру. Гриша согласился ехать в рабочих ботинках. На что Петя заметил:

— Надо научиться самому тачать.

Но больше всего времени забрала Маша. Она перемерила все три платья и от всех отказалась.

— Будешь сидеть дома, — сказал отец. — Сторожить собак.

— Зачем их сторожить?

— Чтоб не лаяли.

Сообразив, что поехать, капризная, не удастся, девочка выбрала белое платье с синими и красными вышитыми узорами в виде больших крестиков.

Звон онишковской колокольни встретил у первых хат села.

— Думала — не поспеем, — Дарья Яковлевна перекрестилась.

О. Авдий в светлой с жёлтыми проблесками рясе стоял лицом к алтарю, положив руки на открытую книгу. Заунывно гудел хриплым голосом, запрокинув голову, иногда задыхаясь. И всем было понятно — старик читает по памяти и держится за кафедру, чтобы не упасть. В храме мало света и пахнет застарелым перетопленным воском.

Дарья Яковлевна слушала молебен, крестясь. Ребята стояли рядом, рассматривали иконы в чёрном иконостасе. Мария беспрерывно вертела головой, желая увидеть в окружающих предметах что-то интересное для себя. Василий Никифорович слушал пение батюшки, крестился, не переставая корить себя: «За яким дьяволом я надел эту шляпу? Не кинешь и за пояс не заткнёшь».

Перед самым концом службы к нему подошёл Иван Касьяненко и шепнул:

— Никифорович, ходи до солнца. Дело есть.

Беспалый кивнул, соглашаясь, пошёл следом за Гандзёй, радуясь неожиданно подвернувшемуся случаю уйти из храма.

— Громада до тебя, — сказал Иван, когда крестились, выйдя из дверей храма. — Ждут тебя для разговора.

За воротами толпилось два десятка мужиков. Смолили самокрутки. Увидев Беспалого, засуетились, побросали курево.

— Из яким делом, добродей? — спросил Василий Никифорович.

Вперёд вышел цупкой, коренастый старик Филон Баглай. Снял картуз, принялся мять его в ладонях, выказывая нерешительность.

— Вы, дед Филон, шапку наденьте, — попросил Беспалый. — Перед полтавским

становым не сымали, а передо мной совсем не дело.

— Мы до тебя Никифорович от из чем. Все помним покойного Никифора Корнеевича... хоть он из нами не будет лежать на цвинтаре. И от шо мы заметили... Когда он на отруб шёл, на царине его петухами горластыми клевали. Так ты людей прости... А вышло у вас — любо глядеть. Сейчас сам видишь, шо творится... Радники гетманцы из немцем, гуляйполянцы... Теперь московские голодранцы... Будь они все прокляты! — повернулся лицом к храму и прекестился. — Прости, Господи, за срамные слова в святой день...

— А я яким боком до всего?

— Ты нас от ямы отпихнул. Зерно отдал... И гуртом решили... Мы про вашего Ярему. Откуда взялся на нашу голову?

— Его московская влада поставила, — ответил Василий Никифорович.

— А у нас другая думка про это. У батька вашего, Никифора Корнеевича, получилось ладно. У свой отруб пошёл. И мы хотим податься у своё дело. И постановили — ехать до тебя, просить, шоб ты у нас в царине головой был заместо Яремы. А ты сам прибежал.

— Я на царину? — удивился Василий Никифорович. — Нашли гулятя. У меня дел от первой росы до вторых петухов.

— Нам такого, шоб у нас почтение до него, — поддержали Баглая.

— Не выганцовывается жизнь у нас... — с сожалением сказал дед Филон. — До тебя Бештанько приезжал из своей революцией?.. Все про это знают... Получил под задницу пинка. А у нас в дворах гулял, шо волк по кошаре.

«Так мне в царину с пулемётом приезжать?» — подумал Беспалый, не зная, как продолжать разговор.

— Мы чего удумали... — сказал Баглай. — Ты в Онишках сделаешься головой. Ну, председателем влады, по нашему пожеланию. Вроде кошевого в казацком коше. Шоб без твоего слова ниякая влада... шо красная, белая, шо полосатая, як удодка гадливая, до нас в двор не лезла.

— А если вся эта влада до меня прибежит?! — раздражённо спросил Василий Никифорович. — Начнёт грабить... Вы меня защищат пойдёте?

Мужики молчали. Кто-то принялся ладить самокрутку.

— До меня в восемнадцатом три раза приезжали незалежники коней забирать. Бештанько из саблями прибегал... Вроде мужик свой, а получил владу — человек из него вытек, шо вода из сита... В девятнадцатом махновцы два раза прилетали за зерном и за конями.

— От... и мы про новую владу, — сказал Баглай. — Ну, красные они... По закону не имеют права мужика грабить. Зерно посевное отбирать...

— А от меня чего хотите услышать? — спросил Беспалый. Обвёл взглядом собравшихся. — Я без дурной мысли... Для атаманства хист¹ нужон. Человека заставить жить под чужой волей не каждый может.

— Ты начни, — сказал Баглай.

— Если я атаман — моё слово закон?

— Закон... Закон... — прозвучали два голоса.

— Я всем мужикам прикажу взять винтовки и пальнуть по гайдамакам... Согласны будете?

— Выходит — снова воевать? — раздался чей-то голос.

— Выходит! — выкрикнул Василий Никифорович. — Просто нада за себя стоять самим... За внучку деда Филона пойду стрелять всякую паскуду!.. Потому шо иё мужика на войне положили. А она — молодая баба с дитём. Баб и детей защищать сам Бог велит. Нинку пошёл бы защищать!.. И не поглядел бы, шо змеюка в Божий храм ходит... и жонка моего брата... От моя думка, доброеи. Если свои сапоги от навоза не мыть, себя не защищать от говна, какое владой себя называет — так и будем жить волами в ярме до самой могилы... Токо Ярему в царину атаманить Москва поставила, а не вы. В иё сходите и про свою беду там пожальтесь. А мне Никифор Корнеевич запретил у владу на службу ходить. Пойду — он на том свете проклянёт... А если моя

¹ Хист - талант, увлечённость (укр).

помощь нужна — зовите.

Повернулся, ушёл к коновязи отвязывать Шлёгера.

***

Первая неделя ноября выдалась солнечная, тихая. Последние листья лещины, в отсутствие ветра, танцую, опускались на пожухлую траву дожидаться весны. Любопытные, вертлявые синицы лениво перелетали с ветки на ветку, не находя для себя занятия. На худые, унылые кусты лебеды и репейника на обочинах незасеянных полей налетали безмолвные стаи пёстрых щеглов. Среди них путались пары зелёных чижей. И высоко в небе тянулись последние нити серых журавлей, протяжным клёкотом сообщая живущим на земле о скорой зиме.

В ожидании близких холодов Солёный Гай готовился к зиме, точно медведь к спячке.

Дарья Яковлевна озабоченно ходила по дому, спускалась в погреб, забегала в конюшню и сарай. Потом выговаривала мужу свою обеспокоенность.

— Надо нарубить дров. По всему выходит — зима долгая и холодная будет — кружки в бочках с капустой плесневеют не быстро. Жди морозов. И угля у нас мало. Боюсь, замёрзнем до весны.

— Кто сейчас этот уголь в Оржицу возит?

— Сестра с мужем в Лубны ездили. Сказала — у красных паровозы туда-сюда бегают по станции, як бешеные.

— А чего не бегать? На Донбассе давно красные атаманятя. Иван Гандзя вычитал у газете, шо Деникин две недели тому уже около самого Крыма был. И Махна кудась в Румынию погнажи.

— Значит, на станции можна уголь на хлеб выменять, — сделала вывод Дарья Яковлевна.

— Пока зерно доведём, три раза на «кажанов» напоремся. Да и уголь с такой дали кобылой не повезёшь. Был бы Шлёгер.

— Тогда гайни до Ивана Гандзи. Возьми пару волов.

— Везти полный мешок с хлебом — сразу заберут.

Ехать — душа не лежала у Василия Никифоровича. Все мысли были о мешках с зерном, оставленных на жизнь, и пулемётах.

— Чует моё сердце — отбирют... — признался он.

— Я один мешок спрятала в кузне под деревянным углем, — призналась Дарья Яковлевна. — Поедете втроём. Нашью сумок и торбочек под жупаны тебе и хлопцам. А детей с телеги скидывать не станут. Заодно гасу фляжечку у кого спросишь... И узнай — открыли школу? А то без книжек мысли у хлопцев зарастут гадливой коростой.

Оказию снаряжали неделю.

Проводив мужа и сыновей в темень утра, Дарья Яковлевна начала день с дойки коровы. Потом взялась варить еду собакам и свинье — сварила полный баняк¹ картошки, перемешанной с перепаренными ячменём и овсом. Вынесла варево, желая накормить собак. Позвала. Прибежали три шпица. Из сарая лениво вышел Чёрт и, болтая хвостом, пошёл через двор к хозяйке. Но вдруг сорвался и с рычанием метнулся к воротам. Следом, с лаем, оставив миски с едой, бросились шпицы.

У ворот стояли три конника в шинелях. Двое на длинных куканах тянули за оброть по лошади. На шеи этих «пристяжных» были надеты хомуты.

К воротам подъехал Зосим Бештанько. Увидев вышедшую во двор Дарью Яковлевну, крикнул:

— Тётка Дарка, открывай! — натянул вожжи, пнул коня каблуками. Мерин, заломив шею, пошёл боком к воротине.

— Тебе чего, Зоська? — спросила Дарья Яковлевна. — Коней зачем привёл? Не покупаем. Если ковать — Василя ждите. С самого ура у Лубны подался.

— Забери собак! У нас наказ советской власти, — Бештанько спрыгнул с лошади, передал повод одному из сопровождавших. На нём длинная шинель, засупонен-

¹ Баняк - большущий казан (укр.).

ная кавалерийской портупеей, на правом боку кобура с «наганом». Пошёл к воротам, подбрасывая сапогами длинные полы шинели.

Чёрт бросился навстречу с рычанием, оскалив клыки. Три шпица поддержали его громким лаем.

— Открывай! — крикнул Тряпка. — Некогда языками чесать!

Дарья Яковлевна позвала Чёрта, отвела на конюшню. Шпицы побежали следом.

Бесштанько отодвинул воротину и на ходу полез во внутренний карман шинели.

— Читай! — протянул листочек Дарье Яковлевне.

— Это про чего?

— Про ваше буржуйство.

На сером листе бумаги был напечатан текст:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Советом рабочих и крестьянских депутатов Оржицкого Повету шо при Полтавском губкоме Советської власти были получены сигналы из крестьянских дворов бедноты шо имеются у селе Онишки

ОСРКА ВСТАНОВЫЛ

Хутор Солёный Гаї являться засадником мировой контрреволюции у Оржицком повете як больше десяти годов крал хлеб у трудового Народа способом выбивания зерна из снопов не цепами а на Молотилке якую купили у злочих врагов советської власти якими Есть сегодня и усегда немцы обклавшие советську власть контрабуцией зерна Из хутора нэ дали у пользу революции коней Хотели застрелить активистов советской власти из пулемёта

ПОСТАНОВИЛ

Конхвискавать у буржуя Беспалого Василя Никихворова и его хутора молотилку у ползу трудового пролетарства и крестьянства чрез перетягувание этой буржуйской машины у Ожиуу

Предсидатель ОСРКА

Зосим Безштанько

у чом и подписується

Числа 10 месяца ноября 1920 года

— И чего это?

— Написано — молотилку конхвискуем, як у буржуев.

— А чего это постановление без печатки? — спросила Дарья Яковлевна,

— Для врагов советської влады, як вы и ваший хутор, законы без печатей те-перь. Советская влада в их не нуждается.

Дарья Яковлевна стояла в нерешительности. Осознавала — без мужа с конфискаторами не справится... А нахрапистось Бесштаньки и его пистолет пугали. «Пулемёт в яме, — с сожалением подумала она. — И двудулку Василь из собой увёз. Даже напугать нечем».

— Жди Василя, — сказала, пряча на груди бумажку. — Он тут решаит за всех.

— Мандат верни! — потребовал Тряпка.

— Будешь гавкать — собак спущу. А хочешь брать молотилку — ломай ворота. — Пошла в дом.

Всадники выкатили молотилку, завели во двор лошадей с хомутами на шее. Взялись их запрягать в машину.

— Якой дурень удумал за место волов коней ставить? — тихо спросил один конник второго, пытаясь подвязать к гужу дышло. — Седёлка обязательно спину до крови натрёт, пока доедем.

— А какая тебе разница? — ответил второй. — Жрать дають и спать есть где. А чего ещё?

— Есть разница. Всё кони, а не какой-то охвицерик.

— Шо за их себе душу рвать? — тихо заметил второй. — Всё — не наши кони. Завтра у кого-нибудь заберут других, як мы эту молотилку. И снова до кого-то поедем. Вона в сарае добрая лобогрейка стоять... Иё продать можна... Я бы мамке послал денежку.

Подошёл к конникам Бештанько.

— Чего возитесь?

— Не доедем, товарищ Зосим Маркович.

— Почему?

— Сюда волов из ярмом нада. А с хомутами без дуг загубим коней... и машину спортим.

— Не придумывай дуг! — нервно приказал Бештанько. — Без их доедем. Погоняй!

Конники взяли лошадей за оброти, повели к воротам — молотилка, проминая неглубокую колею, тихо покатила со двора.

Но их остановило грозное рычание Чёрта. Пёс стоял в проёме распахнутых ворот, подняв серую шерсть, как свернувшийся ёж иголки, скалил зубы. В его виде угадывался расшвирипевший волк.

— Гляди, — опасно сказал конник, отыскивая взглядом Бештаньку.

Его товарищ вынул из-за поясного ремня короткохвостую нагайку и замахнулся, желая отогнать собаку. Но Чёрт рванулся, схватил зубами кожаный хвост нагайки, вырвав из рук, двумя движениями челюстей перегрыз.

— Зосим Маркович! — позвал конник.

— Дарка! — закричал Бештанько. — Забери собаку!

Но ему ответил дружный лай шпицев от конюшни.

— Назарка, сука, убери псину!

Дарья Яковлевна вышла на крыльцо. И в этот миг Чёрт сорвался с места и, пролетев мимо коней, напугав их, с рёвом впился зубами в левый рукав шинели Бештаньки.

— Забери!..

— Чёрт, домой!

Крик хозяйки растворился в пугающем звуке выстрела.

Чёрт лежал среди двора с широко раскрытым ртом, из которого вывалился розовый язык. Из простреленной груди вытекала красная жижа, превращаясь в тёмное пятно на земле.

Дарья Яковлевна прикрыла в ужасе рот ладонью и прижала к себе выбежавшую на выстрел Марию.

Глядя на тело Чёрта, девочка с испугом спросила:

— Мамо, а почему этот дядько тебя дразнит Назаркой?

— Потому шо он родился в дворе у Бештанёк, а я — у Назаренков, — отрешённо ответила Дарья Яковлевна.

— А я хто?

— Ты? — спросила мать, тяжело дыша: — Нас пишут Беспальми. Як деда... — и, помолчав, сказала: — Як живёшь, так и называют.

— И нас за это могут убить?

4

На третий день нового 21-го года в Солёный Гай прикатила четырёхколёсная коляска, запряжённая гнедой десятилетней кобылой с аккуратной белой звёздочкой во лбу. Поднятый кожаный верх скрывал пространство внутри.

«Несёт, нелёгкая! — подумал Василий Никифорович, тревожно всматриваясь сквозь белёсые стёкла окон, стараясь угадать гостей, — за последние годы он переполнился ненавистью к залётной, жадной к чужому, власти и был готов в мгновение выкатить бричку с пулемётом и нажать на гашетку. Сейчас, не имея уже возможно-

сти разглядеть подслеповатыми глазами незнакомцев, буркнул под нос: «Не нажрались, ироды революционные!» — пошёл решительным шагом к двери на хозяйский двор. Но вспомнив, что пулемёты спрятаны в подполье под полными бочками с квашеной капустой, не сдерживая откровенной злобы, плюнул под ноги. Вернулся к окну.

На снег легко спрыгнул высокий, широкоплечий, крутоспинный детина в расхристанном овчинном светло-бежевом тулупчике, схваченном на поясице чёрным хлястиком, к краям которого были приторочены две большие латунные пуговицы с выштампованными двуглавыми орлами. Серые шерстяные брюки заправлены на выпуск в голенища хромовых офицерских сапог. Несмотря на мороз, без шапки, с голой шеей, рвавшейся на свободу, как застоявшийся конь из построшков.

По-хозяйски отворил воротину, завёл коня во двор. И только сейчас по выющимся чёрным, уже вымазанным белью, волосам, падавшим на чёрный воротничок-стоечку тулупчика, Василий Никифорович признал Елизара.

Он побежал в кухню — Дарья стряпала борщ с жареными луком и солониной. И жадно вдыхая аромат заправки, волнуясь, радостно прогудел:

— Мать, кажись, Елизарий Корнейч!

— Вовремя, — ответила, улыбаясь, Дарья Яковлевна. — Я всего по чуть-чуть крошила, а чугунок гудел своё: «Мало! Ещё добавь...» На радость и новость он охоч в печь лезть. А Елизар без новостей не ездит.

У Василя Никифоровича жгучая злость вмиг сменилась на безудержную весёлость. Улыбаясь, ловко накинув на плечи женин жупан, нахлобучил папаху, выскочил на крыльцо. И оторопев, остался стоять.

На снег, держась за быльца, болезненно тяжело опустился худой молодой человек в длинном сером пальто, чёрной папаше-пирожке. Собаки с радостным визгом носами тыкались в колени гостя, размахивая пушистыми хвостами.

«Неужель? — взволнованно подумал Василий Никифорович. — Так токо до своих».

Присмотрелся и, сбежав легко с крыльца на снег, громко крикнул:

— Господи! Ваня!

Сын кивнул в ответ отрешённо. Вид у парня был подавленный, лицо осунулось, светлые глаза запали и даже потемнели. Он, показалось, постарел.

— Як здорово... Яким ветром, Иванко?! — уже без весёлого запала спросил отец. — Чего стало?

Сын снова кивнул, молча пошёл в дом.

— Ты где его взял? — спросил Василий Елизара, выказывая растерянный испуг.

— Оставь парня! — отрезал Елизар. Подвёл коня к крыльцу. Снял с коляски три большие связки книг и деревянный ящик, укутанный шинельным сукном. Оставил всё на крыльце, повёл коня к сараю, где зимовали лобогейка и когда-то молотилка. Отгужил хомут от оглоблей, потянул коня к леваде.

Василий Никифорович пристроился слева от морды кобылы, схватил уздечку крепкой хваткой, словно боялся, что лошадь сбежит.

— Як вы тут?

— Горе у нас, Василь, — Елизар повесил хомут на крюк в стене. Сбросил седёлку и ремни к стене. Завёл коня в денник.

— Ты убил кого? — нервно спросил Василий.

— Хуже. У Ивана в Полтаве сегодняшняя влада невесту убила.

— Якую невесту? — оторопело спросил Василий.

— Дочку полковника Энгельгардта! — выкрикнул Елизар.

— А из им чего? — нервно спросил Василий.

— Ты его знаешь?

— Он у нас в семнадцатом подполковником стоял, когда муравьёвцы на Москву шли.

— Расстреляли Павла Аверьяновича, — помолчал и добавил: — И Эльзу Генриховну... Всех разом.

— А это кто такая?

— Жена. У нас в шпитале доктором служила. Я с ней от самого первого дня вой-

ны. От самой Варшавы.

— А Иван?!

— На Рождество приехал свататься... Пришёл в дом полковника. А там никого.

— А невеста где? — нервно спросил Василий.

— Я же говорю — всех... — раздражился Елизар.

Ушёл из конюшни, вернулся с полмешком овса. Завернул бубликом края мешковины, подsunул под губы кобыле. Уселся на седло у стены рядом с Василием Никифоровичем.

— Може, брехня? — спросил Василий. — Самого доктора?.. Як можна такое?

— В газете писали фамилии расстрелянных.

— А девку молодую за шо?!

— Контрреволюционное дитё! — выкрикнул Елизар. — Восемнадцать годков. Даже Владимир Галактионович¹ не спас. Он до мерзопакостных «кажанов» ходил возмущаться. Так его самого в буцегарне три дня держали, шо он за врагов советской власти пекётся... Чуть не помер старик у них. А когда выпускали, Исайка Гармыдер припугнул расстрелять... И кого?.. Первейшего человека в Полтаве и в России... У Ленина, главного московского начальника, в давних друзьяках записанный. А на шему полтавскому «кажану» — первый враг советской власти.

— А это хто? — перебивая, осторожно спросил Василий.

— Он для Насти крёстным писался...

— Настя?.. Это?

— Невеста... В Киеве в университете училась. А Павла Аверьяновича под Ворожежем осколками покрошило. Его привезли в Полтаву к Эльзе Генриховне... А Деникин, шо наш табор, побёг к морю... И про полковника забыли... А Павел Аверьянович покалеченный... Сильно болел. Ходил дюже погано... И Эльза Генриховна отписала дочке, шоб приехала домой смотреть за отцом...

— Може, у красных план якої по расстреливанию? — спросил Василий. — Так поддерживать в расход пустить недолго. А кормить хто будет этих революциоников?

— На нас пахать будут! — резко и громко сказал Елизар, напугав криком Шлёгера, стоявшего в деннике рядом с только поставленной гнедой кобылой. — Горе мыкнём из этими краснобешштанными, — резкостью движений и нервозностью голоса Елизар сейчас напомнил Василию Никифоровичу того самого цыганёнка, которого Никифор Корнеевич приловил в Сорочинцах при попытке угнать коня. — Шо мы с тобой, зерно посевное в яму прятали... шоб с голоду не помереть.

— Стыдоба якая, — перебил Василий подавленно. Мысли о посевном зерне, сыне, его невесте и полковнике перемешались...

— Это сегодня. А завтра... Чую... крови напустят, якої земля от Рождества Христова не видала...

— У меня такое впечатление сложилось, — выдавил Василий, соглашаясь, — шо большевики московские гуртом из нашими «бешштаньками» на мужике вековую злобу вымещают, шо на Земле появились сильно поздно.

— А мы их не дюже ждали... — добавил Елизар.

В столовой свет керосиновой лампы стал меркнуть после непрерывного горения с полудня. Долгое, молчаливое сидение за столом через силу тяготило. Но никто не решался уйти, словно все были прикованы друг к другу. Даже десятилетняя Маня, не любившая сидеть сытой за столом, смотрела в пустую тарелку, изредка поднимая глаза, стараясь увидеть на лицах собравшихся живую улыбку или случайную тёплую искру в глазах.

Разошлись чуждо.

***

К утру завьюжило. Снег, хоть и негустой, нагнал серости на пустые поля, небо и, подхваченный ветром, колюче жалил холодом. Елизар надел папаху, Иван поднял воротник пальто. Не спасал поднятый верх коляски. Выручала полсть, накрывавшая ноги.

¹ Короленко В. - писатель, журналист, публицист, общественный деятель.

Кобыла неспешно бежала по заснеженной дороге. На промёрзлых кочках ресора у коляски противно, изматываяще скрипела.

— «По дороге зимней, скучной тройка борзая бежит, — сказал Иван. — Колокольчик однозвучный утомительно гремит».

— «Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика: то разгулье удалое, то сердечная тоска»... — добавил Елизар. — Только у нас нету колокольчика. С ним весельше ехать...

— Откуда Пушкина знаешь? — удивлённо спросил Иван.

— Сперва у Никифора Корнеича про Дубровского книжку взял. А когда меня у армейский шпиталь определили, там лежал какой-то вольноопределяющийся из московских. Я его на себе до Эльзы Генриховны носил на перевязку — у него бедро перебило осколком. Спасло — артерию не зацепило. Я его несу из койки у перевязочную палатку, а он на моей спине стихи складывает... Да так ладно у него выходило... Про шо ни спрости — изразу стихом отвечал. Шо-то меня укусило. Подумал — не может человек на все житейские случаи сразу объяснения находить. И придумал байку, якую и придумывать грех... шо у нашем таборе жена барона родила дитё из тремя руками и одной ногой. А он: «Родила царица в ночь не то сына, не то дочь. Не зайчонка, не лягушку, а неведому зверушку».

— Не мышонка, — отрешённо поправил Иван.

— То нету ниякой разницы... И спрашую у московского: «Як ты так ловко слова складываишь, шо у тебя и песня, и думка разом у одном месте?» А он мне: «То не я, то Александр Сергеевич». Тут я изразу до него: «А он де живёт?» Сильно захотелось на такого человека поглядеть. А вышло — он уже скоро сто лет, як помер.

— Я тебе передам из Киева книгу его стихов, — с безразличием сказал Иван.

— У меня есть. Эльза Генриховна подарила две. У одной — стихи, а у другой — про Троекурова и Гринёва... Токо меня пронял Сильвио... — Елизар глянул в лицо Ивана, желая найти одобрение своим словам. И испугался: белёные глаза, подёрнутые серой вуалью, казалось, остекленели на морозе.

— Ты живой? — испуганно спросил Елизар.

Иван кивнул.

Елизар ударил вожжами кобылу, посылая в галоп, стараясь скорой ездой разогнать костенящий холод.

— Я думал, любовь — это с девкой в кустах потискаться. А як с... — он замолчал, а потом с радостью сказал: — Около иё день и полночи... Недоглядел себя. Как такое вышло — одному Богу известно... Готов был... Попроси она ночь в день перевернуть — не поверишь, перевернул бы. Я себе говорю — не может со мной такого случиться. И чем больше уговаривал, тем сильнее до неё тянуло...

— Признался бы, — сказал Иван. — Зачем сам себя калечишь?

— Ты счастливый. Ты признался. А я не сумел. У её муж и дочка... До сичас хожу, шо тот неприкаянный. А это, як на горячей сковородке у аду.

— «Куда безумный я стремился... — лениво произнёс Иван, давая понять, что не очень желает слушать чужие откровения. — Пред кем унизил гордый ум...».

— «Кого восторгом чистых дум боготворить не устыдился...»¹ — продолжил Елизар.

Неожиданное цитирование заставило Ивана повернуть к Елизару лицо — его глаза оживилось.

— Ты не один на этом свете такой, — заговорил Елизар, прочитав во взгляде Ивана откровенное удивление. — Мы с тобой теперь не токо братья по бумагам... Сердешные... одной бедой. А это поболе поповских причитаний коло амвона. Вон дядько Ярема вроде как батьке брат родной. А на деле — клещ. Не поймаешь — укусит... и помрешь.

— Наплевать мне на Ярему! — обрезал Иван.

— Тебе — да. Ты у Макара телят пасёшь. А отцу и матери тут от него некуда деваться.

— Красиво выучился говорить. Макар... телята. В Троицкие решил податься? Я бы

¹ Из А.С. Пушкина.

на твоём месте... — Иван помолчал и добавил поучительно: — Найди эту женщину и признайся. И гора с плеч.

— Она в одной могиле с твоей невестой...

5

В крещенскую ранне-вечернюю тьму, на ночной мороз приехал Елизар. В армейской длиннополой шинели, чёрной овчинной папахе и валенках, воткнутых в высокие чуни. Собачья скулящая возня во дворе заставила Дарью Яковлевну выглянуть в окно — она поила Василия крепким взваром смеси сушёных ягод чёрной и красной смородины, приправленным рюмкой «белоголовой» водки.

— Кажись, Елея, — сказала она, передавая чашку с взваром в руки мужу. — Попей сам. А я встречу.

Елизар Корнеевич подвёл кобылу к крыльцу, сложил кожаный верх. Всё пространство внутри коляски от сидушек до облучка было заполнено какими-то ящичками, связками книг. Поверх всего этого скарба лежал стеклянный шкафчик, крепко примотанный к матрацу и раскладной походной армейской кровати без верхних частей спинок.

— Это с чего такой смурной, Елизарий? — спросила Дарья Яковлевна с крыльца, кутаясь в красно-белом клетчатом шерстяном платке. — Мы уже с Василём стали тебя бояться. Из якими вестями?

— Шпиталь, Назареточка, привёз. Буду онишковских баб и детишек лечить. Не выгонишь?

— Типун тебе на язык! — возмутился Дарья. — А ты в урочный час поспел, касатик, шо самый настоящий фершал, богом присланный. Василь уже неделю лежит. Кашляит без перестану — гляди, горло вырвит. И пунш не помогает.

Елизар порылся в привезённом хламе, достал полный десятифунтовый парусиновый капшук. Протягивая Дарье, сказал:

— Четыре ложки на водочный штоф воды... и запарь. На сон подышит. Тут липовый цвет с чабрецом, мятой. И мелко резанная молодая малиновая ветка. Такое бронху изладить должно. И позови парней. В карты, небось, режутся? Нехай помогут кой-чего занести в дом.

— Школы нету, — пожаловалась Дарья. — Лучше карты, чем по чужим стодолам¹ гайдамачить.

На крыльцо радостно выскочили Гриша и Петя.

Елизар положил на доски крыльца аршинный ящик, замотанный в дерюгу. Рядом — ярко-красную шкатулку, лакированную, перевязанную пеньковой верёвкой.

— Это чего, Еля? — спросил младший, разглядывая шкатулку.

— Аккуратно из этим! — предупредил Елизар, выставляя на снег стеклянный шкафчик и кровать. — Это — «рива-рочи». Там трубка, а в ей ртуть запаяна. Яд. Не дай Бог, разобьём. От напастей до скончания дней не избавимся. Дом разваливать придётся...

— А чего им делают? — спросил Гриша.

— Кровяное давление меряют.

— Это как пар в молотильном котле? — спросил Петя.

— Точно. Только в молотилке свистит, а в «рива-роче» столбик бегаит вверх-вниз, шо ярмарочная игрушка по нитке.

— А чего в большом ящичке? — спросил Гриша.

— Часы, якие на стену вешают. С боем каждые полчаса. Токо не ходят. Пружина закручена, а не ходят.

Разглядывая ящечки, Петя открыл крышку на одном. Под ней солнцем сверкал набор гирь.

— Гляди, Гришка... золото! — протянул брату коробочку. — Тяжёлая. Видать, золото специальное...

— То неинтересно, — равнодушно ответил старший.

¹ Стодола - овин, рига (укр.).

— Не золото, а простое железо, из якой подковы делать можна. Токо покрытая медным порошком, шо краюха хлеба липовым мёдом, — объяснил Елизар. — А вы, мужики, идите оденьтесь. Погода — марток, напяливай лишнюю пару порток. Сей-час самое время схватить пневмонию. А из этой заразой шутить нельзя. До августа, когда малина молодая пойдёт... можна и не дожить... И аккуратно носите ящички в пустую комнату.

Разгрузили половину коляски. Остальное Елизар отвёз в сарай — коляску затолкал под навес, на место, где стояла молотилка. Отвёл коня в конюшню.

Вечеряли при ярком свете пятилинейки.

Василий Никифорович налил по стопке водки.

— А моё сердце чуяло... Говорил... — обиженно упрекнул он жену, — шоб хлеб учинила, — вдруг захлебнулся бронхиальным кашлем. — — Гость в двор, а у нас по сусекам пусто. Срам!

Елизар ушел из кухни. Вернулся с половиной белой паляницы.

— Я последнюю неделю у больничного сторожа угловал. Его баба только утром с поду сняла, — положил хлеб перед Дарьей. — Нарезь, Назареточка, пока мягкий.

Когда выпили, Елизар вернул водку и рюмки в шкафчик.

— Тебе, Никифорович, нельзя сегодня, — объяснил он. — Лечиться будем. На холодном воздухе и астму недолго нажить, як геморрой от седельной жизни кавалеристу.

— А то чего такое? — спросила Дарья Яковлевна.

— Это когда человек кашляет беспрерывно и начинаит задышаться. И в якой-то момент горло набухаит и не пропускаит воздух. А больной от асфиксии умираит...

— Ты, Елизар, своими чудными словами человека со свету сживёшь. Она конь или собака по-нашему, православному, не говорят, а я их понимаю, точно у нас одна мамка.

— Ты, Василь, не пугай Назарету и детей, — рассмеялся Елизар. — Геморрой у нас в Онишках называется почичуём.

— Так бы и сказал — седельна грызя... Про это ещё Никифор Корнеич пёкса, шоб не сильно долго в седле гоцались. Кровь из задницы, — рассмеялся, кашляя, Василий Никифорович.

— А асфиксия... шобы понятней, — добавил Елизар, — як убивство через повешание.

— А мы живём, як при почуче и твоей асвихсии, — пожаловалась Дарья Яковлевна. — С Василём день и ночь голову вопросом скребём, шо коня щёткой...

— И до якого добра доскреблись? — уже серьёзно спросил Елизар.

— Хлеб отобрали, — попробовал объяснить Василий. Серьёзность застыла на его лице серым камнем. — Мужики жита не посеяли. Знать, только теперь по весне яровую пшеницу в землю кидать и ячмень с овсом. А жито уже на осень...

— Так где же его взять?! — возмутилась Дарья Яковлевна.

— От и я про то, — прохрипел Василий. — Мы с тобой, Елея, сколько мешков в подполье перенесли?

— Не вспомню, — ответил Елизар, жуя солонину с луком, запивая яблочным горячим взваром. — Только от копания и перетаскивания мешков до сих пор спина болит.

— Спина — чего? У меня душа болит. По весне отдам я пшеницу мужикам. Они осенью мне с благодарностью вернут... И без молотилки можно обойтись, будь проклята бесштанная свобода! А беда — конюшня пустая. Один Шлёгер и кобыла гуляли по леваде летом. А гляжу и не пойму — жеребая или нет. В том годе не уберегли стригунка.

— Квёлый дюже родился, — напомнила Дарья Яковлевна.

— Да я не про то, — раздражился Василий. Закашлялся. — Я про дело. Не могу без конёв. Лежу, а они перед глазами скачут по кругу в леваде.

— Ты, Василь Никифорович, вычухайся из болячки, — сказал Елизар. — Твоя беда — не кони, а кашель. Запускать нельзя. А уже потом будем все гуртом думать, як жить при гнидах.

— Ой, Елизарий, от гнид нонешних тяжко сбавляться, — заметила Дарья Яков-

левна. — Кругом нос сунуть. Скоро охальники и у сподни полезут...

— Чуют, шо пиявками присосались до живого человека! — выкрикнул Василий Никифорович. Снова захлебнулся кашлем.

— А нам их перемогти надо... как болячку, — сказал Елизар. — Мы будем сами по себя, а они сами...

— И поглядим, хто кого пересилит! — бодро подхватил Василий Никифорович.

— Ты, отец, не харахорься, — остановила Дарья Яковлевна. — Вот Бог послал нам Елизария. Може, с его помощью одолеим болячку... А про владу... Будем от иё отвертаться, як от проказы. А ты, Елея, и вправду, приехал детишков лечить? Или от гнид убегаешь?

Елизап вздохнул тяжко.

— Я, мама Назареточка, свой больничный скарб привёз не с большой радости... — он съел кусок поджаренной солонины и запил взваром. — Я... когда Ивана в Любны вёз неделю назад... на станции объявление прочитали... Курсы тримесячные до себя людей зовут...

— На самого начальника «кажанов» учить? — хмыкнул Василий Никифорович.

— На фельдшера, — ответил Елизар. — Мужиков и девок берут до тридцати годов. Мне в Рождество двадцат восемь... если по бумагам, которые Никифор Корнеевич у Гаврилы Гандзи получил. От мы с Иваном до вывода пришли, пока поезда киевского ждали — нада идтить на курсы те... Иначея вся жизнь далей, шо пыль по ветру... Все тебя будут отметать и топтаться по тебе... Я Ивана посадил у вагон, а сам до знакомого переночевать... А утром пришёл, куда адрес. Спросили — хто я. Говорю — при госпитале второй Армии генерала Брусилова служил. А вот про Эльзу Генриховну не сказал. Иван запретил про всё это с кем-то говорить... А принимал дедок... Он подошел до меня и взял мои пальцы в ладони. Разглядывал. Потом записал в якую-то книгу и мандат выдал, шоб я к двадцатому января приехал учиться...

Елизар полез в накладной карман гимнастёрки, вынул сложенный вчетверо синеватый листок, развернул, протянул Василию Никифоровичу.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано настоящее **БЕСПЛАОМУ**

ЕЛИЗАРУ КОРНЕЕВИЧУ,

1893 года рождения, 1 января

в том, что он зачислен слушателем фельдшерско-акушерских курсов при Главном Управлении здравоохранения Наркомздрава УССР по Полтавской губ. с 20 января 1921 г.

Василий Никифорович долго разглядывал листочек и, передавая жене, сказал:

— Печатка смачная... Як у немецком банке. Значит, не брешут.

— Так ты из Полтавы насовсем съехал? — испугалась Дарья Яковлевна.

— Пока — да. Да там уже ничего людского и нету для больных. Як врачей-буржуев вместе с Эльзой Генриховной постреляли... из больницы сделали «Дом политпросвещения», потому шо в самом центре.

— Из больницы? — не поверила Дарья Яковлевна. — А иё куда?

— В бывшие губернаторские конюшни... А у доме полковника Энгельгардта на первом этаже и подвале — «кажаны», а на втором — сам Исай Гармыдер живёт. Ему даже телефон протянули... Сперва выкинули, яко у полковника был, и прикрутили новый.

— А это чего? — спросил Гриша, тихо сидевший за столом.

— Это когда в Харькове ты, а я — у Полтаве. Нужно быстро наказ отдать... Якой-нибудь Петровский¹ или Чубарь на ящичке, як у меня «рива-рочи», ручку покрутил, а у Полтаве на стенке Гармыдера звонок дзеленчит. Он берёт две трубки. Одну до уха, а у другую: «Начальник «кажанов» Гармыдер слушаит...»

¹ Петровский Г. - председатель правительства УССР со столицей в Харькове.

— Это такой телеграф? — уточнил Гриша.
 — Телефон.
 — А зачем доктор руки твои разглядывал? — спросила настороженно Дарья Яковлевна.

— Проверял... не сбрыхал, шо у шпитале армии Брусилова служил.
 — На руках какой-то номер ставили от Брусилова? — предположил Василий Никифорович, кашляя. — Люди — не кони, шоб из тавром жить. До нас один гуляйпольный атаманчук прибегал... Махновские гайдамаки последнюю кобылу хотели забрать у пользу вольного крестьянства. А от вам кобыла! — протянул кукиш в сторону окна. — Пулемёт увидали и драпать... вояки! — он снова закашлялся. — Так у того атаманчика усе руки чёрно-синие были, як хто намалёвал на их картинки... А у тебя, Елея, руки чистые, як у младенца.

— Это и проверял дедок, — объяснил Елизар. — У доктора всегда руки и особенно под ногтями должны быть вымытые... и обязательно из мылом... Записываться на курсы пришло много народу. Дедок брал... у кого под ногтями не было грязи.

Елизар поднялся.

— Пойду тебе лекарство готовить, Василь. А ты ложись. Дышать паром травяным будешь. Назареточка, накинь на него побольше тёплого, шоб он всю ночь пролежал, укрывшись из головой. Сегодня будешь дышать и завтра... А уже потом я поеду... Меня Гриша отвезёт.

Когда задули лампы и Елизар собрался лечь, к нему в комнату вошёл Гриша и тихо спросил:

— Ты, Елея, где часы большие взял... которые рядом завязанные?

Елизар помолчал, словно искал нужные слова для объяснения.

— У доктора Эльзы Генриховны у доме. Гармыдер приказал всё вынести на помойку. Книги...

— И часы? — с искренним удивлением перебил Гриша.

— Если бы они ходили — наверно, оставил бы... А так выкинуть не жалко, як все книжки про лекарства... От их и привёз... Всё, шо от Эльзы Генриховны осталось.

* * *

Гриша, вернувшись из Лубен, поужинал, зажёл лампу в комнате, где ночевал Елизар. Развернул серую ряднину. Под ней оказался тёмно-коричневый ящик, с большим стеклом на дверце, за которым белело пятно циферблата с римскими цифрами и ниточками стрелок. Поставил на стол, открыл дверцу. Заглянул под механизм, разглядел столбики зубчатого коромысла и повесил на них маятник.

— Ты чего делаишь? — прошипел за спиной испуганный голос младшего брата.

— Елька говорил — часы не ходят. Я хочу поглядеть — почему?

— А если совсем сломаешь?

— Не сломаю. Я те ходики, шо у бабки Христины на стене, починил. Они тоже не ходили. Я их керосином вымыл и масло на зубья накапал, якое для лобогрейки дали. И до сегодня тикают.

— Так то просто бляха, а тут, гляди, мраморные цифры, як на тарелке. Из тремя стрелками. И гирь нету нияких.

— Тут крутилка для заводки вместо гирь, — Гриша порылся на дне деревянного ящика, вынул четырёхгранный ключ. — Поглядим.

Он толкнул маятник. Золотистый кружок отклонился чуток, вернулся назад. Остановился.

— Гляди, — указал он Пете на маятник. — Не хочет бегать. Значит, тут якое-то колесо перекошилось. Если ищё раз ткнуть, то можна все колёсики поломать.

— Ты откуда про это знаешь? — спросил Петя недоверчиво.

— Я же тебе сказал, шо ходики бабки Христины глядел.

— Там такое самое было? А то от Ельки достанется нам...

Гриша не ответил. Осторожно стал отворачивать латунный винт, крепивший механизм к дощечке, и аккуратно вынул его.

Петя заметил, что брат преобразился вдруг. Лицо напряглось, вытянулось, глаза вспыхнули белым внутренним огнём, пальцы рук утончились, стали напоминать тон-

кие лапки паука.

Гриша крутил золотистый механизм перед глазами, переворачивая вверх дном. Задерживал взгляд, всматриваясь в шестерёнки.

— Чего увидал?

Пальцы Гриши потолстели, с лица исчезла заморозенность, внутренний огонь погас. Он аккуратно положил на стол механизм рядом с деревянным ящиком.

— Пошли спать. Завтра будем в кузне клепать.

— Чего сделаем?

— Отвертки. Одну широкую, а другую тонкую... И у батьки выпросить надо шило.

Утром, чистя денник Шлёгера, Гриша спросил:

— Батько, у нас сколько шиллов сбруйных?

— У меня для такого в голове места нету, — ответил Василий Никифорович. — А тебе за какой забавой? В дупе свербит?

Гриша не ответил. Вышел из конюшни, пошёл в сарай, где Петя собирался терпугом точить зубья-ножи лобогрейки.

— Оставь, — попросил он. — Пойди распали горн. После снеданка пойдём ковать.

Петя насильно меху, но антрацит не занимался. Пришлось его сдвинуть в край горна и разжечь древесный уголь.

Гриша долго рылся в кучке старых подков. Некоторые подносил к уху, стучал по металлу молотком и слушал.

Наконец, вабрал одну, тонкую. Приложил к уху и ударил по ней молотком. В кузнице повисла невидимая звонкая нить, похожая на долгий соловьиный свист.

— От это солидус, — сказал Гриша. Поднёс к уху брата подкову и осторожно стукнул по ней. Снова кузница наполнилась долгой, чистой песней металла.

Разогрели подкову добела.

Гриша отрубил от неё четыре кусочка, длиной полвершка. Бросил в огонь.

Достал один, принялся отбивать. Заготовка удлинялась и худела, превращаясь в толстую иглу. Наконец Гриша отковал на конце её острую лопаточку, выровнял с боков, бросил в воду. Ведро зашипело, выбросив две горсти пара.

Он отковал еще две лопаточки разной длины и ширины. Из последнего кусочка долго ковал что-то, напоминавшее шило.

До вечера Гриша напильником пилит поковки.

Утром, закончив с отцом возиться в конюшне, он уселся за стол в комнате Елизабра. Постелил тонкую тряпочку, на неё положил механизм, рядом изготовленные инструменты.

Сидел дотемна.

Когда сели вечерять, Гриша принёс в столовую часы. Поставил на комодик, Накрутил пружину, поднял большую стрелку к цифре «XII». Из нутра деревянного ящика вырвался двутональный голос, и следом невидимый молоточек, словно по наковальне, ударил семь раз.

Сидевшие за столом от неожиданности повернули головы в сторону часов. Вбежала Дарья Яковлевна, напуганная пронизывающим звоном.

— Чиста шарманка, — заметил Василий Никифорович, не скрывая восхищения.

— Внутри написано «Нортон», — поправил Гриша.

Он перевёл стрелку ещё на полкруга. Снова вырвался двуголосый звон — молоточек ударил один раз. Большая стрелка переползла вверх. Музыка повторилась, только сейчас ударило восемь раз.

Гриша закрыл дверцу часов, повернулся лицом к сидевшим за столом и громко сказал:

— Батько, мне в Онишках Тарас Горбенко... сын того, шо в комнезаме атаманит, сказал... Он из своим батьком у Полтаву ездил хлеб забранный отдавать владу.

— И шо стало? — равнодушно спросил Василий Никифорович, жуя солёный огурец.

— То до них подходил какой-то жид и спрашивал — есть у кого часы на ремонт. Я до того жиду учиться поеду. Не хочу из конями.

— А чем тебе кони не подходят?

— Я прошлым летом упал из Шлёгера. Сильно спину забил. Не болела... А теперь не даёт разогнуться.

— Господи! — мать всплеснула взволновано. — А чего ты Елизару про то не сказал?

— Я коло часов сидел... Ничего не болело. А когда навоз кидаяю, всего крутит от поясницы до головы. Ты меня до жида отвези...

За столом долго молчали.

— Завтра привезу мешок муки, — сказал Василий Никифорович. — Половину отсыплю. А ты, як хочешь до жида, то знай, шо они едят у шапках, а не так, як мы. И у субботу работать упаси. Потому шо шабатом называется. Это они нашу субботу так передразняют.

— Як вы дядька Касьяненко Гандзёй? — весело спросила Маша.

— Тебя в нашем хлеву не доставало! — громко осекла её мать.

— А ты собери себе якой скарб, — сказал Грише Василий Никифорович.

* * *

В Полтаве поехали сразу на рынок.

У первого же встреченного мужика спросили про жида.

— Гершко? — указал вглубь рынка. — Там, унутри. Над дверями ходики намалёваны.

Засыпной деревянный домик дымился тонкой струйкой светло-серого дыма. Внутри маленького окна горели две лампы.

Василий Никифорович постучался. Не дожидаясь приглашения, вошел. За первой дверью ещё одна, обтянутая серым солдатским сукном, и напоминала толстый матрац, набитый ватой.

Дверь с шипением подалась. Изнутри пахнуло теплом.

На голых стенах, оклеенных газетами, висели часы: простые жестяные ходики, ящички, похожие на чемоданы, в середине этой коллекции — огромный циферблат, напоминавший корабельный штурвал. Все эти механизмы тихо цокали, и их звуки, смешиваясь, напоминали бег далёкого потока воды.

В углу топилась печичка, на стальной плите которой стоял чайник, лениво паривший белой струйкой.

У окна стол, на нём две трехлинейки по краям. За столом человек в чёрном пальто, шапке-ушанке, из-под опущенных ушей которой торчали рыже-белые кудряшки пейсов.

— Здрастуйте, добродей, — сказал Беспалый, затворяя за собой дверь. Снял папаху.

— У вас для меня часы? — спросил хозяин, не отрывая лица от механизма, в котором копался отверткой.

— Нет. Я до мастера.

— Так на шо я вам нужный, товагищ? — часовщик отложил отвёртку, повернулся к гостю, не вынимая линзы из глазницы.

— Мой сын изладил бляшаные часы и большие у ящичке. «Нортон», — не без гордости сказал Василий Никифорович. — Они стали тикать и даже дзвонить.

Мастер снял с лица линзу, положил на стол, встал и тихо сказал:

— Я токо купляю, якие не ходют.

— Я до вас из другим делом, добродей. Привёз сына, шоб вы его взяли учиться.

Мастер картинно обвёл взглядом стены мастерской и сказал, выказывая явное нежелание:

— У меня тут не сильно много места.

Василий Никифорович сделал шаг к столу, положил два золотых червонца рядом с линзой.

Увидев монеты, хозяин стал бороться с внутренней неловкостью, захватившей его вдруг.

— А чего до меня? Ви думайте, шо часы можит изделать любой?

— Он дома свои поправил. Сам отвёртки у кузне выбил.

— Ви знайте, хто такой Пушкин? — спросил мастер.

— Читал про Дубровского.
— Я не знаю, хто такой этот товагищ Дубговский, токо скажу, шо господин Пушкин был большой копф¹, — постучал пальцем себя по лбу. Помолчал, глядя то на гостя, то на червонцы. — Токо даже он часы не вмел ладить. Шоб из часы габотать, нада тут, — постучал себя ладонью по груди, — либег² иметь, як до дети. У меня пять дома. И... — мастер указал на стены, — это тоже мои дети. Щумят кажный по-своиму. И усе пгосят кушать...

— Я привёз полклубама белой муки, — сказал Василий Никифорович. — Привезу ищё.

Мастер глянул в окно.

— Это ваший коняка из бгичка? — спросил он.

— Да.

— Кгасивый. Почти золотой. Ви як настоящий пан. На такой кгасоте у нас даже товагищ Гагмыдер не ездит. Откудова ви?

— Оржицкий. Из Солёного Гая.

— Это у вас молотилка?

— Была.

— Изламалась?

— Влада забрала.

— Если у вас ничего нету, — с сожалением сказал мастер, — то шоб было, нада тепег йти на большой догога. У пятом годе гайдамачили. Мой папа и мама убили. Тепег молотилка забигают, — отвернулся от окна. — Позовите ваший сын.

Беспальный вышел, вернулся с Гришей.

— Вам ского годов, молодой человек? — мастер взял пальцы мальчика в руки, стал рассматривать.

— Пятнадцать.

— Читаити, пишити?

Гриша кивнул.

— Хогошо. Токо я попгошу ваший папа, шобы пгивез постель и одеяло. У нашый магазин такого сичас не пгодают.

— Завтра утром привезу, — заверил Василий Никифорович.

— И, молодой человек... Попгосите, шоб он для вас купил мыло. Очень нада. Часы не любит грази у ногти.

Мастер задул лампы. Вытащил из печной трубы заслонку.

— Не дай Бог, загогитя... Это стгашной геволюция... И ищё я вам скажу... Кажный мастег должен иметь свой инструмент. Я пока дам для ваший сын. А у нас есть один дядько... У него был магазин. Там усякий стагый вещи можна было купить. Тепег он торгуит у себя у двоге. Я его устгечу, попгошу, шобы он для... Як тебя зовет, хлопец?

— Гриша.

— Для Ггиша нашёл набог инструмен... Ви купите... Поедемте.

Мастер торопливо схватил золотые монеты, сунул в карман.

6

Весна выдалась лениво-холодной. В первый день апреля, как раз после воскресения, с последними светлыми закатными лучами от юга нагнало на небо черноту. Всю ночь гулкий шал разбойно гонял тяжёлый рыхлый снег. К утру унялся, засыпав порожние поля, начавшие подсыхать, дороги, придавив к земле голые ветви деревьев, почерневшие за зиму стебли бурьяна. Воздух от земли до облаков пропитался холодной, будоражащей кровью брагой весны.

И в этой винно-сброженной влаге от Онишек доносился ясный, чистый колокольный звон, звавший к вечерне...

По свежему снегу, словно по призыву колокола, прискакал Иван Гандзя. Вид у Ивана был радостный, шапка гнездилась на затылке, на лоб вывалился густой сноп

¹ Здесь - умная голова (идиш).

² Либег - здесь любовь (идиш).

чёрных волос, пронизанных кое-где нитями седин.

Подбежал пёс, встал рядом, вертя хвостом, заглядывая просящим взглядом в глаза гостя. Гандзя, затворив за собой воротину, сразу полез в карман, достал кусочек жёлтого прогорклого сала, протянул псу. Тот мигом проглотил подачку и побежал к конюшне.

Иван взбежал на крыльцо. Беспокойно ударил в дверь кулаком.

Открыла Дарья Яковлевна. Удивлённо спросила:

— На дороге золотой червонец нашёл? Или кто маеток¹ подарил?

— Василь де?

— Около печки. Я ему пуншу наварила и на двор не пускаю. Токо от кашля вычу-хался.

— Держи, — Иван в суетной радости протянул конверт. — В Оржицу бегал! На пошту за газетой! И вам письмо дали! — он говорил, тяжело дыша. — И от шо скажу, Дарка! Вашу молотилку видал! Она стоит у дворе пошты!

— Не у «кажанов» разве? — не поверила Дарья.

— Она «кажанам» до задницы!

— Не перепутал? С чего — на поште?

— Жонка Бештаньки на поште атаманить! — раздражённо объяснил Гандзя. — Она мне это самое письмо отдала... А Тряпка, сука, молотилку для себя скрал. И в дворе пошты спрятал.

— Не в своём дворе, а на поште? — удивилась Дарья. — От гнида!

— Потому, шо Тряпка! — объяснил Иван. — Ему молотилка — як нам из тобой синагога. Он из малолетства не знал, с чего дело начинать, с якого боку за него браться.

— До коня всегда подходил сзаду, — согласилась Дарья Яковлевна, — а до бугая — спереду.

— Всегда мерялся мозгами из свинями, — прогудел Гандзя. — Тьху!.. Думаю, забрал, шоб токо кому в дальний повет продать или в соседнюю губернию. Бешеной собаке сто вёрстов — не крюк, — засуетился. — Я побегу... Мария хлопца родила. А я в Оржицу ездил записывать.

— И як без попа записуют теперь?

— Як и при Авдие. По-божьему. Василём записал. Хотели — Лениным или Троцким.

— А разве вы из Марией — жида?

— Сказали, шо Троцкий — не жид, а революционер. А я — против! Записал в деда — Василём. Через неделю в храм понесём. Приезжайте на крестины. Всё ж Василь восприимник у Ганны.

Закрыв за Гандзёй дверь, Дарья Яковлевна пошла в комнату, где на ослончике, прижавшись спиной к тёплому кафелю печи, сидел муж. Зажгла фитиль в лампе, добавив света, уселась под лампой.

— Кто приходил? — спросил Василий. — Опять хто от Тряпки?

— Гандзя письмо от Ивана привёз.

— Читай.

Дорогие мама и папа!

Кажется, мы начинаем жить здравым смыслом. Спешу сообщить. Думаю, к вам ещё не дошли газеты. Ввели спасительный закон. Можно работать на своей земле и на свою семью. Только нужно будет регулярно платить налог — это обязательно, чтобы не дразнить власть. Налоги не такие, как раньше, а монгольско-батыйские: десять процентов. Власть хотела обмануть Бога — не вышло. Я не очень верю, что это надолго. Но теперь можно свободно делать всё с пользой и здравым смыслом.

Думаю, что ты, папа, должен поехать куда-то на Кавказ или на Дон и привести оттуда трёх кобыл. А тебе кони — счастье. Елизар скоро выйдет из курсов фельдшером. Уговори его, и

¹ Маеток - усадьба (укр.).

поезжайте вместе. Так безопасней. Только съезд в Лубны, во власть, получи разрешение на конезавод. Без документов нас всех считают врагами и контриками.

Я пишу диплом в институте. У нас образовалось акционерное общество по строительству мостов. Заведующий кафедрой Виктор Петрович Гонтаровский привёл меня в это общество. Там побещали – после окончания института возьмут на работу. Сколько будут платить – не знаю. Но главное – общество имеет свободные комнаты, где можно жить. Их дом в Еврейской слободе, недалеко от больницы. Её называли раньше Больницей Бродского, а теперь – Первая Советская. Я ходил смотреть. Место очень красивое. Рядом с Киевским Иерусалимом на улице Багговутовской. Храм – заглядение. Но я не заходил внутрь. Боюсь. Кто-то увидит – донесёт. И прощай диплом. У нас было собрание комсомольцев. Одного моего товарища исключили – кто-то написал донос, что видел его в Андреевской церкви. Устроюсь – приедете, посмотрите.

Я вас люблю. Иван.

PS: И очень важное. Запрещается теперь собираться больше пятнадцати человек. Если на свадьбе или крестинах народу ожидается больше, то надо ехать в ЧК и брать разрешение, иначе будут стрелять.

Написал письмо Елизару. Он до половины мая будет учиться.

20 марта 21 г.

Вертя серый листок в пальцах, перебирая в мыслях слова из письма, Дарья спросила мужа вдруг:

– Где справка про молотилку, шо иё дед Никифор покупал?

– У ящичке, де бумажки про налоги, – ответил Василий.

Укутав в одеяла мужа перед сном, Дарья Яковлевна порылась в шкатулке комодика, нашла синюю купчую. И перед тем, как улечься, спросила:

– Завтра у нас воскресенье?

Но, не получив ответа, удовлетворённо задула лампу.

* * *

Утром, подоив корову, напоив телёнка молоком, Дарья Яковлевна пошла в конюшню, сняла со стены кнут и короткую вожжу. Стараясь не шуметь, оделась, – валенки с чунами, меховую душегрейку и тонкий жупан. Долго стояла у дверного косяка кухни в сомнении. Решала – брать «Зауэр»?

«Увидят с двудулкой, – подумала она, – обязательно до «кажанов» сведут. А те – в Гай с «наганами» припрутся. Всё порвут, шо голодные волки».

Убедив себя не брать ружьё, ушла в Онишки.

У Гандзей собирались завтракать.

Мария возилась у печи, семилетняя Дуся – у стола. Трёхлетняя Анна в ожидании еды сидела на широком топчане, словно охраняла спящего младенца Васю.

Хозяйка, увидев в такую рань Беспалиху, испугалась.

– Ты чего, Назарета? Шо-то случилось?

– Иван де? Я до него.

– В хлеву, наверно, чистит.

Дарья Яковлевна ушла во двор – Иван шухлей¹ выбрасывал навоз.

– Волы живые? – спросила она.

– Вот чищу после их, – ответил Гандзя, не удивившись появлению Беспалихи.

– Дай их мне.

– Гляди, в Оржицу дорога скользкая, – с пониманием сказал Иван. – Одна пойдёшь? Тряпки не боишься?

¹ Шухля - совковая лопата (укр.).

— А с Василём идти нельзя. Он обязательно двудулку возьмёт. Его лихоманка трясти начинаит, когда про владу слышит. Я туда... и потихоньку у Гай. А вечером Гришка или Петро пригонят волов назад.

— Жди, ярмо вынесу.

— Только шкворень для дышла не забудь, — попросила Дарья Яковлевна. Взяв в руки вожжу, чтобы вести волов, сказала: — Тебе, Гаврилович, спасибо за письмо. На душе песня. И от чего мой Иван написал... У тебя крестины... А влада, он пишет, запрещают собираться больше чем пятнадцать человек.

— Скоро и с женой запретят спать, гниды! — возмутился Гандзя. — Шо за мерзопакостность на наши головы?!

— Мерзость, не мерзость... А ты гляди, шоб на крестинах «кажаны» людей не постреляли. А то «за здравие» выйдет — «за упокой».

— А про это в газете не пишут, падлы! — Иван сплюнул. — С них, як с гуся вода. Им ничего, а нам от их одни слёзы. А за молотилкой ты вовремя. Москва якой-то «неп» придумала. В газете написано — теперь можна своё хозяйство начинать. А чего нельзя — не пишут. Значит, у газетных словах токо половина правды. Они там, на Москве, научились иё прятать глыбоко, як золотой червонец у навоз.

— Зачем у навоз? — рассмеялась Дарья Яковлевна.

— Шоб такие, як мы, у их говне не искали.

Молотилка стояла между полупустой дровяницей и нужником. Присыпанная недавним мартовским снегом, напоминала сарай, только маленький. Её выдавало привязанное к мотовилу дышло, поднятое к небу железным концевым захватом.

Дарья Яковлевна отвязала дышло — оно упало в мокрую жижу. Привязала к захвату вожжу, бросила ее в ту же лужу.

Подвела волов. Они привычно встали по обе стороны дышла. Перебросила вожжу через ярмо, подняла дышло, вставила шкворень.

«Слава Богу! — облегчённо вздохнула она. Только сейчас услышала, как гудит сердце, заставляя всё делать быстро. — Получилось...»

Взялась за вожжу, повела волов со двора.

Когда шла в Оржицу, дорога казалась твёрдой, укатанной и быстрой. Сейчас земля стала почему-то неровной, скользкой. Машина катилась медленно, скрипела в осях и, соскальзывая с бугорков, сгребала ободами грязный снег, цепляя дышлом волов за бока.

В пяти верстах за Оржицей встретились двое мужиков — вели навстречу пару волов в ярме.

В одном Дарья Яковлевна угадала Зосима Бесштанька.

«Несёт нелёгкая!» — со злостью подумала она.

— Ты куда советское тянешь? — нервно крикнул Зосим. Встал между мордами волов, закрывая собой мужика, словно прятал.

— Своё! — ответила Дарья Яковлевна.

— Оно теперь народное. Выпрягай!

— Мы, Тряпка, тоже газеты читаем. Негу уже твоего права грабить. Кончилось! — уверенно сказала Дарья Яковлевна. — Ты меня до Гармыдера поведи. Я ему купчую на молотилку покажу... И мандат твой на реквизицию. Из им теперь до ветру только сходить. Иди с дороги!

— Тётка, ты откуда? — растерянно спросил мужик, ведший волов.

— Из Солёного Гая.

— Ты, Зоська, про молотарку Беспалого изо мной торговался? — спросил мужик растерянно. — Или у тебя ищё одна в дворе стоит? Так тебя у мироеды пора записывать.

Бесштанько молчал, переминаясь с ноги на ногу.

— А ты, дядько, иё купить хотел? — удивлённо спросила Дарья Яковлевна у мужика.

— Купить — дело Божее. Вот веду волов в дышло ставить.

— Она же краденая.

— Як краденая? — растерянно спросил мужик.

— Она советская! — выпалил Бештанько, подавившись глотком прохладного воздуха. — Для бедноты...

— Выходит, Зоська, я тебе за краденое десять мешков зерна даю, — обиженно сказал мужик, — а ты меня у буцегарню, як шахрая? До Гармыдера в «кажанку»? — и крикнул, словно вырвавшийся из рук кот: — Ах ты гнида! На весь свет ославил. Як мне теперь людям у глаза смотреть?! Про эту молотарку у всей губернии гомон. Якое дитё не спроби — скажит... Я чужого вовек не брал ни при Николае, ни при Диникине и Махне! А из вами я бандюгой сделался!

— Ты этот хлеб от советской власти спрятал! — огрызнулся Бештанько. — И по закону обязан отвезти до губсовета!

— Так чего хлеб не у Полтаву, а тебе у двор? — нервно спросил мужик. — Я завтра туда его отвезу! На улице возле «кажанов» сяду и начну всем раздавать. Може, меня Бог простит после! Ты, тётка, звиняй. Знал бы, у это говно не полез... Прости, Господи! — перекрестился, развернул волов и пошёл по дороге, бубня: — Я человеком был... А теперь хто?.. И не замолю... Ой, не замолю...

7

Через неделю привезли Елизара. Он вбежал в дом весёлый, радостный. Долго мыл руки.

— И ты про молотарку знаешь? — спросил Василий, когда сели в столовой.

— Нет.

— А с чего ты такой, точно конопли нажевался?

— А шо из ней? Иё же забрали.

— Дарка назад прикатила.

— Это как?

— Бештанько скрал. Перед революционным днём припёрся из солдатами и увёз, — напомнил Василий Никифорович. И добавил: — Меня побоялась брать воевать из Бештаньком.

— А сейчас где машина?

— В сарае Петро шмарует¹ оси, зубья и галля².

— Правильно сделала, шо не взяла тебя из твоей болячкой... Не кашляешь?

Вдруг за спиной Елизара ударили часы. Отбили девять.

Елизар посмотрел на Василия удивлённо, медленно повернулся к окнам.

— Гришка наладил, — с гордостью сказал Василий Никифорович.

— Чистая колокольня, — заметила Дарья Яковлевна, внося в столовую еду. —

Хоть храм заместо отца Авдия освящай.

— Почему заместо? — спросил Елизар.

— Ты до Лубен подался, а он, сердешный, на другой день возьми да и пристався.

— А хто заместо него?

— Неизвестно. Сын подался кудась сразу, на сорок первый день... Из всем семейством.

— Господи, на всё твоя воля! — Елизар перекрестился. — А Гришка где?

— У Полтаве. До тамошнего Гершка на часовщика учиться поехал.

— От это дело! — весело сказал Елизар. — Хватит волам хвосты крутить... «Белоголовая» есть? А то я разбавленный спирт пить не могу.

Когда выпили, Елизар вынул из кармана гимнастёрки серый листок. Развернул.

— Иван письмо прислал.

— И нам, — сказала Дарья Яковлевна. — Про якой-то «неп» написал.

— От и я про него, — Елизар стал читать: — «Дорогой мой брат и дедушка Елизар Корнеевич...» — Ну, дальше не про нас. А вот... «Наконец, здравый смысл берёт верх. Хочет верить — это навсегда. Попрошу тебя съездить в Гай и уговорить нашего отца купить кобыл. Ты же знаешь его. Он свои мысли носит с собой, как квочка яйцо. Только та кричит после, как снесла, а он будет молчать. Боюсь — этого молчания его

¹ Шмаровать - смазывать маслом трущиеся детали механизмов (укр.).

² Галля - велосипедная цепь (укр.).

сердце не выдержит. И вот что я думаю: приедешь, соберите зерно, отвезите в Сорочинцы. На вырученные деньги купите трёх кобыл... Или на сколько хватит денег. Иначе ни у него, ни у мамы Назареты жизни не будет...»

Елизар сложил письмо, сунул в карман.

— От ддя этого я приехал.

— Так, Еля, у нас зерна нету, — скучно сказала Дарья Яковлевна. — У мужков влада все вымела подчистую. А то, шо мы прятали, раздали по дворам... Теперь надо ждать до жнив... Конешно, если вернут... Я уже сомневаться начала про это.

— Поедем! — сказал Василий Никифорович. — Чего на николаевках, як квочке на яйцах, сидеть. А потом на лашатах новые заработаем.

В Сорочинцы приехали, когда солнце уже крепко оторвалось от земли и наполнило на серое небо.

Привычной толкотни не было. По осенне-весенней одежде приехавших, нераспряжённым коням и волам было понятно — люди на ярмарке только до вечера.

— Ты, Василь, погуляй около коляски, — сказал Елизар, — а я пробегусь. Прознаю, про шо народ шумит.

Распахнул шинель перед тёплыми лучами утреннего апрельского солнца, пошёл меж возов.

Солнце по-весеннему бесцеремонно разгоняло серые утренние облака, накрыв ярмарку прозрачно-тёплым покрывалом.

Василий Никифорович опустил крышу в коляске, подставил лицо солнцу.

— Шо торгуешь, дядя? — подошли два молодых парня в кепках, пиджаках, надевших на чёрные косоворотки.

На руках у одного Василий Никифорович разглядел чёрно-синие наколки, похожие на те, какие видел на махновце, приезжавшем с гуляйпольцами в Гай. Разговаривать с ними не хотелось. Стал думать, как их отвадить.

— Из откель буишь? — спросил второй.

— Из Потавы, — и стараясь опередить следующий любопытствующий вопрос, расхлябанно добавил, бросив ногу на ногу: — Товарищ Исай Рувимович приехал покупать жеребца.

— Это хто ж у нас такой? — спросил человек с наколками.

— Товарищ Гармыдер. Он просил сказать, шо як вас увижу, передать, шоб вы его дождались.

Парочка молча ушла.

Беспалый заглянул под сидушку облучка, проверяя, не исчез ли куда «Зауэр». Впихнул в стволы два патрона шрапнели, положил ружьё за спину, рядом — ягдаш. Накрыв всё попонкой.

Елизар вернулся часа через два. С ним пришёл мужик лет пятидесяти, заросший белой щетиной, в длинном тонком армяке, странной большой кепке, сшитой из чёрной мерлушки. В руке держал блестящий шкворень из ярма. Смотрел он нервным взглядом.

— Садись, — предложил Елизар гостю.

Тот запрыгнул в коляску на облучок. Шкворень в руке гостя подрагивал. Елизар уселся рядом с Василием Никифоровичем... Чувствовалось — всех троих пронизали настороженность и недоверие.

— Пан из Ставропольской губернии... — Елизар посмотрел на гостя.

— Медвеженского уезду мы. Хутор Покровский. Мы коло ростовских. Они от нас десять верстов.

— Приехали за яровым зерном, — пояснил Елизар.

— Не поздно? — спросил Василий Никифорович.

— Позновато, конешно. Так токо десять дён, як «чеканы» выехать дозволили. От мы уже девятый день по базарам ездим. В Сальске зерна не было. В Ростове всё, падды, перед зимой вымели... До вас приехали.

— А вы скоко мешков брать удумали? — поинтересовался Василий Никифорович.

— Полсотни.

— Так это три подводы под волов. А до вас не ближний свет.
— Три дня, — пожаловался ставрополец.
— У них другое горе, Василь, — сказал Елизар. — У них три кобылы жеребые. Серой масти. С белыми носками в две ладони. И без капли белого на морде. Они на обмен их привезли.

— Всем хутором выбирали! — вставил с волнением ставрополец. — А порода терская. Пошти ахалтык. И никто менять не хочить. За гроши токо. Так де их набрать после осени... Продавать было нечего.

— Ты кобыл видал? — спросил Василий Никифорович у Елизара.

— За трёх никто стоко мешков не отдаст, — уверенно сказал Елизар. — Я спрашивал около возов. Самое большее — тридцать.

— Так они все три жеребые! — выпалил мужик, трясая перед лицом Елизара шкворнем. — На середину мая стригуны будут! Специально выбирали, шоб у дороге не сталась такая обуза! И ахалтык.

Василий глянул на Елизара. Тот кивнул и добавил:

— Все с пробками. Заглядывал.

— Тогда, добродей, иди за подводами. Будем покупать тебе зерно.

Ставрополец пошёл, переходя иногда на бег.

— Ты добре разглядел кобыл? — спросил Василий Никифорович.

— По зубам — четыре-пять лет, — ответил Елизар. — Дядько говорит — первый раз под жеребцом.

— Ну, Елизар, на тебе усё, — с осторожностью сказал Василий Никифорович.

— Сейчас надо про другое. У нас червонцы. А мужики боятся их брать. «Кажаны» расстрелом пугают. У Миргороде за мену двоих расстреляли. Бабу и мужика. И не поглядели, шо у той бабы двое малолеток. А «кажанов» тут, шо блох на собаке.

— Возьмём зерно, — сказал Василий Никифорович уверенно. — Я знаю, шо делать.

Через полчаса приехали три подводы. Одну за оброть потянули меж возами с зерном. Два ставропольца выбирали, заглядывая в мешки, нюхая зерно. Один даже принимался жевать, сплёвывая. Перегружали с воза на воз.

Василий Никифорович подошёл к возу, из которого взяли зерно.

— Я — Беспалый, — назвалса он хозяину. — Из Солёного Гая.

— Знаю. Слышал.

— Николаевскими возьмёте?

— Упаси Бог! — мужик отстранился от Беспалого.

— Жди часа два, — отвёл в сторону Елизара. — Я гайну, выменяю монеты на бумаги.

И ничего не объясняя, погнал Шлёгера в сторону Лубен.

***

В маленьком дворе одноэтажного кирпичного дома, крытого железом, стоял человек в чёрной широкополой шляпе, из-под которой к груди спускался поток седых волос, в чёрной жилетке, белой рубашке навыпуск и штанах, у которых были отрезаны концы штанин, выказывая чёрные вязаные носки.

— Дядьку! — позвал Беспалый. — Мне нужен пан Гилельс.

Старик неспешно подошёл к калитке, присмотрелса оценивающе к коню и коляске, спросил недоверчиво:

— А на шо он вам нужный?

— Я — Беспалый. Сын Никифора Корнеевича из Солёного Гая. Пан Гилельс у нас конюшню, хлев и сарай ставил. Пан Шабтай тут живёт?

Старик долго вспоминал, где Солёный Гай. Вспомнив, заулыбалса в бороду.

— Это я Щаптай Гилельс, — принялся оттирать калитку. И впуская гостя, спросил: — А пан Никихфог живые?

— Убили калниболотцы в семнадцатом.

— Я думал, — сказал старик, — шо тут токо евгееф вбивают. Я ездил у Киев унука до гимназии отдавать. А без меня жену и дочку вбили. Я тепег один из унуком. Если вам, пан Беспалый, нужные дошки, так тагтаки у меня нету больше. Ми у дво-

ём.

— Дорогой пан Шабтай, — сказал Василий Никифорович. — У меня до вас не сильно любезное дело. Не знаю... Надумал я снова коней купить. В Сорочинцах добрых кобыл приглядел.

— У вас, пан Беспалый, монеты Его Императорского величия?.. А за их хранение растел. Я правильно понимаю? Ви знаете, за шо вбили моих Двойру и Рахиль? Пгишли до меня искать золото. А моя девочка спгосила у «кажанов»... «Зачем вам чужие деньги?» А пан Гармыдег, шо у Полтаве, сказал... он стгоит коммунизм. А моя Рахиль: «Без денег токо шлемазлы стгоят»... И тепег я один из унуком.

— Монеты по десять рублей.

— И вам нада бамажные мильёны...

— Мужики за золото не отдают.

— Мир перевегнулс! Золото мужику не нада. Гевулд! И шо я вам скажу... ви смелый человек. Из золотом по нашим дорогам?

— У меня «Зауэр» из собой.

— И ского ви хочите пгодать чегвонцов?

— Шестьдесят.

Гилельс долго молчал, кивая.

— Шо я вам скажу, пан Беспалый, — начал старик. — Вы мне отдадите золото... А як я могу быть увегеным, шо до меня у ночь не пгидут из топогом, як пгишли до Волчика?

— Пан Шабтай, — Василий Никифорович начал негромко, но уверенно. — Мой батько до вас из уважением. И я. Меня мужики в Онишках в старосты звали... Я им всё зерно своё отдал на сев. Тепер с одним мешком муки. Токо от шо я скажу... До людей у меня, шо до собственной мамы... царство ей небесное. И шо я был у вас, никто не узнаит.

— Ждिति, — Гилельс взял монеты, пошёл в дом. Вернулся, держа в руках толстый предмет, завернутый в белую тряпочку. — Ви запрачте это до себя у пахву¹. Эсли ище будит желание поменяться, пгизжайте.

Взяв свёрток, Беспалый поблагодарил Гилельса. Отворив калитку, остановился. Повернулся лицом к уходящему Шабтаю и громко окликнул его.

— И шо ище?

— Пан Гилельс... Я вам заплачу... Нам до Солёного Гая усю ночь бегти. Вы сами сказали — на дороге страшно. А ночью... Мы до вас переночевать у вечер?

— А хто — мы?

— Брат нашый Елизар.

— Эсли мой конюшня уместит стоко кони... токо шоб потом пгибгали.

В тряпке были завернуты бумажные купюры достоинством в тысячу рублей. Василий Никифорович, в сопровождении Елизара, который вёл за собой Шлёгера, прошёлс вдоль возов. Рассчиталс с продавцами.

И спросил у Елизара:

— А де зерно?

— Отвезли. Ждут нас. Кобыл показать.

— Поехали.

В хате, на окраине Великих Сорочинцев, за столом сидели пять мужиков. На столе стояла сулея самогона. Рядом с ней прямо на потемневших досках нарезанное сало и куски хлеба.

Ставропольцы громкой радостью встретили Беспалых. Один из них взял сулею, желая налить.

— Кони де? — спросил Василий Никифорович. — Покажите.

Из-за стола вышел тот самый мужик, с которым договаривались в коляске. Повёл в конюшню. Тут, действительно, стояли три молодые кобылы с верёвочными недоузками на голове. Две пепельные с желтоватыми гривой и хвостом; одна вороная с четырьмя белыми носками выше копыт в две ладони высотой.

¹ Пахва - здесь нижняя часть живота (укр.).

— Принеси уздечки, — попросил Василий Никифорович Елизара.
Подошёл к вороной, снял с неё верёвки, принялся чесать за ушами. Конь привычно наклонил голову.

«Приученный», — удовлетворённо отметил Беспалый.

Взял у Елизара уздечку, набросил на голову, не пробуя вставить в рот трензель, пристегнул подбородный ремень к суголовному — конь стоял смирно. Выводя кобылу, сказал тихо Елизару:

— Быстрей.

Подвёл коня к правой оглобле Шлёгера. Крепко притянул повод к гужу. Жеребец, почувствовав рядом кобылу, дёрнул головой, заломил уши, обнажил крупные жёлтые зубы.

— Гляди мне! — Василий Никифорович пригрозил коню кнутом. Поставил кобылу, поднял ей хвост и, увидев пробку, счастливо выдохнул: «Не сбрежали».

Двух кобыл привязали длинным поводом к быльцам справа и слева от коляски.

— Возьми две охапки сена коням на ночь, и погнали! — приказал Василий Никифорович.

Схватил вожжи, выехал со двора.

— Куда бегим на ночь глядя? — спросил удивлённо Елизар, мостясь рядом с Василием Никифоровичем. — Нам бы пожрать чего.

— Быстрее прибежим, больше проглотим... — загадочно объяснил Василий Никифорович. — Тут нельзя оставаться...

— Мужики ждали нас, — недовольно сказал Елизар.

— От то и оно! — выпалил Василий, послав Шлёгера в галоп. — Сам подумай... Мужики — злыдни¹. Добрых коней на верёвочном недоуздке триста вёрстов гнали! И знают, шо у нас николаевки. Як увидал я сулею не начатую... и тверёзый народ коло неё... Это якой дончак или наш казак, хоть и ставрополец, два часа, пока я яздил гроши менять, будет на первак глядеть после доброй покупки? — повернул лицо к Елизару, придержал жеребца. — Нас, братец, специально ждали. Значит, до утра не дожили бы...

8

Вторую неделю лил дождь. Стоя у окна, Василий Никифорович улыбался, радуясь этому.

Как только дождь прекратился, он пошёл в сарай готовиться к севу. Утром поставил в бричку Шлёгера, бросил два мешка овса, посадил Петра, дал ему в руки вожжи.

— Не сильно гони, — попросил.

Выехали на поле.

Петя ослабил вожжи. Жеребец с усилием тянул бричку. Василий Никифорович брал из мешка овсяные зерна жменями, широким жестом сыпал между следов колеи.

Когда высыпал два мешка, приказал сыну ехать домой.

— А люцерну когда? — спросил Петя.

— Как подсохнет.

Въехали во двор.

— Поставь коня, — попросил Василий Никифорович. — У меня поясницу ломит. Полежу.

Петя освободил оглобли от хомута, повёл Шлёгера в конюшню.

Проходя мимо только купленной пепельной кобылы, глянул в денник. И, бросив жеребца с упряжью посреди конюшни, взволнованный помчался в дом.

— Батьку! — крикнул он. — У новой кобылы лошатко! Серое... у пятнах! Ну, чистая зозуля².

Все в радостном порыве бросились на конюшню.

¹ Злыдень - нищий (укр.).

² Зозуля - кукушка (укр.).

Кобыла жевала. А у её правой задней ноги, подсунув морду под живот, стоял жеребёнок и сосал вымя. Лошадь топтала копытами задних ног послед.

— У нас таких не было, — сказала Дарья Яковлевна, не скрывая неожиданного испуга. — Чужак.

— Мать — заглядение! — с восторгом сказал Василий Никифорович. — Серый, шо пепел, и из пятнами. И правда, чиста зазуля. Главное — шоб кобыла, — он присел и посмотрел под живот жеребёнку. — Слава Богу, не мерин!

Шлёгера поставили в простой денник, а на его место поставили вторую кобылу. Василий Никифорович сбегал в сарай, принёс топор и гвоздоёр. Принялся снимать доски между соседними денниками, делая из них один. Поставили туда вороную.

— Жалко, шо Елизар уехал, — посетовал Василий Никифорович. — Такой праздник прозевал.

— Лучше всякого Первого мая, — поддержала жена.

Появление двух жеребят наполнило Солёный Гай счастьем, как пересохший ручей ливневой водой. И в радости ждали третьего.

Даже когда сажали картошку и капусту, поочерёдно бегали с огорода в конюшню справиться — не появился ли на свет жеребёнок. Но вороная кобыла гуляла в леваде, словно забыла, что ей пора разрешиться от бремени...

Однако радость у Василия Никифоровича сменилась нервозностью. Ходил подавленный, гоня шпиков, непрерывно бубнил:

— Обдурили, суки! А ищё и могли убить, ироды!

Перед сном приходил с лампой в конюшню и нехотя возвращался, загасив фитиль. Третьего мая он, отчаявшись, весь вечер бродил по пустому двору. Уже полночь, заглянув в денник, плюнул со злостью. На кухне достал «белоголовую», плеснул полстакана, выпил. Запил водой, отправился спать.

* * *

А в Онишках комнезамовские мужики и несколько баб гуляли Первомай. Веселились за большим столом на площади возле закрытого храма, под огромным пятном тени цветущей черёмухи. Провозглашая тосты за будущий артельный урожай, пели революционные песни, при этом только первый десяток слов — продолжения никто не знал. И в неуёмной вере будущего успеха коллективного труда ждали мешков с пшеницей. Их осенью обещал привезти уполномоченный Лубенского райкома КПБ(У) — как компенсацию за посевную рожь, сданную артелью в помощь ту-рецкой революции.

В ожидании веселились и третий день.

Только в мёд комнезамовского веселья онишковские мужики плеснули ложку дёгтя — потянулись на поля сеять.

Артельщики поменяли тему разговора — стал доносить обидный вопрос: откуда зерно у обобранных онишковцев?

«От революции попрятала, контра!» — не скрывая злости, объяснил председатель Горбенко.

Да и третий день застолья-ожидания комнезамовцам испортила старушка-мать председателя, умершая накануне. Чтобы не паскудить мировой праздник, Горбенко приказал хоронить её ночью. Отпевали без батюшки на краю могилы в свете ущербной луны. Самого председателя не было. Он лежал пьяный на куче прошлогоднего сена в пустом хлеву.

Веселье могло продолжаться ещё, но спас всё-таки райкомовский инструктор — привёз на пароконной коляске три мешка фасоли и три — гороха. Объяснил, что район не располагает посевным зерном пшеницы для онишковской артели комнезама в связи с назревающей революцией под самым боком Полтавской губернии — у венгерских модяров. И укатил в район.

Стоя у мешков с горохом и фасолью, Горбенко и Куць выматерили инструктора, И согласились друг с другом — если не пойдут на «паперть» с протянутой рукой, останутся без хлеба.

Решили идти в Солёный Гай.

* * *

Утро выдалось солнечным. Тёплые лучи, пробираясь между молодой листвой, заставили соловьёв громко пересвистывать один другого.

Василий Никифорович взял косу, пошел на дальнюю леваду косить. Принёс свежую траву корове и телёнку. Набросал гору у ворот конюшни. Выгнал кобыл и жеребят в дальнюю леваду, Шлёгера выпустил в ближнюю. Наносил воды. Принялся чистить денники. Когда очередь дошла до вороной кобылы, он встал у воротины денника, долго смотрел на безмятежное стояние жующего коня. Впервые не захотелось чистить денник, точно перед ним было не безвинное животное, а присланный злодеем чёрт из преисподней. Но пересилив себя, вошёл, выгреб остатки сена, сменил подстилку — вместо прошлогодней соломы набросал свежескошенной молодой травы.

Вернувшись в дом, отворил окна на веранде, уселся у одного, стал слушать соловья: дробь и сменявшая её бесконечная нить трели заставили закрыть глаза — захотелось увидеть птичью музыку. Но вместо песни в темноте мимо него проскакала чёрная кобыла. И понял — конь убегает навсегда. Почувствовал, как по короткой щетине щёк медленно сползают слёзы... Выгирать не хотелось. Вспомнились мягкие, успокаивающие слова матери, когда он, мальчишечка, ушибившись больно, приходил за ласковыми, сладкими словами: «Ты, Василёк, поплачь. Всё легкой будит. Из слезами и беда бегит из души без боли...»

Подошла Маша.

— Батьку, а за шо вы плачете?

— Я, доню, не плачу. То у меня глаза болят. А разом из слезами боль из души легкой идёт.

— А у меня есть душа?

— Она у всех людей есть... — и тут же поправился: — Почти у всех.

— А где она у меня?

Василий Никифорович прижал к себе дочь и шепнул ей на ухо:

— То великий секрет. У каждого она в потайном месте. И если про то место другой человек прознаит — тогда беда. Про кого знают, про них говорят — «бездушный человек».

— А у собак душа есть?

— У хороших есть. У нашего Чёрта была... И у Беса...

— А у кисков?

— У котов особенно. Наш Попелок всегда из нами спит.

— И со мной, и с Петей. А у лошадей тоже душа есть?

— У лошадей обязательно.

— А про это они знают?

— Все про себя всё знают. Токо душа не дозволяйт рассказывать, шобы иё не...

— Пошли есть! — разговор перебил требовательный голос Дарьи Яковлевны из столовой.

Мать сварила пшённой каши, заправила жареным луком, поставила пред каждым чашку с молоком.

— Мне кислото, — попросил Петя.

— Опоздал малость, — объяснила мать. — Вчера предлагала. Ты не захотел. Я всё поросьятам вылила.

Со двора донёсся тревожный собачий лай.

— Кого несёт нелёгкая спозаранку? — недовольно спросил Василий Никифорович.

— Еля приехал! — радостно предположила Маша.

— Наши собаки на своих не кидаются, — Василий Никифорович подошёл к окну. Долго всматривался в тёмные фигуры у ворот и недовольно сказал: — Нам токо ком-незама не хватало у дворе!

— Невже Горбенко? — предположила Дарья Яковлевна.

— И Куць.

— Из своим выводком? — неприязненно спросила жена. — Гуртом ходят, точно

родного батька бить собрались. Побирušки! Не дадут поесть по-людски.

— Ты, мать, не греми на людей! — сказал Василий Никифорович.

В прихожей он подвязался тонким кожаным шнурком. Надел пиджак и картуз.

— Из добром или с горем? — спросил гостей.

— Беда, пан Василь Никифорович, — ответил Тарас Куць, пожимая руку в ответ.

— У тебя дитё заболело? Так Елизар у Лубны гайнул. Там у него экзамены у школе.

— Мы про другое... Дай нам зерна... як ты дал нашим онишковцам.

— А вашее де? — с детской наивностью спросил Беспалый.

— Осенью райкому отдали... для мировой революции.

— Иё не стало, а хлеб — тю-тю? — сказал Василий Никифорович.

Вид у комнезамовских атаманов был недобрый. Глаза бегали по сторонам, не имея сил встречаться со взглядом Беспалого.

— Я не сею хлеба, панове товарищи, — сказал Василий Никифорович. — До осени сам побираться буду. И молотить снопов нечем. Ваш гайдамака Бештанько молотилку скрал... для мировой революции.

— Так мы завтра пригоним назад! — в один голос выпалили гости. — Революция не издохнет...

Разговор прервал громкий крик Пети от конюшни:

— Батько! Бегить быстрее! Вороная черного народила!

Василий Никифорович стрижом сорвался с места.

— Гляди, — сказал Горбенко недовольно Куцю. — Старый, а кидается, шо той шулика¹ за мышей.

— Нам якая разница? Дал бы зерна. А то из голоду подохнем из-за московской революции.

— А шо зерна нету — брешит! — уверенно сказал Горбенко.

На зелёной траве лежал неворожденный жеребёнок. Мать стояла рядом и тщательно вылизывала его. Маленький, чёрный с белой полосочкой на месте гривы и белым хвостиком, он беспрерывно поднимал голову и, выбросив перед собой ноги с крохотными белыми носочками, пытался встать. Но голова тянула вниз, а ноги разъезжались в сторны.

Василий Никифорович смотрел на беспомощную лошадку в счастливой растерянности, стараясь найти подтверждение своей радости на лицах жены и детей, даря им детскую улыбку. И вдруг выбежал из конюшни.

Подбежал к комнезамовцам и, задыхаясь, крикнул:

— Ждите! Будет вам зерно! — убежал в дом. Вернулся, держа в руке что-то, завернутое в белую тряпочку. — Святой сегодня день! Господь не дозволит перед Троицей отказывать тем, хто на паперти. — Протянул тряпочку Куцю. — Тут мильёны. Як раз на десять николаевских червонцев. Завтра гайните у Сорочинцы. Там дешевше всего. Мешков пятнадцать купите. Як добре будете торговаться, то и больше. Осенью зерном отмолотитесь. А меня звиняйте... Нету часу разговаривать. Дело ждёт...

***

Елизара привезла большая рессорная коляска, запряжённая парой лошадей. С кучером.

— Я завтра приеду, — громко сказал он кому-то, сидевшему в коляске.

Кучер дёрнул вожжи, посылая коней в аллюр.

Первыми Елизара, как всегда, встретили собаки.

На нём распахнутая шинель, в которой уехал из Гая в январе. В руках чёрная папаха и коричневый саквояж.

— Коляска панская... — заметил Василий Никифорович. — Ты хто теперь?

— Теперь я — о-го-го! — рассмеялся Елизар. — Сам оржицкий партийный секретарь привёз. Это он был. С кучером... за мной в Лубны приехал.

— Было для чего революцию делать, — хмыкнула Дарья Яковлевна, провожая

¹ Шулика - коршун (укр.).

взглядом коляску. — Такие паны просто так за холопами не ездют. Як до нас приехал становой Матвей Иванович, то Никифор Корнеевич знал — будит просить коня за полцены.

— Или наказ — все на войну, — добавил Василий Никифорович.

— Я бы всех коней отдала, — заявила Дарья Яковлевна, — токо шоб иё, клятой, не было около нас. И доплатила бы.

— Если Москва дозволила коней разводить, — неулыбчиво заметил Елизар, — это токо для войны.

— Накаркаешь! — недовольно отрубил Василий Никифорович.

В столовой Елизар подошёл к часам.

— А «Нортон» тикает?

— Из им теперь, шо из Богом около уха, — отетил Василий Никифорович.

— Они — икона? — спросил Елизар, смеясь.

— Пошти. Бьют. Я теперь по их звону до коней хожу.

— А давно к Гришке ездил?

— У марте. Возил муку Гершу. Собрался после Троицы ещё отвезть... Герш хватил хлопца. Оставил его около себя. Купил ему монокель на глаз и набор отвёрток.

— Гляди, Василь, как бы обрез?ть Гришку не пришлось, — рассмеялся Елизар.

— С чего? — недовольно спросил Василий Никифорович. — Мы — православные, в синагогу не ходим.

— Так у Герша Хаймовича пять девок. Их куда-то девать надо.

— Якие девки? Хлопцу токо пятнадцать минуло.

— Молодые на часы не глядят. И вообще, шо мы про жида? У нас сегодня свой праздник, — передал саквояж Василию Никифоровичу. — Гуляем!

— Знаешь, когда приезжать, — заметила Дарья Яковлевна. — На обед.

Елизар вынул из саквояжа квадратный прозрачный штоф с белой жидкостью, закрытый притёртой пробкой.

Когда выпили по рюмке, Василий Никифорович сломал лицо недовольной гримасой.

— Это шо за самогон?

— Спирт. Сам разводил. Водки... как Николай Александрович запретил, так и не продают. Пиво варят. Так его до носа подносить нельзя, а не то шо пить. Тхнёт мылом.

— Вылей этую гадость! — Василий Никифорович достал из буфетика недопитуую бутылку «белоголовой».

Когда выпили и принялись заедать салатом из раннего щавля со сметаной, спросил:

— А этот секретарь шо от тебя хочет?

— В Оржице шпиталь будут делать. Меня, как фельдшера, на него ставят. А в Онишках — медицинскую точку. Я четыре дня в Оржице, два — в Онишках. И шестьдесят целковых, — достал из саквояжа сиреневый листок. Протянул Дарье Яковлевне. — Читай, Назареточка. Я теперь почти доктор.

— На должность заступаешь? — спросила Дарья Яковлевна, приставляя к глазам листок. Тяжело вздохнула. — Ой, боюсь я таких бумаг.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ УССР

Полтавский губернский отдел

Лубенские фельдшерско-акушерские курсы

А Т Т Е С Т А Т

Выдан *Беспалому Елизару Корнеевичу*

в том, что он прослушал курс и выполнил практические занятия на трёхмесячных фельдшерско-акушерских курсах с отметками по специальным предметам:

История коммунистического движения 3 (*удовлетворительно*)
 Русский язык и литература 4 (*хорошо*)
 Латинский язык 4 (*хорошо*)
 Анатомия 5 (*отлично*)
 Основы терапии 5 (*отлично*)
 Основы педиатрии 5 (*отлично*)
 Основы хирургии 5 (*отлично*)
 Основы фармакологии 5 (*отлично*)
 Основы фармакогнозии 5 (*отлично*)
 Основы акушерства и гинекологии 5 (*отлично*)

Составом испытательной комиссии принято решение признать Беспалого Е.К. способным к самостоятельной работе и присвоить звание *приват-фельдшер (ротный, эскадронный фельдшер) общей практики.*

Персональная печать выдана.
 Начальник курсов приват-доцент Янкевич И.М.
 Секретарь ячейки ВКП(б) тов. Прищепа В.Т.

— А это шо за загадка такая? — спросил Василий Никифорович, глядя на Елизв-ра поверх очков. — «Печать выдана».

Елизар достал из саквояжа кожаный кисетик и маленький листочек. Вытряс из кисета что-то, напоминавшее опёнок на толстой короткой ножке. Подышал на шляпку и ударил ею о листочек. На бумаге остался сине-тёмный оттиск.

— Такое самое, як у Гандзи в царине, — сказал Василий Никифорович, глядя на печать.

— И куда иё ставят? — спросила Дарья Яковлена. — Василь себя надул радостью, шо вы коней справных купили. Уже решил для их тавро выковать.

— На рецепты. Я напишу название порошка. Поставлю печатку. И в любой аптеке провизор отпустит. Моя кругляшка — самое тавро, только медицинское. У Василья — кони справные, у меня — свой шпиталь в Оржице — это и есть праздник... Как говорит наш Иван, он же Васильевич, — здравый смысл пересиливает даже Божий недогляд... И он через год своё дело сможет открыть. Всё про мосты только и говорит. Гришка часы ладит. Осенью надо Петра и Машу в школу определить доучиваться... Господь всё может, а мы переждем! И над всем этим назначим НазараETCHКУ... Наливай, Василь Никифорович! Выпьём и пойдём на твоих лошаТ глядеть и радоваться.

После посевной жизнь в онишковской округе точно уснула. Её не будоражил звон колокольной осиротевшего храма. Хоронили, оставляя гроб с покойником на

ночь в пустом правом притворе. Ждали старика Баглая, знавшего все обряды. Филон облачался в белую рясу, пошитую внучкой из потерявшей цветастость жокарды, никогда не надевал ничего на голову — копна густых седых волос и белая густая борода волнами спадали на плечи и грудь. И казалось, что это к рясе пришит светло-серый капюшон. Начинался обряд всегда одними словами: «Прости, Господи, что без рукоположения в твоём храме... Да души наши всегда с тобой. Аминь».

Филон же крестил младенцев.

Елизар ездил в Оржицу в свой «шпиталь». Брал с собой Петра. Василий Никифорович определил сына к шведу учеником на два летних месяца. За научение пообещал мастеру два мешка пшеницы после обмола.

Жизнь в Солёном Гае текла размеренно-скудно.

Раз в неделю, по вторникам, после обеда приезжал Иван Касьяненко-Гандзя «разгонять тоску». Он единственный в Онишках выписывал газеты «Труд» и «Крестьянскую бедноту». Привозил письма, если выдавали на почте. Отдав Дарье бумажки, шёл с Василием Никифоровичем на леваду. Долго стоял у изгороди. Здесь глаза загорались завистливой радостью, наблюдая, как гарцует молоденький вороной жеребчик, у которого стали отростать привлекавшие взгляд белая грива и хвост... Насытившись счастьем, он с Василием Никифоровичем шли в дом, на веранде несколько часов обсуждали новости, вычитанные Гандзёй в газетах.

Слушая, делая какие-то добрые или злые замечания как реакцию на пересказанные события, Василий Никифорович заканчивал посиделки одним: «А есть такая газета, де пишут... по какой цене кони у Московии?» Ответа никогда не было. Но это означало — хозяину пора идти на леваду к лошадям.

На Троицу с самого утра прискакал взволнованный Гандзя.

Торопливо привязал коня у ворот, протянул кусочек сала кому-то из собак и побежал на конюшню.

— Никифорович! Новость! — взволнованно крикнул в тёмноту конюшни, не видя Беспалого. — Грех у святой день работать!

— Кого убили? — спросил Василий Никифорович из дальнего угла.

— У Москве новые гроши печатать удумали.

— Снова мильёны? Як называются? «Катеринки», «николаевки» и «керенки» уже были. Теперь должны быть «вовки» или «лёвки».

— Нет. Якой-то «Расчётный знак». У газете бумажку намалевали — пятьсот рублей. И пустят на Рождество перед самым новым двадцать вторым.

— Полгода поживём — тогда поплачем, — сказал равнодушно Василий Никифорович. — Гроши печатать — дело не кусючее. А нам голову суши — скоко за фунт и за пуд платить?

— Я про другое, — сказал Иван. — Боюсь... За всё время от семнадцатого года из Москвы ничего, кроме обману, не присылали. И чую — этие «знаки» — то самое.

— Плюнь на их, Иван Гаврилович. Усё равно ниякая влада ничего не придумает лучше николаевских червонцев, — Василий Никифорович вышел из конюшни. — Шо нам тая москальня? Без иё жили и проживём. Пошли у дом. Праздник святой. Работать, точно, грех. А почистить за конями — дело святое... И Елизара гукнём. Зачитался своими болячками.

***

Вся неделя после Ильина дня донимала жарой. Поля не успевали остывать за ночь. И воздух был наполнен запахом перезревающей пшеницы.

Горячим утром второй недели августа, провозжая Елизара и Петю в Оржицу, Василий Никифорович строго приказал сыну:

— Скажешь у мастера — сегодня последний день для тебя. У пятницу уже прибежали — один из Золотоноши, а другой из Берёзовки. Прослышали, шо Бештанько молотилку прибрал до себя. Сильно беспокоились... Уже завтра хлеб убирать начнут.

— А мы будем машину ладить? — с радостью спросил Петя.

— Оно самое... Про зерно скажешь — у первый же день, как начнём молотить,

привезёт Елизар. Пойдёшь до швеца на другой год сразу после школы. Так и скажи.

Две недели молотили с рассвета до заката. Елизар и Петя меняли друг друга у снопоприёмника и топки.

В свой «шпиталь» Елизар уезжал после шести вечера. Возвращался далеко за полночь.

Последним на обмолот приехал старик Баглай. Прежде чем начать швырять снопы на молотилку, оставил волов посреди двора, подошёл к Беспалому.

— Давай поглядим на твоего коника. Все Онишки токо и говорят про него. А я и не видал.

Долго стояли у ограды левады.

Вороной жеребёнок ходил вокруг матери, надоедливо совал морду ей под живот, пытаясь дотянуться до вымени. Белая грива торчала высоким частоколом, подрагивая, а хвост дыбился, точно коротенькая ветка белой сирени на фоне чёрной ночи. Но кобыла отворачивала круп в сторону, явно не желая кормить дитё. Это со стороны напоминало заученную игру.

— Красота у тебя, Василь, — сказал Филон. — От так бы глядел и глядел. Моя мама говорили, шо нету ничего красивше, чем огонь у костре, и воды, шо падает из горы. А я добавлю — на такого красавца и весь день можна глядеть...

— Глядеть — не молотилку топить, — сказал Василий Никифорович. — У тебя волю гарбу из последних сил тянули. Снопов — два дня бить. Кому конём любоваться, а мне овёс косить. А ищё артельщики Куця и Горбенки должны приехать.

— Не приедут твои «комнезамы», — сказал Баглай, отходя от левады. — Они уже третий день молотят цепами, — и помолчав, добавил, точно извинялся перед Беспалым: — Шоб тебе, Василь, долги не возвертать.

— Они же... — смущённо начал Василий Никифорович, борясь с налетевшей удушливой обидой незаслуженного обмана. — Я до них из душой...

— А де ты, Василь, нашёл душу у злыдня? Им партейный секретарь запретил... А ты про душу.

11

Был вторник. Как всегда после обеда приехал кум Иван Гандзя. Привёз газету «Труд» и письмо.

— Шо тут пишут? — спросила Дарья Яковлевна, принимая бумаги на крыльце.

— У Москве беда.

— Тебя хоть в двор не пускай, — недовольно сказала хозяйка. — То митинг в Оржице, шоб на морозе хлопать про эсесеру. То Ленин помер... Опять же, на морозе... А зараз чего? Сгорела тая Москва?

— Главный «кажан»¹ неделю как помер. Погляди. На первой странице про него.

— На Фому, — деловито уточнила Дарья Яковлевна. — Знак. Кто в такой день приставляется, долго в рай плетётся... Может не дойти. А шо дуба врезал — то не беда.

— А шо тогда беда? — возмутила Гандзя. — Человек же помер!

— «Кажан» дуба дал — несчастье. Но не беда. А беда — когда сахар дорожаит, — уверенно объяснила Назарета. — И слава Богу, за нашего покойничка не нада креститься. Человек римской веры и без Бога у душе... Ищё чего пишут? А то мне некогда газет читать.

— Якой-то винный синдикат своим работникам к грошам добавку установил — шестнадцать бутылок на месяц.

— А на работу когда им ходить?

— Про это не пишут.

Иван ускакал в Онишки.

Дарья Яковлевна прошла на кухню, оставила газету и взялась за письмо. На конверте узнала почерк старшего сына.

В конверте был маленький листочек из школьной тетради в клеточку.

¹ 20 июля 1926 г. умер 1-й председатель ВЧК СССР Ф. Дзержинский.

Дорогие мамочка и папа!

У меня в гостях Гриша. Он приехал специально, чтобы попробовать в Киеве заниматься ремонтом часов. Я его одобряю. Но это не главное. Я теперь живу в общежитии нашего мостового общества. Получаю 120 руб и занимаюсь проектированием моста через Днепр. Это очень важная работа. Наш хозяин убедил городские власти, что нужно построить мост на самый большой остров, между главным руслом реки и её стариком. Там хорошие пляжи. И сдавать места купания за малые деньги гражданам. Всё польза городской казне.

Гриша от меня поедет в Солёный Гай. Ждите. Всё, что он скажет вам, постарайтесь понять и воспринять как должное. Это всем нам в пользу... и особенно Солёному Гаю. Если всё, сказанное Гришей, будет принято, то он объяснит, что делать.

Обнимаю и целую вас. Поздравьте Петю с днём рождения, хотя он был 12 июля. Привет Елизару.

Иван.

20 июля 1926г.

Прочитав, пошла на леваду, где Василий Никифорович с Петром гоняли годовалых лошадей, приучая к седлу, позвала:

— Гриша приезжает!

— Когда? — громко ответили муж и сын.

В субботу после обеда к воротам подкатила бричка.

Из неё выпрыгнул молодой человек, одетый по-городскому броско: в светло-коричневом костюме, продёрнутом тонкой белой клеткой, широкими клёшами, белой рубашке, воротник которой накрывал длинными концами плечи, как погонами. В серой фуражке и светло-бежевых штиблетах с черными полосками по бокам.

Следом выпрыгнул мужик в шестиклинке, льняной серой косоворотке, затынутый тонким шнурком, чёрных штанах, заправленных в короткие голенища. Он снял с брички девочку лет десяти со светлыми косичками.

Собаки, выскочившие к воротам с рычанием, вдруг принялись угодливо вертеть хвостами, пытаясь запрыгнуть передними лапами на горожанина.

— Кто-нибудь! — городской стал отбиваться от собачьей назойливости. — Заберите их к чертям собачьим! Бес, по-ш-шёл вон!

— Гришенька! — на крыльцо выбежала улыбающаяся Дарья Яковлевна. Но увидев незнакомого человека с девочкой, которую держали за руку, смутилась. — Кто из тобой?

— Из Лубен человек. Взялся довести... шоб девочке показали Ворона с белой гривой. Слава про Солёный Гай уже по губернии гуляет.

— Як брехня по селу! Хоть бы за какой тын зацепилась, — недовольно сказала Дарья Яковлевна, обнимая сына. — Пять годов идут и идут на коняку глазеть, шо на горбатую невесту с миллионным приданым... Сами ходят, кобыл водят, а теперь и деточек...

— Шо ты, Назареточка, ругаешься? — спросил Елизар, вышедший на шум. — Дитю поглядеть на красоту — счастье, какого в жизни больше и не случится.

Обнял Гришу, взял девочку за руку, повёл к леваде.

***

Дарья Яковлевна налила всем по полной тарелке зелёного борща с солониной. Перед каждым положила по пять усов молодого лука и по куску хлеба.

— Водку будешь? — спросил Василий Никифорович Гришу.

— Я, батько, не сильно люблю. У меня от иё глаза слезами наливаются, точно плакать хочется.

— Тогда и мы из Елизаром не будем? — согласился отец. — Расскажи про главное, про якое пишет Иван. Написал бы у письме — и не нужно ехать... А шо ты приехал — молодец.

— Иван говорит — про это писать нельзя, — начал сбивчиво Гриша. — Письма на почте читают «кажаны». Потому и прислал меня.

— Приехали бы вдвоём, — сказала Дарья Яковлевна.

— У него работа. Поставили... главным на мост через Днепр на... какой-то остров. А у них сын одного квартирного начальника работает. Он в Харькове учился... и не мог осилить диплом.

— Это такая бумажка, як у Елизара? — спросила Дарья Яковлевна.

— Бумага — шо закончил. От один из начальников, где Иван работает, якой всеми грошами заведует, попросил Ивана написать для харьковского сына диплом... Для племянника...

— Иван будет писать? — спросил Василий Никифорович.

— Уже всё написал, — не без бравады ответил Гриша. — Племянник тот в начале июля вернулся из Харькова из дипломом инженера. И папаша этого сыночка решил заплатить Ивану за диплом.

— Есть порядошные люди, — заметила Дарья Яковлевна.

— А Иван ему: «Вы, пан Звягильский, можете мне помощи из общежития в якусь комнату перебраться?»

— Этот Звягильский комнаты строит? — удивлённо спросил Василий Никифорович.

— Этот Звягильский — начальник над всеми домоуправами в районе. Ими командует. И комнаты распределяет.

— И чего он сказал? — поинтересовался Елизар.

Гриша вздохнул и тихо произнёс, словно боялся чего-то:

— Грошей за комнату. Целых сто николаевских.

— Золотых? — недовольно спросил Василий Никифорович.

— Всего яких-то четыре коняки, — заметила Дарья Яковлевна. — Я бы за такие деньги Ворона продала... А то и дроже.

— Ворон не продаётся! — возмутился Василий Никифорович. — Я скорее Солёный Гай продам...

— А мы злыднями до Тараса Куця у артель побегим, — добавила Дарья Яковлевна.

— И что дальше, Гриня? — спросил Елизар, стараясь унять неожиданную перебранку.

— Нада привезти, — попросил Гриша. — И тогда Иван сможет работать сам. Кто живёт в общежитии — не имеет права получить лицензию. Нельзя. Если бы у него была отметка в киевской милиции... А так — он приехал из Онишек... значит, пуццай едет у Лубны и получает лицензию тут. А jakie мосты у Лубнах? Там мост через Сулу и тот развалится, если загнать две гарбы из сеном.

— А через нашу Гнилую Оржицу и мостов не нада, — сказал Елизар. — Переедем конём.

— Якие гроши, стерво, просит! — не унимался Василий Никифорович. — Наче я их у кузне выбиваю.

— Если нужно, я свою кобылу и коляску продам, — остановил Елизар Василия.

— Буду ходить в Оржицу пешком.

Последние слова заставили всех замолчать. Скажи кто иной — пропустили бы мимо ушей. Но откровение Елизара прозвучало как признание уже случившегося. И все вдруг словно захлебнулись угарным дымом стыда.

Елизар при свете приглушённой лампы читал учебник по полевой хирургии — разбирал клинические задачи.

Вошедший Василий Никифорович уселся на постель.

— Чего не спишь? — спросил Елизар.

— Ты объясни — за шо такие гроши?

— Не все во власти, Василь, верят в то, чему служат. Завтра случись чего... У тебя есть Ворон и хутор. У меня — Шлёгер, коляска, скальпели. С голоду не помрём. Заработаем своими руками. А у райкомовского секретаря нету ничего... А по миру идти не хочется... Да и паперти он сам запретил кругом.

— Так простую комнату за...
— Она не простая, — сказал Елизар. — Она одна, а желающих жить в ней рой. Я ночую в хуторе, а езжу на работу в Оржицу. А мог бы жить возле медпункта. А негде... Не про дома думает влада... И вот чего скажу, Василь. Твоя жизнь — кони. А у твоих детей до них думки нету. У Ивана — мосты, у Гришки — камни и шестерни. Вон учитель в школе говорит про Марию: «Умножает и делит, як наче яка-то машина»... У них своя жизнь, Василь... И остановить нам их не получится. Я сам бы побежал в Киев... Там настоящие больницы, а не сарай, як у меня. Но не зовут... А всякие там дублоны, золотые червонцы в могилу не заберёшь. А что есть такой начальник, який готов комнату продать, — надо радоваться. Он владу до людей приближает.

Утром Елизар заложил в брочку Шлёгера.

— Мы сразу в Онишки к Яреме Никифоровичу, — сказал он. — А потом Петя отвезёт Гришу в Лубны... и назад.

— Может, мы Ворона поставим, — предложил Петя.

— Людей дразнить! — недовольно возразил Василий Никифорович. — Шлёгер тоже красавец.

И когда подошёл к брочке Гриша, готовый ехать, отец протянул ему белый тряпичный свёрток.

— Добре спрячь. И молчи. Тут сто пятьдесят. Купите себе якие-то кровати и одеяла. И стол. Без него человеку плохо...

12

В доме было светло и тепло. Только сквозь стены прорывалось истошное завывание ноябрьского ветра, который, казалось, пугал, предупреждая, что теперь он хозяин во дворе.

Субботний вечер после ужина тянулся медленно, скучно. Василий Никифорович сидел у печи на ослоне, грел спину, прижавшись к горячему кафелю. Дарья Яковлевна распускала старую кофту, а Маша наматывала нить на локоть. Петя в прихожей нарезал из широкой кожаной шлеи тонкие полоски, собираясь катать супони. Елизар у себя в комнате читал «Латинскую грамматику».

Порыв ветра вдруг сменился ленивым лаем собак.

Василий Никифорович подошёл к окну, выглянул во двор. Две собаки бегали в свете окон, лениво таякая. А третья деловито лаяла в сторону въездных ворот. По их поведению можно было понять — гости народ нерешительный.

— Схожу гляну, — Василий Никифорович неспешно стал одеваться. Вышел на крыльцо — собаки как-то сразу унялись.

Он долго не возвращался.

— Хтось из Онишек, — предположила Дарья Яковлевна. — Просить...

Дверь отворилась. В прихожую вошли трое: мужчина в солдатской шинели и фуражке, женщина в длинной юбке, коротком чёрном армяке, укутанная платком. Перед собой толкала мальчика лет тринадцати.

Следом за гостями вошёл Василий Никифорович.

— Корнеевич, это до тебя, — от порога громко крикнул он.

Елизар вышел.

— Вы нас извините, — начал мужчина нерешительно, ломая фуражку в руках...

— Мы из Оржицы...

— А кони ваши де? — строго спросил Василий Никифорович. — Шо-то я их не заметил.

— Мы пешком, — осторожно объяснил гость.

— Товарищ Елизар, — взволнованно вступила в разговор женщина. — Спасите нашего мальчика! Мы вас очень просим. Мы вам...

— Петро, заканчивай! — приказал Елизар. — Помогите гостям раздеться.

В комнате он посадил мальчика на стул.

— Как завут? — взял в пальцы левое запястье и, глядя на циферблат часов, принялся считать пульс.

— Это Женька Сучков из нашего класса, — сказала Маша. — Он уже неделю в школу не ходит.

— На шо жалуешься?

— Живот болит, и он ничего не ест! — громко ответила гостья.

— Вы кто? — спросил Елизар, глянув на женщину.

— Я — мать! Это мой сын! У него...

— Я хочу, щоб отвечал мальчик! — строго попросил он. И спросил: — Евгения, где у тебя болит?

— Кругом, — мальчик провёл рукой по животу.

— Разденьте, — попросил Елизар.

Женю голого Елизар поставил на стул, принялся осторожно ощупывать.

— Ты последний раз когда ел?

— Утром.

— Я ему молоко кипячёное давала! — сказала мать.

— Когда была рвота?.. Что у тебя выходило изо рта? Выделялось?

— Сначала молоко... Потом просто что-то жёлтое.

— Так! — нервно сказал Елизар. — Петя, быстро принеси дров. Назареточка, нужна горячая вода. И быстро. А мы с тобой, Василий, переставим стол к окну, — обернулся к матери мальчика. — Накройте сына, щоб не замёрз.

Подошёл к отцу мальчика, поманил за собой в прихожую.

— У вашего сына *inflammatio appendicis*¹... Апендицит. Плохо, шо вы до меня в Оржице не пришли.

— Мы пришли... Вас уже не было. И пешком сюда.

— Инструменты... У меня есть, но там больше... И чего я попрошу... Вы человек, гляжу, спокойный. Вместе изо мной помоем руки. Будете мне помогать. И сделайте так, щоб ваша жена... не мешала нам. Скидывайте сапоги и всё сверху... до рубашки. Я вам дам халат. У вас носки или портянки?

— Носки вязаные. Жена вязала.

— От и добре. Я буду показывать, шо брать, а вы мне подавать. Пальцами... Аккуратно... Як зовут?

— Исидор.

— У сына, Сидор, поганое дело. Давно у него приступы рвоты?

— Были. Сначала чуть. Потом чаще. А последнюю неделю через день. А сегодня с самого утра.

— Чего сразу не пришли?

Исидор махнул рукой, смял лицо, крепко сдавив глазницы, и громко втянул в себя воздух.

В прихожую вошёл Василий Никифорович.

— Так чего делать, Корнеевич?

— Пошли до меня, — Елизар поманил его за собой.

Из комнаты вынесли кровать без спинок. Поставили в столовой. Обеденный стол передвинули к окну. Принесли две широкие доски, положили на кровать, накрыли куском желтоватой клеёнки.

— Назареточка, — попросил Елизар, — я принесу в кухню кювету со скальпелями и иглками. Прокипяти хорошенько. И пожертвуй для мальчика две простыни, — повернувшись к Василию Никифоровичу, сказал: — Нужно ещё две лампы.

Мальчика положили на доски. Накрыли простынёй. Добавили максимум света.

— Клизму не делали?! — требовательно спросил Елизар у матери Евгения.

— Хотела. Не успела.

«Слава Богу!» — подумал он. Попросил:

— А теперь посидите в кухне.

Закрыв дверь за женщиной и сказал Исидору:

— Будет пахнуть эфиром... и хлороформом. Потерпите.

Мальчика, сонного от наркоза, осторожно перенесли в комнату к Елизару. Уло-

¹ *Inflammatio appendicis* - воспаление аппендикса (лат.).

жили на кровать, укрыли ватным одеялом.

— Полежит пока у меня, — сказал Елизар, помогая Исидору снять халат. Когда мыли руки, добавил: — Дня через три я привезу его в Оржицу.

— Его нужно кормить!.. — громко заявила мать Евгения.

— Слава Богу, вы не сделали ему клизму, — нервно перебил Елизар. — Уже бы слёз не хватило. А всемирный потоп показался бы пустяком. Я сейчас отвезу вас в Оржицу.

И когда садились в бричку, Елизар тихо сказал Исидору:

— Вовремя вы пришли... Повезло вашему мальчику. Слава Богу, простой катальный приступ. Я передал брижейку... Будет бегать.

13

Дворы в Онишках стали обживаться...

Мерзости атаманства сменились привычными малословными заботами. Разговоры о безудержном революционном распутстве за десять лет соскоблились с языков. Пасху 28-го года гуляли с радостным шумом, словно отравную память о кровавых днях недавней войны и угрюмого разора Военного коммунизма изгоняли навсегда...

В первые дни в апреле успели отсеяться. Готовились сажать картошку. Но зарядил дождь. Холодный, гонимый с севера, лил с угнетающей непрерывной нудностью, покрывая большими водяными пятнами дворы, дороги и поля. Люди выходили из хат утром выгнать коров в череду, вечером — встречать стадо. И по нужде.

Но за неделю до Светлого воскресенья с самого раннего утра всё вокруг облилось чистым солнечным светом, заполнилось разноцветным весенним птичьим гомоном, из которого вытягивались, словно шёлковые нити из кокона, непрекращающиеся соловьиные песни. Издалека неожиданно долетали двусловные голоса редких кукушек.

За эту неделю успели посадить картошку, посеять огородину.

В воскресенье онишковцы потянулись к заколоченной церкви, неся корзинки с пасхами и писанками.

Во дворе безголового храма у косоногого столика в сине-белой рясе стоял Филон Баглай. Окропляя выставляемые куличи, гудел молитву:

— Благословен Бог наш! Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества...

Ближе к обеду от двора к двору полетели многоголосые песни... Но громче других голосов над селом деревенское сопрано радостно пело о вдруг вернувшемся счастье бытия:

Ой, пойду я краем луга...

Нуда я, нуда я!

Там мой милый пашет плугом...

Нуда я, нуда я!

Гуляние заставила утихнуть череда, возвращавшаяся на фоне красного заката с пастбища к вечерней дойке.

А послепасхальный понедельник для Елизара начался суматошно...

Он ехал в Оржицу, но у Онишек его перехватили три мужика.

— Елизар Корнейч, спасай православный народ, — сказал один.

— На чего жалуешься?

— Голова ... точно на ей дрова кололи.

— Выпей самогона.

— Выпил. Не помогает. Моя жонка говорит, шо у тебя какой-то спирин имеется.

Говорила — помогает.

Елизар поехал в онишковский «шпиталь».

Каждому из просителей дал по стакану шипящей силицилки.

Когда «больные» ушли, Елизар собрался ехать в Оржицу. Но в двери столкнулся

с тёткой Евланией, женой Терентия Бугаенка, владельцем единственного в Онишках магазинчика — женщиной лет шестидесяти, полной, с отвислой кожей под подбородком. Торговали по мелочи: стеклянными лампами, керосином, парафиновыми свечами, баняками и эмалированной посудой. С товаром возилась сама Евлания, в то время как Терентий колесил по ближней и дальней округе, скупая кардлибед.

Бугаенчиха дышала широко раскрытым ртом, пытаясь при этом что-то сказать, но слова превращались в шипение.

— Ноч-чю... самое, ноч-чю...

Елизар дождался, когда женщина отдышалась и спросил:

— На чего жалуешься? Болит где?

— Те-ре-шко...

— Живой?

— Кто?!

— Твой Терешко? — принялся записывать имя и фамилию в журнал посещений.

— Тьху! Накаркаешь!.. А он мог и помереть.

— Ты, тётка Евлания, из яким делом?

— Ноч-чю... Изра-азу перед петухами у магазин хтось за-алез... через стреху... И срам якой! Святой день не кончился... Терешка собака подняла.

— Шо вынесли?

— Разбили! Целюсинькую пляшку оцету-эсенцю.

— И у нас уже свои патриции, — сказал Елизар, ухмыляясь. — Был Терентий Бугаенко, а теперь Квинт Эсенций Оцет, — отложил ручку.

— Якой патриций? Оцет разбили! Цельных пять рублей.

— У меня уксуса нету. Я руки спиртом мою.

— Я не за уксусом! Терентия прихватило... Ты якие капли дай... а то он кончится!

— С чего прихватило вдруг?

— Я ж говорю... пляшку оцету разбили, падлы! До крамници зайти не можна. Смердит. И прихватило деда... Рукой за грудь держится... Встать не може. Дай для него чего попить... пожевать якой порошок.

— А хто лазил? — спросил Елизар, передавая маленький флакончик Бугаенчихе.

— Это настойка боярышника... на спирту... Три-четыре капли утром и вечером... из водой.

— А это не сильно опасно? Правильные капли?

— Сам делал.

— А мне можна такое?

— Тебе зачем?

— А як останётся! Шоб не пропадало.

— Для твоего сердца нужно шо-нибудь твёрдое и сладкое, — рассмеялся Елизар.

— Такое, шоб твой Терешко не догадывался...

— Себе прикрути! — обиженно сказала Евлания, пряча в карман бутылочку. — Скоро, небось, сорок, а всё баб обминаешь.

— Як тебя серед ночи встречу — не обмину.

Проводив Бугаенчиху, Елизар уселся за стол, чтобы рассыпать по воцаным капсулам порошок, растёртый им накануне из корня алтея.

Снял с упора весы, пинцетом из коробочки разновесов достал беленькую пластиночку весом в полграмма, положил на чашку. На соседнюю — бумажку-капсулу.

Но продолжить помешал посетитель...

В комнату вошёл парень лет тридцати в тонкошкурой меховой душегрейке и картузе. Держал навесу правую руку, три фаланги средних пальцев которой почти болтались на окровавленной коже, словно продолговатые вишни. Красные капли лениво падали на пол.

— Господи! Зиня, де ты так?! — выкрикнул Елизар.

Это был комнеземец Зиновий Куренной.

— Ставил коня, суку, у бричку, — задыхаясь, сказал парень. — Я за барок... натягивать постромку... Взясся за него... А этая сука подковой... А мы из кумом у Хорол собрались ехать...

Елизар усадил Куренного, засучил рукав выше локтя, принялся обрабатывать

рану перекисью. Вокруг пальцев пенилось, образуя плотную, почти ватную гору.

— Вовремя пришёл, — сказал задумчиво Елизар, осматривая очищенную рану.

— Дело твоё хреновое.

— Пришей, — попросил Зиновий. — Сильно нада. Я из кумом до девки свататься собрался.

— Ты или кум?

— Я. И она ждёт... сильно.

— Попробую, — без особой уверенности сказал Елизар. — Но могут и не прижиться. А як хочешь — отрежу.

— Шей! — потребовал Куренной.

Елизар достал какой-то тряпичный капшучок, высыпал в ложку из него что-то серое.

— Жуй! — приказал Куренному. — Только не глотай. Это конопля и мак. Эфира нету. Не привезли.

Через полчаса Зиновия потянуло ко сну. Елизар приказал сплюнуть жвачку, дал запить водой. И попросил:

— Теперь крепко терпи... если девка сильно ждёт тебя.

Долго сшивал разорванные сухожилия тонкой иглой, стараясь узлы сделать чуть приметными. Пинцетом вправлял в мясо раздробленные косточки фаланг. Куренной сидел молча, глупо кривясь от боли, наполняя малое пространство медпункта ядрёным перегаром. Его взгляд бессмысленно блуждал в пространстве.

— Ты сколько выпил, Зиня? — спросил Елизар, готовясь сшивать кусочки разорванной ткани.

— Совсем... — через силу ответил Куренной, явно не понимая, о чём его спрашивают.

Елизар завязал концы нитей, промазал швы серо-красной мазью. Наложил три тонкие шины на пальцы. Забинтовал.

Через полчаса взгляд Зиновия стал наполняться осмысленностью...

Когда всё закончилось, Беспалый сказал:

— В среду придёшь. Снимем. Новую мазь положим. И предупреждаю — може так статься, шо пальцы будут колом стоять... Это для тебя польза.

— Из чего так?

— Дули показывать не сможешь... — рассмеялся Елизар. — А из чаркой мимо рта не проскочишь. Только гляди — не вздумай чего делать рукой. Порвёшь связки — пол-ладони отрезать придётся.

Проводив несчастного Зиновия, Елизар плюхнулся на стул обессиленно, опершись о спинку стула. Закрыв глаза, принялся сдавливать себе пальцы, словно боль должна была задавить охватившее вдруг гнетущее сомнение.

«Господи, спаси и сохрани... — взмолился он, стараясь оправдать себя за смелую, даже наглую операцию, которую никогда не делал и даже не видел, как делают другие. Только читал о таких... Но и они, книжные, почти все оказывались неуспешными. — Должны прижиться... Приживутся...»

Встал, подошёл к деревянному шкафчику, достал бутылку с разведённым спиртом.

«Должны прижиться! — подумал он, убеждая себя. Хлебнул из горлышка. — У Эльзы Генриховны не получалось... Она ампутировала... А я глядел сейчас... Видел... и чувствовал... шо надо именно так!»

Просидел ещё час бездвижно. Потом встал, записал Куренного в журнал, уселся развешивать порошок...

Снова постучали. Елизар выглянул в сени. В серости шпитальных сеней угадывались две фигуры. Вошли женщина и парень лет пятнадцати. Елизар поднял фитиль в лампе, добавляя свет. Зажёг ещё одну трёхлинейку.

Женщину он признал — видел несколько раз в магазине у Бугаенка, когда ходил за керосином. Взгляд сразу прилипал к большим голубым глазам, обхваченным полукружьем широких чёрных бровей. Сочетание ярко-голубого и чёрного наполняло лицо влекущей горячей чувственностью. На вид ей было лет чуть за тридцать.

Парень, не по годам крепкий, круглоплечий, с короткой, почти бычьей шеей. Ко-

шачий взгляд жёлто-серых глаз сверлил Елизара, словно искал что-то; на мгновения соскальзывал в сторону, оценивающе шнырял по стенам, столу, весам и бутылке разведённого спирта.

— На что жалуетесь? — спросил Елизар.

— Упал, — женщина подтолкнула парня к Елизару. — Болит. Не может руку под-
нять.

От парня исходил лёгкий кислый запах застоявшегося яблочного сока.

Елизар, отвернув лицо, принялся ощупывать плечи и руки парня. Понял — го-
ловка кости левой руки выскочила из плечевой сумки.

— Как случилось? — спросил, открыв журнал.

— Склизко было. Упал...

— И сразу до вас, — добавила женщина.

— Фамилия?

— Чья? — с некоторой развязностью спросил парень, глядя в сторону весов.

— Свою я знаю, — ответил Елизар.

— Я тоже.

— И всё-таки — фамилия... и как зовут?

— Никита... Баглай.

— Филон Евдокимович... кто вам?

— Дед наш.

— Где ты упал?

— Шёл телёнку траву дать, — ответила женщина.

— А вас как зовут? — спросил Елизар.

— Таиса.

— Оставьте нас, Таиса... Это ваш сын?

Женщина кивнула. Вышла.

— Сильно болит плечо? — спросил Елизар.

— Болит, — нехотя ответил Никита.

— Тебя лучше в Оржицу отправить.

— А ты не можешь вылечить?

— А кто позволил тыкать, цуцук? — недовольно спросил Елизар. — Тебя надо не
в шпиталь, а к гепеушникам.

— За шо? — нервно вырвалось у Никиты.

— Шо полез в магазин до Бугаенка.

— То не я.

— Не ты. Токо от тебя уксусом смердит, хоть мамка штаны сменяла. С крыши
упал?

— Якой крыши? — недовольно спросил парень.

— Где ты дырку в стрехе сделал. И бутылку уксуса с полки сбросил... Зацепил
ногой.

Парень ничего не ответил. Смотрел в потолок, изображая безразличие.

Елизар вышел в сени за деревянной лавкой. Она оказалась заваленной какими-
то полупустыми мешками. Принялся рассовывать их по углам.

— Тайка! — долетел с улицы мужской крик.

— Ждите! — ответил раздражённый женский голос со двора.

— Давай быстрее! Сдался тебе этот цыган!

Елизар принёс лавку, поставил на середине комнаты. И приказал:

— Ложись, на правый бок.

Взял парня за руку выше локтя, упёр своё колено ему в грудь.

— Терпи. Будет немного больно, — дёрнул руку, будто хотел вырвать из тела.

Никита успел только ойкнуть, широко открыв рот. И с облегчением выдохнул.

— Иди, — сказал Елизар. — Если в крамнице или стодоле поймают... и побьют,
до меня не приходи...

Парень выскочил из комнаты, прикрыв дверь со стуком.

Елизар, оставшись один, почувствовал себя вдруг измотанным, усталым, точно
метал снопы у молотилки день и ночь без отдыха.

Показалось — тело замерзает, превращаясь в кусок твёрдой, промёрзлой, дорож-

ной глины. Заставил себя разогнать примус, поставил на конфорку чайник. Засыпал травяной чай в чашку. Залил кипятком...

От серо-жёлтой сушёной смеси шёл резкий мятный аромат...

Взял бутылку с разведённым спиртом, сделал два маленьких глотка, запил горячей водой. Решительно встал, загасил примус, задул лампы и уехал в Гай. Там, не ужиная, улёгся спать. И уже погружаясь в сон, пытался понять, откуда на него свалилась хондра бессилия.

Приехал в среду в онишковский «шпиталь» перевязать руку Куренному.

Зиновий уже ждал у крыльца медпункта.

— Как рука? — спросил Елизар. — Болит?

— Нет, — Куренной достал из тряпичной сумки какой-то кубик, завернутый в белую тряпочку. — Тебе, Корнеич, от моей невесты.

— Это чего?

— Сало. Перед Паской закололи.

— Свадьба у вас когда? — спросил Елизар, отпирая замок.

— Ище не решили. Скорей перед страдой. Дитё ждём...

— А невесте сколько годков?

— У июле будет семнадцать.

— А тебе?

Куренной замялся.

— Поглядеть — ты в парубиях¹ загулялся.

— Тридцать два, — оправдываясь, ответил Зиновий.

— Даст Бог, дитё у вас здоровое народится.

Елизар вымыл руки. Принялся перевязывать перебитые пальцы — снял бинты, промакнул остатки мази. Иголкой легонько уколол палец.

— Чувствуешь?

— Ага!

«Слава Богу...» — подумал Елизар. Принялся бинтовать.

— Елизар Корнеич, — заговорил осторожно Зиновий, — я хочу просить... Може, я до вас привезу родить?

— А в Хороле нельзя?

— Можна, наверно. Токо я боюсь... шо там нету такого дохтора. У Хороле сказали, шо вы операцию хлопчику izdelали, бо до Лубен мог и не доехать.

— Давай доживём.

Куренной ушёл.

Елизар уселся к весам, решив продолжить дозировать порошок. Взгляд упал на открытую коробочку разновесов — в ней отсутствовала стограммовая гирька.

«Вот мерзавец! — выругался Елизар. — Надеру уши!»

Закрыв медпункт, пошёл в сторону баглаева двора.

Филон на лавке у ворот курил самосад. Сизый дым путался в его белых усах и бороде-лопате.

— Твой внук где?!

— У хате, — ответил дед, глядя в глаза Елизара, переполненные чёрной злостью. И с равнодушием добавил: — Опять нагадил, курвец?

Откровенность деда Баглая погасила добрую долю злости в душе Елизара.

В хате от печи тепло разносило аромат куриного борща.

Таиса сидела за столом в белой ночной сорочке с разлётным разрезом на груди. Расчёсывала деревянным гребнем русые волосы, заброшенные на грудь.

Напротив неё, спиной к двери — Никита. Он ел.

Елизар подошёл к парню, схватил за ухо и поднял с табуретки.

— Шо ты украл? — поинтересовалась Таиса, продолжая деловито расчёсывать концы волос.

— Где гирька? — нервно спросил Елизар, не отпуская уха.

— Якая гирька? — огрызнулся Никита, продолжая жевать.

¹ Парубий - неженатый мужчина 35-40 лет (укр.).

— Белая! — крикнул Елизар. — Руку назад выдерну, гнида! До конца дней кульгой по земле ходить будешь.

Таиса вышла из-за стола, подошла к печи, пошарила под постелью. Вынула блестящую кругляшку. Положила на столешницу и спросила сына всё с тем же ранодушием:

— Тебе, прыщ вонючий, зачем это?

— Оно золотое! — выпалил Никита.

Мать взяла гирьку, ткнула её в губы парню с криком:

— Жри! И запомни навсегда — золото и говно одного цвета!

— Оставь, — попросил Елизар. Отпустил ухо Никиты.

Таиса подошла к печи, отодвинула заслонку, рогачом вытащила казанок.

— Садись, Елизар Корнеич, поешь. Ты у нас у гостях первый раз... И пасха есть. Правда, не сильно мягкая. Так Господь сухим хлебом много людей накормил... Борщ... Токо христосоваться не дозволяется уже.

— Спасибо. Тётка Назарета кормила.

***

В одну из жарких ночей июня Елизар не приехал ночевать с субботы на воскресенье — ждали вечерять дотемна. Появился он только в понедельник вечером. Отправив коня в дальнюю леваду, улёгся спать.

Дарья Яковлевна утром, ставя перед ним кружку кислого молока, обеспокоенно спросила:

— Кого резал?

— Почему... резал? — ответил Елизар.

— Так ты не умеешь по-другому.

— Резать не умею?

— Я не про твой шпитель, — вздохнула Дарья Яковлевна. — Ты кого режешь, около того и ночуешь.

— Приезжал человек из Селецкого. У его жены грыжа. Сшивал, штобы не распозалась дальше.

После этой перемолвки с Елизаром его не ждали по субботам вечерять.

— Боюсь, Василь, — сказала Дарья Яковлевна, не скрывая тревоги, убирая посуду после ужина, — нашый доктор встрял в якую-то халепу¹.

— Шо ты беспокоишься за хлопца? — недовольно ответил Василий Никифорович. — У него свой хист до жизни... Не бойся — не промажет. Ты бы по селу поспрашивала... из ким он злыгался²?

— Я не про бабу, — обеспокоенно стояла на своём Дарья Яковлевна. — Боюсь — принесёт, шо та девка, в подоле. Ты ж его знаешь.

— Та хто это теперь дитямы швыряются? — заявил Василий. — Слава Богу, революция давно сгинула, — и наставительно заметил: — Нам бы за нашей Манькой угледеть. Около зеркала крутится, шо лилия у водовороте. Затянет — не выхватим.

14

Елизар привёз письмо от Ивана. Оно было непривычно коротким:

«Приеду в Лубны 23 октября утренним поездом.

Встречайте. Иван.

10-10-28».

Требовательное малословие нагнало тревогу в души домашним.

Всем захотелось ехать на станцию, даже Маше. Но Василий Никифорович строго сказал:

— Вам из Петром у школу. А сегодня...

— Сегодня четверг, — напомнила дочка. — А Иван приезжает у воскресенье...

¹ Халепа - неприятная житейская передряга (укр.).

² Злыгатся - сойтись в любовной связи (укр.).

Василий Никифорович молчал, желая найти аргумент, чтобы ехать одному. Чувствовал — Иван везёт важную весть, о которой должен узнать первым он. И нашёлся:

— А если он не один? Из невестой до нас. Тесно у бричке. Еля в свой шпиталь на ей не ездит. Понимает. Если кого больного везти на двуколке — дело не Божее.

— Ты, Василь, поезжай на коляске, — сказал Елизар. — В пятницу я в Онишках. И в школу отвезу. А што едет с невестой — всем радость. Уже двадцать девять лет. Пора.

— Пора, — подхватила Маша. — А сам не женишься.

Мысль о невесте понравилась всем и уняла желание ехать на станцию.

Беспалый почти не спал. Часа в три ушёл на конюшню. В ночной темени вывел Ворона. Нервно ставил его в коляску — хомут не хотел одеваться на голову коня и концы дуги не попадали в гужи.

— Ты поесть для... — раздался голос жены с крыльца, — для вас не забудь. Я корзину собрала. Полкурицы... И три чашки на всякий случай, — и успокаивающе напомнила. — Хоть кисляка выпей на дорожку.

В темноте Ворон побежал рысью наугад, переходя на галоп. Беспалый дёргал вожжи, стараясь приструнить коня. Но тот не слушался.

«Недолго в темноте об осокор побиться», — подумал Василий Никифорович. Заставил жеребца остановиться. Вставил ему в рот удила. Ворон сразу присмирел.

Небо просветлялось. Остывающее сентябрьское солнце медленно поднимало ночной занавес. Чернели засеянные озимью поля. И среди этой благостной черни вдруг возникали жёлтые проплешины, нетронутые после жнивья, щетинившиеся на утренний свет иглами стерни. Откуда-то налетели сойки. Они нехотя вспархивали с обочины и, пролетев десятков метров, садились, напоминая, что в нарождающемся дне хозяева они.

С первыми лучами к Василию Никифоровичу вернулась счастливая мысль — сын едет с невестой.

«Як было бы ловко... Там, гляди, и внуки пойдут скоро. Из ими хорошо — издаля видать, шо не п?рожне жил на божьем свете... Шо до лошаг вставать спозаранку, так до детей веселей и лени ниякой...»

Мысли меняли одна другую, но крутились всё равно вокруг невесты, как разноцветная ярмарочная карусель вокруг столба. И затесалась даже нелепая — он увидел себя покойником в гробу. А рядом Дарья, дети. И внуки — они не плачут, как не плакал он, когда стоял у домовины бабушки Горпины Корчаги. Только тогда, как и сейчас, деревянный ящик выслан белым тюлем... На его лбу лента. Везут на телеге без грядок к дальней границе большой левады, где упокоились мать и отец... Везёт Ворон...

* * *

На площади перед зданием станции стояло много бричек, телег и колясок. Беспалый поискал взглядом свободное место, — в левом краю у старых осокоров увидел прогал между деревьями и парой волов, поставленных в телегу. Подъехал. Привязал Ворона вожжами к стволу.

Вокруг начал собираться любопытствующий народ — белые грива, хвост и чулки на чёрном лаке тела коня завистливо тянули к себе.

— Из куль будете, добродей? — спросил хозяин волов — мужик лет за пятьдесят, заросший свежей белой щетиной.

— Из Оржицы.

— Мост для вас отремонтировали?

— Пока ездим у брод... А поезд скоро?

Но ответить помешали. Подошёл молодой сутулый парень в большом клетчатом картузе, пальто, перешитом из серо-голубоватого сукна «hechtgrau» австрийской шинели. Не вынимая рук из карманов, оглядел коня оценивающе и спросил:

— Дядько, де такого урыл?

— Там такого другого нету. Осталась ослица, — с неприязнью ответил Василий

Никифорович. — Бывший хозяин ищет для иё осла. Дорогу могу сказать.

Кто-то из мужиков хихикнул. И тут же прозвучал резкий гудок подъезжающего поезда — народ толпой пошёл к железнодорожным путям.

Беспалый открыл ящик облучка, положил туда тулупчик; достал цепные пута. Надевая их на ноги Ворону, заметил, как человек в пальто из австрийского сукна торопливо уходил с площади в сторону ближних хат.

Иван ещё из тамбура увидел отца — коричневая тиролька с индюшачьим пером выделялась на фоне серо-чёрных картузов и кобеняков толпы.

— Ты один? — спросил Василий Никифорович, обнимая сына.

— Гриша работает, — объяснил Иван. — На часовой завод устроился. Его мастерскую закрыли.

— Часы — для него, — с пониманием сказал Василий Никифорович.

— Завод часовой только для виду, — ухмыльнулся Иван. — А на самом деле снаряды для зениток, какие у немца купили.

— Опять война?

Иван не ответил.

Когда подошли к бричке, он с любовью похлопал Ворона по крупу:

— Хорош вымахал. Красота — хоть на выставку в какой Париж отправляй.

— Одно горе, — возразил отец. — У Солёный Гай приходят... и детей приводят глядеть, шо у цирк якой. До Полтавы у том годе из Петром ездили. Мы — у крамни-цу, а якие-то двое — выпрягать. Добро, шо Петя вовремя заметил.

Василий Никифорович щёлкнул замком на цепных путах коня.

— А это что за устройство? — с интересом полюбопытствовал Иван.

— Я же сказал — у Полтаве чуть не украли. Так Петро железные выковал. И кожей обшил. Верёвочные пута и гужи ножом чиканул — конь твой вместе из хомутом. Ищи его по свету...

— Такого красавца не спрячешь, как богатую невесту.

— Невеста — дело долгое и нудное. А коня сегодня украл и сегодня же продал — бандиты одним днём и одной ночью живут...

Ехали небыстро. Солнце светило, но не грело.

Василий Никифорович всё ловил момент спросить о причине приезда. Но не решался. И кружил мыслями вокруг да около.

— Може, тебе тулупчик достать? Выедем из Лубен — побегим быстро. Твоё пальтишко, погляжу, тоньше кр?жева. Не задубеть бы.

— Не холодно, — возразил Иван. — На мне жилетка-душегрейка.

На том разговор закончился.

Но молчаливая езда угнетала Василия Никифоровича.

— Як у комнате устроились?

— Пока хорошо.

— А соседи — шо за народ?

— Как везде. Одни всей семьёй на Кабельном заводе работают. Вторые меж людей на юру бегают — ищут, где что плохо лежит. А соседка шьёт для всей округи — отбоя нет. И бывший хозяин всего дома возле нас. Ему власть даже две комнаты оставила, где жили кухарка и конюх... — и не скрывая иронии, уточнил: — Сыну за заслуги отца перед человечеством... Старик плохо видит. Мы с Гришей и Семёновна, — это которая шьёт, — как-то поддерживаем. С Гришей к нему ходим немецкий язык учить... Так и живём.

Когда миновали последнюю мазанку на выезде из Лубен, Василий Никифорович поинтересовался:

— А бывший хозяин из яких?

— Отец генералом был.

— Военный?

— Штацкий. Действительный тайный советник. Он в Киеве водопровод организовал. Бродский — огромный рынок и больницу, а Сапунцов — воду. На каждой улице, в каждом доме и квартире... И канализацию.

— А канализация? Это...

— Гляди! — остановил Иван отца.

На дороге стояли трое. Коренастый, в чёрном флотском бушлате. В руках держал обрез. Второй — в сером пальтишке, чуть прикрывавшим колени. Держал что-то, походившее на половину переломленной оглобли. В третьем Василий Никифорович признал того самого сутулого, разглядывавшего Ворона. Только вместо пальто и кепки на нём был кобеняк, капюшон которого накрывал голову.

— Держи! — приказал нервно Василий Никифорович. Передал вожжи сыну. — Поднимись малость, — из ящика сидуши достал двустволку и ягдаш. Вынул шесть патронов, четыре положил рядом с собой. — Не быстро беги!

Троица перекрыла путь Ворону. Чёрный бушлат поднял обрез, направив ствол на коня.

Когда между бричкой и троицей оставалось метров двадцать, Василий Никифорович крикнул:

— А теперь скачи! Гляди! Ворон не приученный до стрельбы!..

Иван ударил коня вожжами, посылая вперёд. Тот, почувствовав слабину в удилах, пошёл галопом, высоко подбрасывая передние ноги. Беспалый поднялся, вскинул «Зауэр», навёл стволы на ноги «чёрному бушлату», нажал на спусковой крючок. Грохот испугал коня. Он изогнул шею в сторону, слепо помчался, видя только собственные ноги. Второй выстрел добавил ему прыти...

Обрез упал на дорогу. «Бушлат» присел, схватился за простреленные колени. Державший оглоблю поднял её над головой, намериваясь ударить по бричке. Но карточка третьего выстрела выбила палку из рук. Ворон головой столкнулся человека на обочину. Коляска переломила обрез колесом ... Сутулый успел отскочить и побежал.

Василий Никифорович обернулся, рывком опустил верх, опёрся коленом в седушку и выстрелил, целясь убегающему по ногам.

Через версту-полторы Иван приструнил коня.

— Шо за время такое подлючее наступило?! — Василий Никифорович принялся прятать «Зауэр». — Куда ни кинь, кругом злодейство... Люди переродились за десять лет... А ты испугался?

— Мы с вами людей побили, — невесело ответил Иван.

— То не люди. У меня сейчас такой вкус до жизни — усе днём ягнята, а як ночь — волки. Когда это кончится?

— При нашей жизни — никогда! — отрывисто сказал Иван. — А что вы, батько, приехали один — хорошо. Я боялся — с вами будет Маша, а ещё хуже — мама.

— Шо сталось? — строго спросил Василий Никифорович. — Вас из комнаты выкидывают, а ты боишься сказать маме?

— Хуже, батько. Пятилетку организовывают у нас.

— Кум Гандзя про иё токо и говорит. У нас чутка — радио проводить начнут.

— Радио — чтобы сообщить... Все — на войну!

— Из кем?

— Со всем миром.

— Не надоело? Даже для дурного дела нужны мозги. А я их не вижу... А пятилетка до нас яким боком?

— Не боком, а топором! — выпалил Иван. — Для пятилетки нужны рабочие. А их можно взять только в селе. И вас вместе с Солёным Гаем уничтожат. И кума Гандзю, деда Баглая, Илью Несторовича.

— За шо так? — в недоумении спросил Василий Никифорович.

— За то, что сами себе хозяева. Пятилетке нужны рабочие и солдаты. На заводах будут делать пушки и броневики. А без обслуги ни одна пушка не выстрелит и броневик не поедет... На фабриках вместо пальто будут шить токо шинели и гимнастёрки, вместо модельных туфель — сапоги. Всё для войны. Один человек мне сказал — готовится указ... переходить на карточки...

— Як при Керенском?

— Хуже. Хлеб — по полкило... Мясо — по фунту у неделю, масло — по фунту в месяц... И мыло — только кусок.

- Откуда это?
- У меня товарищ... Рассказал по секрету... А у него папаша во власти работает... в партийном доме. Он с батьком своим стали тушёнку закупать и в погреб складывать.
- У газетах про такое не пишут. Гандзя ни разу не говорил.
- Про такое не напишут. И главное скажу — такие, как ты и наш кум, воевать не будут. От таких будут избавляться «огнем и мечем».
- Это як?
- Убивать. Даже слова придумали — «враг народа». Было — «враг революции», «контра». От революции десять лет прошло и «контрой» не сильно напугаешь. Вот ты, мама, Петя и Маша — враги народа теперь. «Контру» стреляли. Начнут и вас. Я в поезде ехал и молил Бога, чтобы вы, отец, приехали в Лубны один... Петя и Маша поймут. А как сказать маме, что надо всё продавать и уезжать?
- Як уезжать?! — выкрикнул Василий Никифорович. — Тут хозяйство, кони... Токо-токо на ноги поднялись... Дом — красота... До нас на Ворона глядеть люди ходят...
- Такие хозяйства, как наше или Яковенковское, не нужны владе! — запальчиво сказал Иван. — Она боится вас, ненавидит... Вы — упавшее дерево на дороге... И это дерево нужно выпилить... чтобы не мешало броневикам и кавалерии... Я читал одну книгу... «Государство и революция» называется. И понял — Москве нужны Челкаши, а не мы.
- А это хто такой?
- В школе мы писали сочинение о «поэтике ранних рассказов Горького»... Это такой же, как и Пушкин... Помнишь, дед Никифор нас заставлял читать «Дубровского»? До Пушкина никому дотянуться нет сил... Бог не дал. И вряд ли кому удасться... Я про другое. У нас в классе был Калистрат Сухота. Я его в Киеве встретил недавно. Комсомолом заведует на каком-то заводе... Так он написал в сочинении фразу, которую потом по всей школе повторяли: «По берегу моря шёл Челкаш. Из его рваных штанов было видно его пролетарское происхождение»...
- А мы тогда хто?! — возмутился Василий Никифорович.
- Вы, товарищ Беспалый, — буржуй.
- А буржуй — не человек?
- Тут — нет.
- Якой я буржуй?! — возмутился Василий Никифорович. — До солнца уже из вилами. Коней добрых холю. Сплю по четыре часа, потому шо голова болит за завтрашний день. Дождь — овсы полягут. Солнце — люцерна созреет у один день. Бегу перекидать валки... Так то летом. А зимой якой буржуй на морозе по десять часов на леваде?..
- А всё равно — буржуй, — сказал Иван, как отрубил наотмашь. — Владе нужны люди в рваных штанах в очереди за хлебом, а не Беспалые с Воронами в собственной леваде...
- После долгого молчания Василий Никифорович спросил осторожно:
- Уезжать?.. И куда на старости лет?
- На заработанное от коней и молотилки можно купить в Киеве комнату или даже две, — Иван ударил Ворона вожжами — тот пошёл аллюром. И увлекаясь радостным бегом коня, громко добавил: — И все мы рядом будем. И живы.
- А ты не собираешься жениться? — подавленно спросил Василий Никифорович.
- Переедете — женюсь.

15

После отъезда Ивана в Солёном Гае всё изменилось...

Дом, кони сразу стали словно чужими. Василий Никифорович видел, что дети и жена в душе живут мыслью об отъезде, хоть и молчат об этом.

«Придумки всё это, — убеждал он себя, суетясь в конюшне или на леваде. — Убивать за шо? Шо кони и коровы живут у дворе? Такого ни один человек, у кого

душа осталась, не може придумать... Токо вовкулаку такое на разум прийти може... Так у него разуму нету... Бог не дал...»

Ложился спать. Через полчаса поднимался, подходил к двери комнаты дочери или сына с желанием войти, завести разговор, убедить их в ненужности оставлять хутор, ехать в неведомую даль, где их ждёт неустроенность, неуважение неведомых соседей как к чужакам. Но рука не поднималась постучать — непонятная сила не позволяла. Тогда приходил к Елизару, садился на постель и, наблюдая, как тот листает страницы книги, сидел молча. Через час молча уходил.

Спал мало и трёпано. Ему казалось, что во дворе, в конюшне, по левадам бродят какие-то люди с одним желанием — украсть Ворона. Одевался, выходил во двор, отправлялся к ограде дальней левады, заглядывал в конюшню. И несколько успокоившись, возвращался в дом. Ложился. Засыпал. Но через час снова поднимался. Шёл осматривать хозяйство... Однажды почудилось — из конюшни выводят Ворона. Вытащил из двери ружьё, выскочил на крыльцо. Но кругом только ветер и беззаботная беготня собак...

* * *

В начале октября 28-го года Елизар получил письмо, приглашавшее его к 16-у числу на месячные «курсы повышения знаний» в Полтаву. И с утра 15-го Машу в школу повёз Василий Никифорович. Была договорённость — за крестницей победит Иван Гандзя. А Беспалый, вернувшись, повезёт в Полтаву Елизара.

Высадив дочь у ворот школы, Василий Никифорович послал Шлёгера в галоп.

Солнце медленно вставало, изредка выглядывая сквозь прогалы в серых облаках, точно играло в прятки, не пытаясь даже спорить с осенней прохладой. И как только оно скрывалось за плотной, серой тканью неба, налетал ветер, пытаясь сорвать ещё зелёные листья с придорожных осокоров.

За мостом через Оржицу у перекрёстка дорог на Лубны и Полтаву стояла бричка, запряжённая коротконогим гнедым меринком. В ней сидели трое военных в шинелях с тёмно-синими клапанами на груди, богатырках с нашитыми синими суконными звёздами, засупоненные кавалерийской портупеей. Каждый держал шашку на коленях.

Конём управлял боец, сидевший на откидной сидухе.

Когда коляска Беспалого поравнялась с военными, один громко выкрикнул:

— Дядя, в Гай... Солёный куда?

— А вам шо там? — спросил Василий Никифорович.

Наступило молчание. Было видно — командиры о чём-то переговариваются.

— Мы — ремонтёры, — долетело от брички.

— Мы за свои деньги, — добавил кто-то из военных. — Командование полка разрешило.

— А ваш полк где квартирит?

— В Хорлах.

— Поехали. Я тоже у Гай.

Василий Никифорович въехал во двор. И закрыв перед конём командиров ворота, сказал:

— Ваший мерин постоит тут. Сап осенний гуляит. Кони падут... Жалко. Ждите, — повёл Шлёгера в сторону конюшни.

У ворот его сменили собаки.

На хозяйском крыльце стоял Елизар.

— Я готов ехать, — объявил он.

— До нас ремонтёры, — сказал Василий Никифорович. — Коней хотят купить. Пойди сведи Ворона в дальнюю леваду. Сильно всех до себя тянет, шо молодая вдова парубиёв.

Вернулся к воротам.

Военные — молодые парни лет двадцати пяти: командир сабельного взвода, командир отделения и с красной звездой на рукаве младший политрук.

— Якой масти будете брать? — спросил Василий Никифорович, отгоняя рычащих собак.

— А какие есть? — вырвалось у комвзвода.
— Буланые, серые у пятнах, вороные. Вам кобылы или мерины?
— Поглядим.
— Батый на Киевское православие толко на кобылах приходил.
— Командирам эркака на кобылах воевать не по чину, — хихикнул кто-то скороговоркой, шагая следом за Беспалым.

Кони гуляли в ближней леваде — взрослые и жеребята.

Василий Никифорович остался стоять у изгороди. За военными с опаской наблюдали с крыльца Дарья Яковлевна и Петя.

Красноармейцы ходили между коней, иногда похлопывая того или иного по шее. Комвзвода остановился возле вороного мерина-четырёхлетки высотой чуть ниже мерной сажени. Заглянул в рот, оценивая зубы. Взял за недоуздок, повёл к воротам.

Младшие командиры выбрали по масти на собственный вкус, один — буланую кобылу с чёрной полосой на спине от гривы к хвосту, второй — серого коня с чёрными пятнышками по телу.

Из дальней левады вернулся Елизар.

— Уздечки есть? — спросил комвзвода. И добавил: — Говорили, что у вас вороные есть с белой гривой.

— Были две. Токо продали в Сорочинцах, — ответил Елизар.

— Уздечки у нас бесплатно, — добавил Василий Никифорович. — А от вас триста червонцев.

— Чего? — недовольно возмутился комвзвода. — Ты, буржуй недобитый, собрался деньги брать у командиров Красной армии?! Тебя с земли не свели ещё, так мы это можем сейчас!

Перед глазами Василия Никифоровича всплыли вдруг слова из письма Ивана: «Ничего не продавай владе! Обманет!»

— Ваша влада, — беззлобно согласился Елизар. — Только уздечки в конюшне возьмите. Там и сёдла лежат.

— А то кони добрые, — добавил Василий Никифорович. — Не порядок, если на недоуздке в полк гнать.

Равнодушно-доброжелательный тон хозяев успокоил военных. В конюшню пошли двое, оставив с конями командира отделения.

Когда они скрылись в темноте, Василий Никифорович подошёл к красному, заломил ему руку за спину.

— Гавкнешь — яйца твоей же шашкой отрубая, — тихо пригрозил он. Повёл военного к конюшне. Махнул Елизару: — Закрывай. Посидят пока. До конского говна им не привыкать.

Втолкнули комотделения в конюшню, набросили на ворота засов.

— Открой, сука! — вылетело изнутри. — Расстреляем, падлу!

— Ты зачем с ними связываешься? — недовольно спросил Елизар.

— Так нада. Ходём!

Подошли к бричке красноармейцев. Василий Никифорович спросил бойца:

— Кто у вас у полку командир?

— Комполк товарищ Иван Карпович... Голуб.

— Скачи в свои Хорлы...

— У якие Хорлы? — удивлённо спросил боец.

— А ваш полк де стоит?

— У Яблонёвом.

— Беги скоро у своё Яблонёвое, — сказал Василий Никифорович, — и доложи товарищу Голубу, шо его кавалеристы задержаны трудовым народом, — увидев недоумение и испуг на лице бойца, добавил: — Застукали командиров эркака... Грабили серед белого дня. Гайни быстренько у полк... Пушчай сам товарищ Голуб приедит. Так и передай — шоб комполк сам...

Бричка вернулась часа через два. Из неё выпрыгнул коротконогий военный с тремя красными «шпалами» в синих петлицах куцей суконной куртки, затянутый портупеей, в серо-жёлтой фуражке со сломанными краями. По-хозяйски, уверенно

отодвинул воротину, решительно вошёл во двор и заножённой шашкой попробовал отогнать рычащих собак.

С крыльца к нему спустился Василий Никифорович.

— Комкавполк Голуб, — представился военный, сверкая злостью чёрных глаз. Протянул руку. — Шо тут сталося? Якие кони?

Беспалый поведал о визите командиров.

— Веди, показуй! — зло приказал Голуб.

Кавалеристы сидели без богатырок на куче сена. Увидев в проёме ворот командира полка, подскочили, натянули на голову шлемы, принялись поправлять портупею.

— До меня шагом марш! — крикнул Голуб. — Комвзвод, доложи!

— У нас позавчера было партсобрание, товарищ комполка, — начал нерешительно взводный. — И товарищ комиссар из дивизии прямо сказал... У нас индустриализация начинается для победы... во всём мире. И всех буржуев приказано свести из нашей земли... А их добро конфисковать в пользу... — комвзвода замолчал.

— И дальше?! — нервно потребовал комполка.

— Если такое решение партии... А эти... — комвзвода ткнул пальцем в сторону Беспалых, — назначены на выселение... Мы подумали... Зачем добру пропадать?

— И пошлы грабить?

— Чё сразу грабить? Это решение партии...

— Ты тутась нашу партию не погань!

— Товарищ комполка, разрешите обратиться? — сказал младший политрук.

— Говори.

— Во всём районе говорят, что тут хорошие кони... и назначены на конфискацию. Коней заберут... А у нас монголы коротконогие, а не кони. Вот... мы подумали...

— Шагом марш у бричку! — крикнул командир полка.

Когда младшие командиры ушли, Голуб вынул из кармана синих бридж кiset, принялся ладить самокрутку. И спросил:

— Я задымлю?

— У меня во дворе не курят, — ответил Василий Никифорович. — Як вы мне коней вернули... то можна.

— Вы, добродей, звините дураков, — сказал тихо Голуб. — То у всём моя вина... Я попрошу... про этих мерзавцев никому не рассказывать. Я из них три шкуры спущу...

— он долго скрёб спичкой о коробок. Пустив сизый махорочный дым, сказал: — А про ваших коней у нас балачки¹ по полку. Говорят — есть дюже чёрный из белой гривой, — и по-детски попросил: — Може, покажете. До коней я сильно припадаю. Я из драгунов... У Туземную дивизию подался до Мирзы Каджара². А от него у Красную гвардию. А сам я переяславский. Коло Черкасс.

— Пошли, покажу...

По дороге в дальнюю леваду Беспалый спросил:

— У вас на собрании правда про конфискацию говорили?

Голуб промолчал.

Увидев Ворона, комполка долго стоял заворожённый. С лица исчезла суровость, глаза заискрились ярким чёрным огнём. И указывая на жеребца, сказал:

— От за это я воевал вместе из Фрунзой... а не за мировую революцию с конфискацией.

Помолчал, переминаясь с ноги на ногу, снова принялся ладить самокрутку. Спички ломались, не загораясь.

— Може, у тебя спичка нормальная есть у доме? — спросил он.

— Пошли, — позвал Василий Никифорович, догадываясь о причине нервозности кавалериста.

В столовой усадил за стол.

На кухне попросил жену не выходить к гостю. На тарелку положил кусок солонины, квашеный огурец и толстый ломоть хлеба. Поставил перед гостем. Из буфетки достал высокую рюмку-пирамидку и начатую бутылку «белоголовой» водки. И

¹ Балачки - разговоры (укр.).

² Каджар М. - командир Черкесского конного полка Туземной дивизии.

сказал:

— Угощайся, добродей.

Командир торопливо выдернул из горлышка бутылки пробку, налил полную рюмку. Не выпил, а вылил в рот водку. Занюхал огурцом, громко втягивая солёный аромат. Налил снова и выпил.

— Конями давно занимаетесь? — заинтересованно спросил кавалерист.

— Ещё мой батько из начала века... Тридцать годов без малого.

Комполка налил в рюмку. Долго держал её в пальцах, крутил, рассматривал содержимое, словно хотел что-то увидеть за стеклом. По сосредоточенности взгляда было понятно — решал проблему, но не знал, как о ней заговорить. И попросил:

— Спичек подари.

Получив коробок, выпил. Откусил кусок огурца и, жуя, сказал:

— Мне перед вами, пан, совсем погано, точно я вор. Вы водки налили... Як человек... — говорил, бросая взгляд то на Василия Никифоровича, то на бутылку с водкой, точно советовался с ней о чём-то. — А меня стыдоба палит у грудях. Душу вымазали дёгтём эти комсомольские сучата...

Уже на крыльце, прикуривая самокрутку спичкой из подаренного коробка, тихо сказал:

— А вас, якие из конями, у «врагов народа» назначили...

16

Когда красноармейцы уехали, Беспалый уселся на ступеньку крыльца. Всё вокруг него шаталось, поплыло... Ранний вечер затягивал двор серой непрозрачной тканью, накрывая дом и постройки. Ему казалось, что он тонет в грязной воде бывшего Солёного болота, которое Никифор Корнеевич назвал Гаем.

Вышел на крыльцо Елизар звать обедать.

— Не хочу, — отмахнулся Василий. — Без меня... Не лезит у глотку...

— Да ты, Василь, не сильно душу мордуй, — сказал Елизар. — Иван про чего говорил? Ты — буржуй гоноровый. И зуботычина — шоб не сильно радовался. За десять лет мог бы и привыкнуть.

— А ты, Еля, не сильно лайся на меня, — сказал Василий Никифорович, пересиливая себя. — Завтра из самого утра отвезу тебя у Полтаву.

— Где-то Гандзя загулял, — сказал Елизар. — Обещал Машу привезть. Пора уже быть. Скоро совсем стемнеит. Поем и гайну.

Через полчаса бричка увезла его в Оржицу.

А Василий Никифорович остался сидеть на крыльце, не имея сил подняться.

Пришли собаки. Две легли у ног. Молодой кобель, больше иных походивший на Чёрта и носивший кличку Бес, — лаявший нехотя и неизменно скаливший гвоздиклыки по пустякам, — встал рядом, как верный охранник. Нюхал воздух настороженно, заглядывая призывно в лицо хозяина. Но тот не обращал внимания на поведение пса.

Кобель зарычал осторожно и пошёл деловито в сторону ворот. Лежавшие у ног Василия Никифоровича побежали следом.

За воротами возникла тёмная фигура.

Бес тявкнул громко, грозно и принялся рычать, скаля зубы.

— Товарищ Беспалый! — позвал незнакомец.

Василий Никифорович посмотрел в сторну ворот, стараясь угадать гостя. Но не признал.

— Вы хто? — спросил он, подойдя к воротам.

— Ваш дядя Елизар Корнеевич делал моему сыну операцию.

На госте была шляпа и длинное чёрное пальто.

Всматриваясь, Василий Никифорович тихо сказал:

— Сидор? Не признал... — отодвинул воротину. — Заходите.

— Елизар Корнеевич дома?

— А вы, добродей, его на дороге не встретили? Добрый час, як до вас у Оржицу гайнул.

— Я не по дороге... Подем, — смущённо ответил Исидор. — С делом... Именно к вам, Василий Никифорович,
— Из делом? — удивлённо спросил Беспалый, продолжая всё ещё тонуть в грязи болота, переполнявшего душу. — До меня из делом нада утром.
— Я не коней покупать, — всё так же смущаясь, объяснил Исидор. — Заходил к Елизару Корнеевичу. Написано — «В Полтаве».
Секретарь вынул из внутреннего кармана пальто бумаги, протянул Беспалому.
— Вам надо это прочесть обязательно.
— Эх, добродей! — с сожалением сказал Василий Никифорович. — Я без очков не читаю. Пойдем у дом.
— Кто до нас? — поинтересовалась Дарья Яковлевна из кухни.
— Из Оржицы! — громко ответил Василий Никифорович. — Сидор. Секретарь оржицкого исполкома. Елизар его сына из могилы достал.
— Як ваш сынок? — спросила Назарета, входя в столовую.
— Живой-здоровый, — не улыбаясь ответил Исидор. — Спасибо Елизару Корнеевичу.
— Почитай, — Беспалый положил на стол бумаги. — Сидор принёс.
— Шо ни день, то новые напасти... — Дарья Яковлевна взяла листок. — Опять токо одно... и то самое — «Дай» и «Нельзя».

Документ №18 СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Полтавскому обкому ВКП(б).
Полтавскому управлению ОГПУ.

В соответствии с решениями пленума ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У «О начале подготовки к всеобщей индустриализации в СССР» принято решение по сведению из украинской деревни нежелательных и вредных элементов, расплодившихся за ошибочный период (НЭП), тормозящих и саботирующих развитие социализма в СССР.

В связи с государственной необходимостью утверждения СССР как оплота мирового коммунизма и упрочения тенденций мировой революции, принято решение об уничтожении в украинской деревне кулачества как класса.

Всем органам советской власти на местах необходимо в кратчайший срок составить реестр кулацких хозяйств для дальнейшей обязательной передачи органам ОГПУ. Отобрать у населения всякое оружие для недопущения проявления любого сопротивления действиям власти.

Органам ОГПУ организовать переселение кулацкого элемента в малонаселённые области Киргизии (Казакстанского края).

Генеральный
секретарь ЦК КП(б)У Коганович Л.М.

Председатель
Всеукраинского ЦИК Петровский Г.И.

— Это про нас? — спросил Василий Никифорович.
 — Да, — Исидор придвинул Дарье Яковлевне второй листок. — Тут все дворы на выселение и конфискацию.

На листе был список фамилий и имён, написанный чернилами.

— Когда начинать — поступит особое распоряжение, — добавил Исидор, всё ещё борясь с неловкостью.

*Оржицкий повет, Луденский исполком,
Село Онишки.*

*Пятьдесят дворов. Тридцать пять из них — комнезамовцы
артели «Сталинский шлях». Раньше — «Имени Троцкого».*

1. Беспалый Василий Никифорович 1868 г.р. Детей 4 души. Имеет хутор Солёный Гай с молотилкой, лобогрейкой и дрочкой. Табун коней 28 шт. Коровы. Телёнок. Плуг. И главное баня. Налог сплаченный.

2. Яковенко Никифор Несторович, 1871 г.р. 7 душ детей. Две хаты и купленная земля от царизма. Ставит хутор. 2 коляски. Телега и арба. 2 плуга. 4 волов, 3 коровы. 3 телёнка. 5 свиней. Налог сплаченный.

3. Касьяненко Иван Гаврилович, 1881 г.р. Детей 5 душ. 2 коня, 2 вола, 2 коровы, 2 телёнка, 6 свиней. Не захотел идти у Красную гвардию. Хата под железом. Налог сплаченный.

4. Баглай Филон Евдокимович, 1839 г.р. Продолжает баламутить людей у селе, без согласования из сельсоветом и исполкомом открывает церкву, поёт. Детей хрестит. Для этой контрреволюционной деятельности сам выдвывает хресты на шею.

— Там двадцать фамилий, — перебил торопливо Исидор. — Не имею права вам эти бумаги показывать. Сами читали: «Совершенно секретно». Совесть моя велит... А дальше — как знаете, — сложил листочки, сунул в карман.

— А мой брат у этом списке имеется?

— Кто себя вписывает на погильель?

— И шо нам делать? — спросила Дарья Яковлевна.

— Уезжайте... Хоть куда. Изничтожат. Вы — буржуи. Враги народа. И, может быть, через месяц, а то и раньше, к вам приедут отбирать молотилку и лобогрейку... и дом.

И стоя уже у входной двери, Исидор сказал:

— У меня на столе лежит бумага из Полтавы — всем, кто в списке, запрещено выезжать. Только переселение... и под контролем ОГПУ.

— А как же ехать без разрешения? — спросил Беспалый растерянно.

— В сельсовете у Яремы Никифоровича надо получить справку. И быстро. И не рассказывайте обо мне... Делайте молча...

17

Беспалый, высадив Елизара возле Облмедуправления, послал Шлёгера в галоп, точно спешил на помощь кому-то очень близкому, дорогому. Пролетел мимо Солёного Гая. Остановился у двора Гандзи.

Вызвал Ивана на двор. Поведал о кавалеристах и приходе Исидора. Говорили недолго. Без рассуждений решили уже в ночь на субботу гнать лошадей в Сорочинцы.

Садясь в коляску, чтобы ехать домой, Василий Никифорович попросил:

— Гайни, Гаврилович, до Яковенка и Баглая... Я усега списка не читал... Кто там — не знаю. Про шо я дознался — на ухо им шипони. Нехай сами себе думают. И завтра на вечер до меня из своими конями...

Иван Гандзя приехал в Солёный Гай уже в темноте, верхом с пристёгнутой к седлу лошастью. В тулупчике, валенках и зимней папахе.

Прикинули: к седлу Ивана можно пристегнуть ещё одного коня и шесть пойдут около коляски. Пётр вызвался ехать верхом с двумя конями, пристёгнутыми к седлу. Вышло — десять на продажу.

На радость Марии — ей приказали в субботу сидеть дома.

Назарета заставила сына забраться на чердак за тулупами и валенками. Сама возилась у плиты допоздна.

Время словно остановилось, будто понимало — люди торопятся. И хотело помочь, чтобы ничего не было забыто в дорогу.

В последнюю минуту Василий Никифорович упрятал под сидущку коляски двустоволку и ягдаш.

На ярмарке были далеко не первыми...

Долго возились с лошадьми, расставляя вокруг коляски.

Донимал утренний холод. Поддержанный неожиданными порывами ветра он нагел, сильно покусывая, заставляя прятать лица в воротники.

Народ неспешно ходил между возов. Первые покупатели подошли только после десяти — два мужика. Один — в шинели и чёрной папахе. Второй — в тулупчике и солдатской фуражке. Долго заглядывали в зубы коням, переглядываясь между собой. Спросили о цене с безразличием. Ушли. Но вернулись минут через десять, ведя следом ещё четверых человек.

Остановились в сторонке. Тихо переговаривались. Мужик в фуражке показал на беспаловских коней, убеждая жестами в чём-то товарищей.

— «Зауэр» достать? — озабоченно спросил Петя отца.

— Возьми тишком-нишком, — ответил Василий Никифорович. — Там, сверху у ягдаше, патроны с бекасиной.

Мужик в фуражке подошёл к Беспалому и, указывая на коней, спросил:

— Добродей, скоко твоим коникам?

— Пять годов, — уверенно ответил Беспалый

— Скоко просишь?

— За меринов сто червонцев... за кобыл сто тридцать.

— А чего тридцать?

— Кобылы жеребье. На весну лошата будут.

Покупатель ушёл к товарищам. Через минуту вернулся и сказал:

— Берём шесть... Двух меринов и четыре кобылы. За всех шестьсот червонцев.

— А уздечки? — спросил Василий Никифорович. — Они — справный товар.

— Ище сто червонцев, — предложил мужик, не желая торговаться.

— Вам зачем стоко коней? — поинтересовался Беспалый.

— Мы из комнезамовской артели убегли. Сами решили землю пахать, як батько и дед.

— У комнезаме скушно?

— Дурють! — с обидой, словно оправдываясь, объяснил мужик. — Половину зерна забрали у пользу якой-то интернациональной помощи. Половину...

«На моих конях сильно не напашешь. Им бегать в бричке, — хотел сказать Василий Никифорович, но промолчал. А душа рвалась крикнуть: «Не покупай! Всё конфискуют комнезамы!»

Мужик махнул, подзывая к себе товарищей.

— Выбирайте! — вынул пачку денег, отсчитал, отдал Беспалому. — Жалко, у тебя возов нету. Оптом — дешевле.

— Так просто отдавать коня не положено, — сказал Василий Никифорович, принимая деньги. — Нада каждую уздечку через полу передавать.

— То — дурное, — весело ответил мужик. Счастливым сдвинул фуражку на затылок, пошёл следом за товарищами, уводившими лошадей.

К коням Гандзи подошли двое. Молодой крепкий парень в тулупчике, с кнутом в руке и низкорослый дедок в шляпе, сером пальто. В расселине шарфа виднелась белая рубаха, затянутая чёрным в полоску галстуком. Он держал подмышкой корич-

невый портфельчик. Оглядели мерина и кобылу. Пошли дальше.

Беспалый позвал Ивана Гавриловича, предлагая позавтракать. Встали у коляски, принялись есть: картошку с кусками курицы, заедали квашеными огурцами. Гандзя порылся в своём сидоре, достал тёмный штоф.

— Мария заставила взять, — словно оправдываясь, объяснил Иван Гаврилович.

— Боялась, шо замёрзну... Звиняйте, панове, казна самогона у нас не делает.

— А чего чарку не дала? — спросил Василий Никифорович.

— Я без чарки не ездию, — порылся в сидоре, достал рюмку-пирамидку.

Когда выпили, Петя, продолжая жевать, выказал искреннюю радость:

— А я, грешным делом, подумал — снова бандюги до вас, батько, як тогда... из Лубен. На всяк картечь зарядил.

— Про Лубны откуда взял? — недовольно спросил Василий Никифорович.

— Иван говорил, — ответил Петя, оправдываясь.

— Усё брешит твой Иван. И батька перед людьми...

— Ты, Никифорович, не лайся на хлопца, — заступился Гандзя. — Про твою стрельяину вся округа гудит и сегодня ищёт. А Петя — молодец. Правильно кумекаит... От токо я боюсь, як бы назад мне коней не гнать. Ночевать тут нельзя оставаться.

— Продадим, — уверенно сказал Василий Никифорович. — Чует моё сердце. День зачался добре.

Подошли два утренних покупателя — парубок с кнутом и дедок в галстук.

— Кони чьи?! — громко спросил молодой.

Иван Гаврилович оставил еду.

— Сколько хочешь, дядя, за своих?

— По сто червонцев.

— Годков им скоко?

— Кобыле — пять. Жеребая. А мерину — четыре, — и добавил: — Можна из седлом.

Внимание Беспалых отвлек покупатель. Подошёл франтоватый человек лет сорока в коротеньком бежевом полушубочке, тороченном по краю чёрной мерлушкой, аккуратном клетчатом картузике, в коричневых бриджах и чёрных сапогах с высокими голенищами. Осмотрел коней, заглянул в зубы. Ушёл неторопливо. Несколькими раз оглядывался, затем остановился, явно о чём-то размышляя. Решительным шагом вернулся и спросил:

— Пять лет есть?

— Кобыле, — ответил Василий Никифорович, оставил еду. — А мерину — четыре.

Покупатель принялся ощупывать ноги мерина. Подёргал за волосы на белых носках.

— У кого белые ноги?

— У жеребца, — ответил Василий Никифорович, понимая, что перед ним знаток.

— Под седлом ходят?

— Мерин, як нада, разом из седлом продаётся. Двести. И кобыла за такие самые гроши...

Покупатель удивлённо посмотрел на Беспалого.

— Потому шо жеребая, — объяснил Василий Никифорович.

— Первый раз.

— А хто добрую коняку до жеребца пускаит раньше? — недовольно заметил Василий Никифорович.

— Седло покажи, — попросил покупатель. Осмотрел. — У кого брал?

— Сами шьём. Вон мой сын, — Василий Никифорович указал на Петра. — На это выгученный.

— Ленчик из чего резали?

— Як всегда — из дуба.

— Пусть заседдает.

Петя снял с коляски седло. Бросил на спину мерина, аккуратно затянул подпругу.

Франт внимательно наблюдал за действиями парня. Но когда тот захотел встать в рот коню трензель, остановил.

— Не надо.

Достал кожаное портмане, вынул пятисотенную бумажку, протянул Василию Никифоровичу. Получив сдачу, спустил на замках стремяна, запрыгнул в седло, жестом попросил вожжи кобылы. И поддев каблуками, точно шпорами, живот мерину, послал рысью.

Доедали спешно, молча, без выпивки... Уехали торопко, увозя скрытую в душе радость.

Вожжи взял Петя...

18

Беспалый надел длиннополое пальто. Из дверного косяка вынул «Зауэр» и ягдаш. Достал четыре патрона с «бекасиной», опустил в карман.

— Ты куда? — спросила с тревогой Дарья Яковлевна, увидев в руках мужа ружьё.

— В царину.

Жена молча ушла, крестясь.

Шумно дул декабрьский колючий ветер с севера, цепляясь за голые худые ветви кустов и деревьев, нагоняя холод на порожние поля. Короткий день, появившись, старался быстро исчезнуть в вечерней темени, гонимый пугающим завыванием. Его подгоняла жёлтая листва, поднятая с обочины дороги.

В Онишках заехал к Гандзе.

— Пошли, Иван Гаврилович, — сказал неулыбчиво Василий Никифорович, застав кума в сенях.

Иван молча оделся.

Подъехали к царине — окно светило тусклым светом.

Беспалый привязал Ворона к коновязи, сунул под пальто ружьё.

— Ты, Василь, чего удумал? — опасливо спросил Гандзя. — Он — влада тут.

— Это тебе он — влада, а мне — брат. И время тратить на иё не будем. Нету нас тут уже. Не знаю, як ты, а я всё продал... почти.

— А молотилку?

— Не покупают... — зло сказал Василий Никифорович. — А без хозяйства мы из тобой пролетар...ятники. А по-нормальному — злыдни... Осталось бумагой запастись. Може, на ней напишет влада, шо мы — люди.

Ярема сидел за столом. Писал.

Подняв подслеповатые глаза, увидев две фигуры в темноте дверного проёма, лениво спросил:

— Кто там?

— Родственники.

Узнав голос брата, староста снял очки и привстал. В его полусогнутой фигуре угадывался испуг. Он поднял фитиль в лампе, принялся прятать в ящик стола бумаги, лежавшие перед ним.

— Вам чего? — Ярема Никифорович поставил локти на стол, подпёр кулаками лицо.

— Бумаги напиши, — сказал Василий Никифорович.

— Якие?

— Шо мы — онишковцы. Я и Иван Касьяненко. И хочим ехать из Онишек.

— Едьте. Кто вам мешаит?

— Насовсем. Из детьми. Такой самый документ, шо ты племяннику Грише написал.

— Шо значить — уехать насовсем? — спросил Ярема Никифорович, нагоняя недовольство в голос. — Кто разрешил?

— Гетьман Дорошенко.

— Хто?!

— Наши деды в крипаках не ходили. Як ты сам хочеш волон у ярме стоять — твоя воля. А мы — не скотина. Пиши!

- Не имею права! — резко ответил Ярема.
- А шо так? — удивлённо спросил Василий Никифорович. — Наш батько из могилы крикнул, шоб я под твоим батогом ходил? Или сам дед Корней приходил у во сне?
- Из Харькова запрет.
- На всех оржицких или токо на твоего брата... и на Ивана Касьяненка.
- На всех!
- Никифор Яковенко у этот запрет записанный? — с ехидством спросил Василий Никифорович. — Его сын тебе кумом. Он про себя знает, шо ты его у ярмо волом поставил?.. А дед Филон?.. Думаю — ты сам тот запрет писал и у Харьков послал.
- Нияких бумаг я не дам! — сказал староста. Спрятал очки в карман гимнастёрки, поднялся. — У меня нету времени из вами...
- Василий Никифорович отбросил полу пальто, достал ружьё. Сломал. Из кармана вынул два патрона, всунул в казённый. Демонстративно щёлкнул, ровняя винтовку.
- Ты шо вытворяишь, братец?! — с испугом выдавил из себя Ярема, нервно дыша.
- Я сичас тебе не братец, — Василий Никифорович навёл стволы на окно. — Пальну — до лета будешь собственной задницей от мороза затыкать. И не погляжу, шо ты мне брат! Пиши! Ты меня знаешь... Я морды бил друзьякам, защищая тебя, — демонстративно взвёл курки. — А теперь понял, шо нужно было не мешать онишковским хлопцам из тебя говно выбивать, як зерно цепами. Пиши! Я шутковать не собираюсь. Пальну... И Елизар не успеит тебя у своём шпитале зашить... если шо-то останется.
- На кого писать? — тихо согласился Ярема.
- На моих, на Касьяненковых... На всех, хто придёт... На кого ты донос «кажанам» у Харьков послал!
- На улице, садясь в бричку, Беспалый сказал куму:
- Гайнём по дворам. До ночи объедем всех.
- Давай, Василь, иначей, — попросил Иван Гаврилович. — Ты на бричке в дальний кут. А я пеши тут на прогоне до Баглая и Яковенка...
- Бумаги подалей спрячь, — садясь в бричку, потребовал Василий Никифорович, соглашаясь. — Я братца знаю, як облупленного. Он всех собак спустит, шоб их забрать назад. А як надумаешь ехать куда — достанешь.
- От я про это из тобой хотел.... Помнишь... Моих коняк покупали двое. Они из Амвросиевки...
- А это де?
- Коло Юзовки. Теперь Сталином обзываются... после, як Ленина похоронили.
- Шо-то кругом одно и то самое, — раздражённо сказал Василий Никифорович.
- Из одного боку — Ленин-Сталин, а из другого — Сталин-Ленин. Наче других слов нету. Як не крути — размалёванная писанка. А на деле яйцо из-под курки. И шо у том Сталине доброго?
- Там мергелевый карьер, — объяснил Иван Гаврилович. — Ставят хлебный завод. Нужны люди... Эти двое, шо у меня коняк взяли, звали. Дедок у галстук — на хлебзаводе бугалтеруит... Так я про шо?.. Двор уже пустой... А ходить по Онишкам из протянутой рукой? Ты отвези нас у Лубны на станцию. Мы поедем у эту самую Амвросиевку...
- Так ты весны дождишь.
- Не буду. До марта хлеба и картошки хватит, а сеять уже не нада. И харчи у меня кончатся. Корову продам... и у поезд. Ты нас на станцию свези...

19

Собирались начали за день до отъезда. Выносили самое важное. В коляску и бричку не поместилось и половины приготовленного. Перекладывали узлы и валізы¹ до заката. Возились бы и ночью, но всё прекратила Дарья Яковлевна — приказала упаковать две смены белья, верхнюю одежду, по паре обувки. Только Маша сумела уп-

¹ Вализа - сундук, чемодан (укр).

рять между тряпок третью пару туфель, ни разу не одёванную, — на каблучках с тонкой перепоночкой, — купленную отцом в Полтаве как подарок ко дню рождения. Запаковали по ложке, кружке, тарелке и два ножа на всех.

Из дома последней вышла Дарья Яковлевна. Набросила замок на ухо клямки. Поцеловала прохладный металл замка. Спустилась на землю, пошла к воротине. Обернулась к стенам дома, трижды перекрестилась с поклоном и вышла со двора.

— Ты, мать, зачем до замка приложилась? — недовольно спросил Василий Никифорович, когда Ворон вывез коляску на лубенский большак. — Не икона в храме.

— У человека три божьих места на земле... Свой дом, церковь и домовина. Если чего-то нету — ты как вроде и не человек.

На станцию приехали после полудня.

На пыльной площади стояло много телег, гружённых домашним скарбом.

Майское солнце крепко донимало...

Коляску и бричку поставили у осокоров.

— Мы из Елизаром за билетами, — сказал Василий Никифорович. — А вы ходите, шоб не перегреться. И глядите... до Ворона никого не пускать.

Издали долетел нервный гудок подходящего поезда.

— Это наш? — спросила Мария.

— Наш вечером, — ответил Петя.

— Откуда ты знаешь?

— Иван всегда на вечер уезжал.

Подошёл поезд — горячий воздух заполнился запахом горелого угля. Народ зашевелился, с корзинами и мешками потянулся к вагонам.

— Это на Ростов, — уверенно объяснил Василий Никифорович. — Я на него Гандзей садил.

Когда поезд ушёл, Василий Никифорович и Елизар пошли за билетами.

— Долго ехать им? — спросил Василий Никифорович, становясь в очередь к кассе.

— Утром приедут. Часов в десять.

— Возьмём билеты — сразу телеграмму отстучим Ивану с номером вагона.

От окошка кассы отошёл высокий человек лет шестидесяти, с белыми усами и бородой клинышком, в коричневой шляпе, серой толстовке.

— Господи, Елизар! — воскликнул старик, радостно улыбаясь. Протянул мясистую длинную ладонь. — Гот ойбн аундз!¹

— Здравствуйте, Исаак Моисеевич, — Елизар ухватился за ладонь старика.

— Вы где, мой друг? — улыбаясь, спросил Исаак Моисеевич.

— Дома. В Онишках и Оржице. Там у меня медпункты... Пять аппендицитов удалил...

— Ой, не продолжайте, — недовольно сказал старик. — Я надеялся — вы на рабфаке.

— Я старый для рабфака, — с сожалением ответил Елизар.

— А здесь что делаете?

— Билеты... Жена и дети брата едут в Киев.

— Как жаль, как жаль, что не вы. Я бы вас сразу к себе взял. Я тоже в Киев через три дня. Навсегда. Там кафедру хирургии получил и место в Первой Советской больнице. И квартиру определили. Если вдруг... то приезжайте. Запомните — Первая Советская... Или по старинке... спросите больницу Бродского. Это в Еврейской слободе на Лукьяновке. Мне нужны хорошие хирурги.

— Не с чем ехать, Исаак Моисеевич. Приватство, какое вы выдали, отобрали в Полтаве.

— Ерунда! Ветер меняется три раза на дню. Аттестат остался?

— Слава Богу.

— Завтра идите в исполком здесь в Лубнах, — старик говорил, продолжая радоваться. — Напишите заявление, что хотите учиться на рабфаке. Но не просто в при-

¹ Got aoybn aundz - Бог над нами (илиш).

ёмную отдайте, а найдите Степана Степановича... в комнате двадцать пять. Там сидит «Отдел образования». Ск?жите этому Степану Степановичу — вы от Янкелевича. От меня. Он мне обязан, — наклонился к уху Елизара и шепнул: — Я его невестку спас. Кесарево сечение, — и громко добавил: — И как получите направление — сразу в Киев. Там и работа, и рабфак. И по секрету... Когда напишите заявление — никуда из Лубнов ни на шаг. Каждый день приходите в эту двадцать пятую комнату и надоедайте, требуйте... Иначе ваше заявление положат под сукно, а потом в долгий ящик. А лучше прямо сейчас. До поезда ещё три часа. Не опоздаете своих посадить и проститься... И не верьте всяким отговоркам в этом «образовании». Они, как мне известно, получили пять мест по распределению для зачисления на рабфак. Там есть одно на медицинский...

20

Из Лубнов бежали споро...

Солнце последним закатным отблеском ещё хваталось за серые облака. Но ветер гнал их прочь от ещё светлой полосы уходящего дня к уже начавшему темнеть востоку.

Василий Никифорович выматывал себя сомнениями. Он упорно не желал принимать тяжёлые, малопонятные слова сына про индустриализацию, даже верить бумагам Исидора. Про себя ругал кума Ивана Касьяненко, называя его трусом... Пообещал жене приехать в Киев, как только продаст хутор, молотилку и лобогрейку. Но желание покинуть Солёный Гай вдруг умерло, как только поезд с Дарьей Яковлевой и детьми тронулся от здания станции.

«Пусть попробуют забрать! — уверил он себя. — Сунутся... поглядим ищѐ!»

А Елизар весь был захвачен встречей с Янкелевичем. Желание стать полным врачом донимало его с момента, когда получил диплом приват-фельдшера. Но не пытался поступить учиться; понимая, что курсы — не гимназия. И заставил себя не думать об учёбе, погрузившись в быт Солёного Гая и своих «шпиталей». Сейчас, передав заявление Степану Степановичу, стал дѐргать собственную душу, точно влюблённая барышня лепестки ромашки: «Дадут направление?.. Не дадут?..» И его «шпитали» вдруг точно вовсе перестали существовать. Их вытеснила неизвестная, далёкая Первая Советская больница... И решил — нужно бежать в Оржицу, в медпункт, начать собираться... И ехать уже сейчас, на ночь глядя, чтобы не забыть что-то важное... Жадная надежда получить направление на учёбу вдруг сменилась уверенностью, что будет учиться на этом рабфаке, ведь он — врач... Ведь изладил же он кисть, перебитую подковой, подчиняясь чужой неведомой воле, которая управляла его мыслями и руками...

Перед Пятигорцами обогнали длинную вереницу зелёных армейских телег, на которых сидели красноармейцы по трое, в шинелях, с винтовками. В голове колонны верхом ехал всадник в чёрной куртке, засупоненный ярко-жёлтой портупеей, с пашкой на левом боку и наганом в светлой кобуре на правом. Со стороны казалось — армейская часть заблудилась на незнакомой дороге.

За три версты до поворота к Оржице обогнали ещё одну армейскую колонну. Впереди ехали в коляске два командира, одетые в такую же униформу, как и всадник первой колонны.

Когда неспешно обогнали колонну, Елизар пустил Шлѐгера в галоп, увлекая за собой коляску Василия Никифоровича. Пролетел версту, остановил коня. Выпрыгнул на дорогу. Махнул Василию, приказывая остановиться.

- Ты, Василь, видал, кто ехал из вояками в коляске? — спросил он нервно.
- Не разглядел. Сидели якие-то.
- Сам Гармыдер.
- Гармыдер из войском?.. Выходит, Иван знал про зло... знал.
- И я про то.
- Погнали... доставать! — потребовал Василий Никифорович.

В свете керосинки сдвинули дощатый настил, вытащили старые, полусгнившие

куски овчины. Как-то легко подняли два «Максима». Перенесли в кухню.

— Топи! — приказал Василий Никифорович. — Надо их прогреть.

— Послушай, Василь, — заговорил Елизар. — Может, плюнем на эту войну? Нас двое...

— Иди за дровами и углём! — нервно ответил Василий Никифорович. — Разведи огонь... и иди спать. А я пошмарую железо, принесу воду в козухи...

Пужинали второпях...

Вынесли один пулемёт на парадное крыльцо, второй — на хозяйское. Василий Никифорович заправил ленты в приёмники. Елизар снял с чердака два овчинных тулупа, накрыл пулемёты.

— От росы — дело! — похвалил Василий.

Спали нервно...

Елизар ворочался в бессоннице. Слышал, как через каждые полчаса на крыльцо выходил Василий. Долетали малопонятные, гудящие слова — он говорил с собаками.

Поднялся в седьмом часу. С куском хлеба выпил кружку грушевого взвара, поставил в бричку Шлёгера, уехал в Оржицу.

* * *

Вернулся Елизар уже перед обедом. Бросил Шлёгера у крыльца, забежал в кухню.

Там сидел Василий Никифорович и щипчиками откусывал от сахарной головки кусочки.

— Война, Василь! — крикнул Елизар. — В Оржице солдаты из бумагами по хатам ходят из самого утра. Череду из выпаса погнали в старый комнезамовский хлев. Телят и свиней из дворов сводят...

— А командует Гармыдер, — уверенно сказал Василий Никифорович. — Жди... Скоро и до нас придут...

Гости появились после обеда...

Подъехали три армейские пароконные телеги. На каждой сидели по пятеро бойцов с винтовками. Их злобным лаем втретили собаки.

Из первой выпрыгнули двое: человек в чёрной суконной куртке, при кобуре и шашке, и Ярема Беспалый в военной униформе из зеленовато-серого сукна, подпоясанный красноармейским ремнём с пряжкой-звёздочкой. В руке светло-коричневый кожаный портфель.

Ярема уверенным шагом подошёл к воротам, попробовал отворить половинку, но собаки бросились к его ногам. Даже Бес не удержался, стал поддерживать злобный лай своим режущим хрипом, скала зубы.

— Василь! — громко закричал староста, пересиливая лай. Но не получив ответа, снова крикнул: — Господин Беспалый!

Василий Никифорович вышел на крыльцо.

— Шо нада, братец?

Ярема нервно оглянулся на приехавших. И после долгого молчания крикнул в ответ:

— Забери собак! До тебя советская власть! Открывай.

— Пошли на конюшню! — грозно приказал собакам Василий Никифорович.

Собаки нехотя подчинились. Отбежали к сараю, рыча, где стояла молотилка.

Ярема открыл портфель, вынул несколько бумаг и, трясая ими перед лицом брата, сказал:

— Постановлением правительства хутор Солёный Гай переходит у собственность державы и трудового народа уместе из домом, молотилкой, лобогрейкой, конями и землёй. И уся семья Беспалого Василя Никифоровича переселяются у Караган... — он заглянул в бумагу, — Караганду, у Аягыз.

— Так ты приехал меня провожать? — спросил Василий Никифорович. — Правильно... Ты ж мой родной брат... Я у том Каягозе поживу и для тебя место пригляжу... Мне одному без брата поганно...

— Открывай! — после долгого молчания потребовал Ярема.
 — Так у нас стоко добра, шо телег не хватит. А коней куда?
 — Коней в Красную армию.
 — А не боишься, братец?
 — Советскую власть пугаешь? Гляди, ноги отрубам. До своей новой хаты на коленях поползёшь...

— Сичас... Токо картуз надену. А то солнце припекаит...

Вошёл в дом, надел картуз, вернулся, сбросил с пулемёта тулуп, встал на колени, поднял ствол, крутнув колесо прицельного подъёмника, и нажал на гашетку. С вершин лещины посыпались срубленные очередью ветки.

Чоновцы в испуге слетели с телег на землю. Их командир в расстерянности побежал к Яреме. Но, сделав три шага, тут же повернул назад, укрылся за последней телегой, направив в сторону стрелявшего револьвер.

— Ты чего, паскуда, вытворяешь?! — крикнул староста.

— Ты из Нинкой и детьми попрощался? А то беги. Успеишь... Боюсь, шо она новые поминки по тебе вкатит. Дед Филон справно отпоёт... за упокой прибитого теперь по Божьему велению уже... Около мамци и батька положим... Гуртом веселей лежать.

Ярема сунул бумаги в портфель, отошёл к телегам, чем вызвал неистовый лай собак.

Он и командир в чёрной куртке долго переговаривались. Вдруг они и трое бойцов побежали в сторону изгороди, которая тянулась к дальней леваде. В тот же момент собаки сорвались с лаем в сторону дальней левады.

Минут через пять пулемётная очередь нагнала на собак трусость, заставила замолчать.

«Молодец Елизар, — улыбнувшись, подумал Василий Никифорович. — Поглядим, шо вы за влада, як за задницу хто укусит крепко...»

После второй затяжной пулемётной очереди всё утихло. Две армейские телеги развернулись и уехали. У ворот осталась одна и три бойца. Вернулись с левад собаки, с рычанием послонялись по двору, потом улеглись у крыльца.

21

Собаки бегали по двору, иногда лениво лаяли в сторону телеги чоновцев.

Те собрались коротать ночь. Распрягли лошадей, поставили их по углам грядок, наметали к мордам сено. Взялись разжигать костёр.

— Поди дров поищи, — сказал кто-то громко. — Хоть и май, а холодно.

— Где их найдёш среди ночи?! — прозвучал нервный ответ. — Обязаны уж приехать с харчами... Давай сено палить.. — выдернул охапку из телеги, бросил на костёр.

В ответ на взметнувшееся пламя залаяли псы в один голос.

Пламя поднялось высоко, высветив две фигуры у телеги и третью, высокую, с винтовкой на плече, стоявшую в стороне.

— Ты совсем?! А коням чего давать?! — возмутился чоновец с винтовкой. — Не привезут и куска хлеба. — И в доказательство своей правоты добавил: — Должно, самогон глушит наш кавалерист у ихнего старосты в Онишках.

— Не привезёт харч, падла, — я пойду, застрелю какую-нибудь свинью у этих буржуёв... И на костре посмалим, — подхватил третий боец. — Люблю свежатину.

Собаки залаяли громко, кинувшись к воротам.

— Везут твои харчи, — сказал громко долговязый, подошёл к телеге, положил на дно винтовку.

Из темноты в свет костра вошёл человек в плаще и большом картузе.

— Доброй ночи, товарищи бойцы.

— А вы кто? — спросил долговязый.

— Секретарь оржицкого исполкома. У меня срочная телеграмма к Елизару Корнеевичу Беспалому.

— Идите... если собаки пустят, — равнодушно сказал один из бойцов. — А вы

харчей не принесли?

Исидор промолчал. И попросил:

— Постучи крепко.

— А они из пулемёту, — не согласился долговязый, — как вчера.

— В меня не станут, — заверил гость.

Долговязый направился к воротам. Секретарь пошёл следом. Собаки, ощерившись, метнулись с лаем навстречу. Но должно, почувствовав знакомого человека, умолкли. Только рычали предостерегающе.

— Дядя! — громко крикнул долговязый.

— Кажись, тебя, — сказал Елизар Василию, реагируя на крик со двора.

Василий Никифорович взял от стены «мосинку», передёрнул затвор вышел на крыльцо.

— Дядя, тут к вам пришли! — крикнул долговязый.

— Говори! — ответил Беспалый с крыльца.

— Товарищ Беспалый... Это Исидор. Дело есть... Елизар у вас?

Василий Никифорович вернулся в дом.

— Иди, Еля. Исидор до тебя.

Елизар вышел во двор. Отворил воротину, пропуская ночного гостя. И спросил, не скрывая подозрительности:

— С добром или бедой?

— В исполком телеграмма пришла... — тихо произнёс секретарь. — Вас назавтра в Лубны требуют. Быть в десять утра. Обязательно.

— С чего такая прыть? — тихо ответил Елизар, подчиняясь осторожности Исидора.

— Не знаю. По опыту скажу. Не просто телеграмма, а три тройки.

— А это чего?

— «Исполнение обязательное». А для исполкома приказ... чтобы мы нашли нужных людей и проконтролировали их приезд.

— Приеду, — ответил Елизар. — Спасибо, што предупредили, — затворил за Исидором воротину.

Возвращаясь в дом, подумал:

«Это не про рабфак... Какую-то пакость придумали».

— Дядя! — остановил его крик от ворот. — Ты нам пожевать чего дай. С самого утра маковой росинки не было.

— Чего не запаслись? — ответил Елизар нервно.

У ворот долго молчали. И кто-то заявил:

— Сказали, суки... ты раскулачим и у ты же пожрём.

— Давай, кулачь, — согласился Елизар. — Только пойди дорогу проверь, куда убежать.

— Что ты — буржуй, что — кулак, — мне всё равно, — сказал долговязый. — Приказано тебя стеречь... Мне можешь не давать. А моих товарищей уважь, пожалуйста. Они — тамбовские. Только-только к нам с голодухи. Помрут... А мне отвечать за них нету резону.

— Зови, — согласился Елизар. И громко приказал собакам: — А ну кыш на конюшню!

Бойцы у костра о чём-то говорили. Двое пошли к воротам.

— Здравсьте, дядя, — сказал один осторожно.

— Заходите, — Елизар отодвинул воротину. На крыльце предупредил: — Тут осторожно. За пулемёт не зацепитесь.

Бойцы, молодые парни лет после двадцати, увидев за столом заросшего белой щетиной мужика, стали боязно топтаться в нерешительности у двери столовой, ломая картузы в ладонях.

— Висиль Никифорович, — попросил Елизар, — полей хлопцам на руки!

— Зачем? — спросил один с опаской.

— Ты только что коней распрягал, — строго объяснил Елизар. — Оброти с хому-тами лапал.

— У нас так не живут.

- Тогда помирай голодным. А у нас перед едой руки моют.
Бойцы молча ушли следом за Василием Никифоровичем.
- Скидывайте шинелки, — сказал Василий Никифорович, когда вернулись. Поставил на стол две глиняные миски. Принялся накладывать парням картошку.
- Бойцы нехотя сбросили шинели, опасливо уселись на стулья, принялись торопливо есть картошку, хрустя квашеными огурцами, заедая хлебом.
- Стопку налить? — спросил Елизар.
- Бойцы переглянулись, спрашивая согласия друг у друга, и кивнули торопливо.
- Василий Никифорович поставил перед гостями две гранёные рюмки-пирамидки, налил водку. Парни выпили, занюхали хлебом. Один стал судорожно заедать огурцом. Второй долго и громко дышал, держа ломоть хлеба у носа. Отдышавшись, с пониманием сказал:
- Казёнка... И, должно, белоголова.
- Откуда знаешь? — спросил Василий Никифорович, наливая в порожние рюмки.
- Мы с малолетства знам. А барску мы пить не приучены. Только по праздникам... и то не по всяким. У нас своё... Первачкой зовётся.
- Что вкуснее? — спросил Елизар.
- Нашенско привычней. По цвету молочно и крепшей.
- Василий Никифорович положил в тарелки бойцам ещё картошку. Елизар налил водку. И спросил:
- В войске давно?
- С марта, — ответил один, выпив.
- Так забирают перед зимой, — не поверил Елизар.
- Сами пошли, — сказал второй. И тоже выпил. — Тут жрать дают. И обувка, хоть и некудышня, а всё не лапти. Из Полтавы ездили от нас в какие-то Кобылянки раскулачивать... с сапогами вернулись.
- Может, уже и мои примерите? — сказал Елизар. — Чего время тратить попусту. Поедите... и надените...
- Бойцы не ответили. Принялись торопливо есть, не поднимая глаз.
- Запивать — грушёвый взвар, — сказал Василий Никифорович.
- Бойцы доели торопливо, выпили по кружке взвара, подняли шинели и молча вышли из столовой.
- Василий Никифорович подхватил «мосинку», пошёл следом.
- Проводив взглядом бойцов, постоял на крыльце и позвал:
- Товарищ командир!
- Подошёл долговязый.
- Пойдём, пожуюшь.
- В прихожей гость сбросил шинель. И спросил:
- Позвольте не разуваться? Перематывать обмотки противно. Вымыть руки можно?
- Он вошёл в столовую.
- Где прикажите присесть?
- Где нравится? — ответил Елизар.
- Ударили часы, отбивая полночь...
- Долговязый уселся у ближнего края стола, как раз напротив Елизара.
- Василий Никифорович принёс миску, деревянную ложку и гранёную стопку.
- Як зовут, хлопче? — спросил он, ставя приборы перед гостем.
- Марьян.
- А это из какой веры так?
- Католик. И то не совсем. Скорее — протестант.
- А это шо за Бог такой? — спросил Василий Никифорович, желая налить водку гостю.
- Это вера в противоположность православию, — ответил Марьян, отставляя рюмку в сторону. — Простите... не пью.
- А сам откуда будешь? — спросил Елизар.
- С Урала.

— Разве на Урале не пьют?
— Я не пью. Нет повода для веселья.
Марьян съел картошку с огурцами, запил взваром.
— Спасибо вашему дому, — и, стоя у двери, сказал: — Вас пришли убивать, а вы кормите убийц. Вот это и есть протестантизм... — и добавил нервно: — Вы пожалели нас, а вас жалеть не станут. Наш командир с вашим старостой поехали в Полтаву за пушками. У «чона» три горных «семидесятки». Утром пригонят... ваш дом в клочья разнесут.
Он набросил на плечи шинель. Нахлобучил картузик и вышел на крыльцо.
Василий Никифорович, стоя на крыльце, спросил осторожно у Марьяна:
— Про пушки не брешешь, сынок?
— Некогда мне брехать. Они всех моих побили... потому что — классовые враги. Вот им... — Марьян указал в сторону догорающего костра, — вы — враг... потому что с руками и с головой. А мне — нет...
— Зачем про пушки рассказал? — серьёзно спросил Беспалый.
— Чтобы завтрашний грех с души снять. У нас в доме говорили: «Од людзи до людзи, од свѣнтых до Буга»¹. Уходите...
— А твой дом де?
— В Ялотурвске. Это на Тоболе. Там острог для поляков был. Моего прадеда туда сослали по суду... Воевал в армии Чарторыйского².

***

Василий Никифорович лежал на кровати поверх покрывала, не раздеваясь. Снял только сапоги.

Решал — говорить Елизару про пушки. Порывался несколько раз пойти к брату в соседнюю комнату, но снова ложился, убедив себя в последний миг, что утром всё уладится.

От конюшни громко залаяли собаки — лай унёсся в сторону дальних ворот большой левады.

«Кого-то несёт нелёгкая», — подумал Василий Никифорович. Поднялся. Взял винтовку, вышел из дома, направился к леваде.

Собаки лаяли в темноту.

— Кто там! — крикнул он.

— То я, Василь, — долетел тугой, гудящий голос деда Баглая.

— Бродишь по ночи, Филон Евдокимович, шо тот гайдамака.

— Забери, Василь, своих иродов. Из делом я.

Старик Баглай был одет в овчинный кожушок, валенки и папаху. В руках он держал маленький кашпучок.

— Елизар у тебя?

— Спит... Одедся ты, дед, крепко... Май на дворе. За тобой морозы гонются?

— Моим костям и в Петровку холодно... — буркнул старик. — Пошли будить.

— Ты из чем пришёл? — раздражился Василий Никифорович.

Но Баглай не ответил. На крыльце он снял папаху, переступил через пулемёт, перекрестился.

— Ты не перепугал? — строго спросил Беспалый. — Храм твой в Онишках.

— Пошли будить! — потребовал старик.

Елизар вошёл в столовую, продолжая спать. Увидев старика, удивлённо спросил:

— Ты чего здесь делаешь, дед Филон?

— Пришёл вражину вместо тебя ждять.

— Чего? — удивился Елизар.

— Ты сичас гайни у Онишки. Там тебя дитё ждёт...

— У Василя тоже дети, — сказал Елизар, не понимая происходящего.

— Они не из нами... А Таиску из Никитой я тянул, як мог, хоть и непутёвые. А твоего уже сил моих нету.

¹ От человека к человеку, от святых к Богу (польск.).

² Чарторыйский А. - глава Национального правительства в дни Ноябрьского восстания 1830г. за независимость Польши от РИ. Министр иностранных дел РИ.

- Якого моего? — настороженно спросил Елизар.
- Мне девять десятков, — не услышав, продолжил дед Филон. — «Кажаны»-гепеушники придут и забудут, шо я был на Божьем свете...
- Ты не пужай! — недовольно перебил Елизар.
- А я не пужаю, — Филон снял кожушок. — Они меня долго из Гая выкуривать будут. И если Бог так повелел, то лучше я лягу рядом из своей сестрой, хоть и не родной, а двоюродной. На нашем онишковском цвингаре лежать не хочу. Там много добрых людей... Хоть и жизнь у меня прошла неприглядная, а всё одно не хочу рядом из ними. Они прожили своё ещё хуже, чем я, нелюдно. Несподручно мне там...
- Ты про якое выкуривание? — спросил Елизар, насторожившись.
- Не хотел говорить, — сказал дед Филон смущённо, не глядя на Елизара. — Думал... утром скажу... Чоновский «кажан», шо раскулачивать приехал, признался — их командир побег скоренько у Полтаву... за пушками...
- Думал — наш, якой за воротами караулит, брешит, — добавил Василий Никифорович.
- И вашый Ярема вместе из «кажаном» за пушками гайнул, шоб отцовский дом из земли свесть, — добавил Баглай.
- А ты откуда взял про такое, дед? — спросил Елизар.
- Тётка Евлания в царине была, бумаги ходила писать, шо согласная свой магазин отдать державе, а сама у нём продавцом. А у той момент «кажанский» командир прилетел разом из Яремой из Гая. Бумаги про магазин подписал и... вместе с чоновцем у Полтаву погнали. «Кажан» не сильно хотел, а Ярема на весь свет: «Без артиллерии это гнездо не вырвать из земли!..»
- Сука! — выкрикнул Елизар.
- Евлания услышала про такое паскудство... Бумажки забрала... До меня прибежала, — вздохнул Филон. — А я до вечера сидел... Думал... И от надумал... Сил моих нету больше в собственной хате быть.
- Василь, это як? — уже растерянно спросил Елизар.
- От чего скаж тебе братец, — Василий Никифорович поднялся, взял в руки картуз. — Ты «зауэрку» возьми из патронами... Запрягай Ворона у коляску и кругалём беги у Лубны быстро... Если прибег до тебя сам секретарь оржицкий — дело серьёзное. Для таких, як мы, влада задницу от стула не отрывают по пустяшному. А мы из Филоном Евдокимовичем тут побудем...
- Вышел из столовой. Через несколько минут вернулся с ягдашом и коробкой «ТА-ВАК RUSSE».
- Это всё, шо есть, — сказал он, протягивая Елизару коробочку. — Тут двести десять николаевских червонцев. Твоя доля. Я на всех поровну разделил. Осторожно потрать их на якоесь доброе дело. Не забудь про бумагу у свой рабфак. И беги у Киев до наших. Гуртом жить удобней. Мне деньги уже без дела. Бери Ворона и беги. Ты живой нужнее... А моим скажешь — помер вдруг посеред двора. Шел... и помер. Тебе поверят... потому, як ты дохтор.
- Давай вместе, Василь, в Киев махнём.
- Я после... як Дарью и детей у поезд посадил, места себе не нахожу. Думал — поеду следом... и буду там, шо голодный конь в деннике. А тут я — человек...
- Там нормальная жизнь.
- Уеду... А гниды из отцовского дома якой-то политнепотребный сарай сделают, а ещё хуже — буцегарню. В нашем подвале будут людей стрелять... И рядом с мамой хоронить. Обгадить нашего батьку и мамку не дам. Не заслужили мы такого у Бога, брат мой Елизар Корнеевич... Гони... А я свои похороны у сне видал. А сны у меня вещице.

22

Елизар неспешно поставил в коляску Ворона. Вывел под уздцы через ворота дальней левады. Шли околотом, чтобы не привлекать внимания чоновцев. В коляску сел, когда исчезли огни в доме. Пока конь неспешно бежал до развилки на Лубны, он решал — куда свернуть. Слова деда Филона вили веревки из его души.

«Родила, — думал он, — почему не пришла? Ну, пьёт... Но дитё... Я не оставил бы. Ну, мало ли с кем спал... Не спросил — парень или девка?.. Как-то прожили бы... А если не моё?..»

На развилке остановил «Ворона». Решал — куда ехать? Майская ночь, свежая, прохладная, подмигивала звёздами на полупустом небе, где Луна сеяла свет правой стороной. И казалось, что она высвечивает дорогу в Лубны.

«В Онишки на обратном пути», — решил Елизар.

Ударил коня вожжами, посылая в лёгкий аллюр.

* * *

У исполкома Елизар привязал Ворона на краю коновязи, застегнул железные пута. Пошёл в дом.

На крыльце стоял военный в форме ОГПУ с листочком в руках. Спросил у Елизара фамилию. Заглянул в бумажку.

— Вам у левую дверь, — военный указал на дальний угол дома.

За углом, за массивной дверью, стояли двое военных. Один взял у Елизара свидетельство фельдшера. Долго искал фамилию на листочке. Поставил против фамилии галочку.

— Распишитесь, — протянул листок Елизару. — В комнату десять вам.

В комнате «10», сразу за дверью, стоял столик. Сидел военный. Глянув мельком на вошедшего, спросил фамилию. Порылся в стопочке белых листочков, выдернул один, положил перед Елизаром.

— Распишитесь, — протянул ручку, — что ознакомлены.

— С чем?

Военный поднял на Беспалого удивлённый взгляд и процедил:

— Что вы ознакомлены об ответственности за разглашение.

— Чего?

Военный помолчал и выдал из себя:

— Это совещание очень секретное. Понятно?

Елизар на бумажке, где была написана его фамилия, поставил подпись. Спросил, возвращая бумажку:

— У нужник мне надо, в животе пьяные бабы дерутся. Огурцов из кисляком наелся... Боюсь, спорчу совещание.

Военный деловито взял в другой стопочке красный бумажный квадратик, протянул Елизару.

— На выходе покажите. Будете возвращаться — отдайте охране, — и напомнил:

— Совещание через полчаса.

Елизар пошёл по коридору. Остановился у комнаты «25». Осторожно постучал...

— У нас неприёмный день! Совещание! — вырвался из-за двери раздражённый женский крик. — Пускают кого попало!

У коновязи лошадей прибавилось. Человек пять крутились вокруг Ворона, о чём-то разговаривая.

Встревать в разговор Елизару не хотелось. Вышёл на улицу, пошёл в сторону больницы.

Больница — бывший дом генерала Яновского на перекрёстке улиц — утопала в тени густых старых лип.

У въездных ворот сидел старик, курил. Увидев Елизара, он улыбнулся.

— Давно тебя не было, Цыган Корнеевич. Ты на совещание?

— Откуда знаешь?

— Лубны два дня шушукуются. Видать, будут кого из партии выметать. Ты тоже теперь в партийной власти?

— Нет. Приехал в исполком по свим фельдшерским делам. Если не поспею до вечера... переночевать пустишь?

— Ночью мне никто не мешаит. Я тут сижу. Прибегай. Ты из конём?

— И коляской.

— Сходи на базар. Купи полмешка овса, а то в нашей больнице людей не сильно кормят, а конёв подавно. И поспрашуй у какой бабы штофик первачку. Не могу без

него утром заснуть. Да и ночью без огня в грудях не жарко. Токо гляди унимательно. «Кажаны» высматривают, хто из-под юбки торгуит. Ходят передетые, як токо их из паперти прогнали.

— Овёс у меня есть. А вот штоф я придумаю, — отетил Елизар и пошёл обратно.

Он опоздал в исполком.

Комната «10» — зал бывшего дворянского собрания — заполнена людьми наполовину. У дальней стены возле стола стоял военный с двумя ромбами в петлицах, который что-то говорил.

— Хочу повторить, шоб усе запомнили... Мы переживаем очень важный этап на пути строительства социализма и борьбы с мировой буржуазией за победу мировой революции... И наша насущная задача сегодня — активная борьба из врагами партии и народа у лице кулаков и их друзяков, якие звутся середняками. Сегодня они прячутся под жупанами половинчатых мужиков-пролетариев и думают, шо их никто не видит. Як говорит наша партия — и вашим и нашим. И носят за спиной топор против товарища Сталина и нашего «цэка». Партия даёт им усё, шоб они хорошо работали... а они сабатируют решения партии изподтишка на деньги мировой буржуазии. И зная про усё это, было принято решение — усе советские врачи не должны оказывать никакой помощи раскулаченным врагам народа. И хочу сказать изразу, шо усякие буржуйские клятвы и обещания усяких буржуйских «гипахрот?в» у нас отменяются насвегда. У нас назначатся клятва советского врача, шо мы не лечим усяких врагов, шоб не тратить на их народнии деньги...

— Степан Степанович, постойте! — долетел из коридора чей-то мужской голос: Беспалый схватился за живот, изображая боль.

— Я в нужник, — шепнул он военному, стоявшему у двери.

Тот взял со стола красную бумажечку, поставил штампик, протянул Беспалому и осторожно отворил дверь.

Коридор был пуст. Елизар подошёл к комнате «25». Она оказалась запертой.

Возвращаться в зал не захотелось. Вышел во двор, заглянул для вида в туалет.

Со двора направился в сторону базара.

В исполком Елизар вернулся к пяти часам. У коновязи стоял только Ворон. Подошёл к парадной двери — она оказалась запертой.

«Надоедайте, требуйте», — вспомнились слова Янкелевича.

Беспалый три дня приходил в комнату «25» дважды в день, утром и вечером. Степан Степанович оказывался за своим столом только к концу дня. Увидев в двери уже надоевшего фельдшера, заученно произносил, словно попугай, не отрывая глаз от бумаг:

— Завтра, завтра... — махал в сторону двери согнутой ладонью. Казалось, он сейчас громко крикнет: «Пошёл вон!»

При последнем посещении Елизар поставил стул посреди комнаты, уселся, стал снимать сапог.

— Что вы делаете? — испуганно спросил Степан Степанович.

— Ночевать. Устал ходить. Ноги болят.

— Вы с ума сошли, товарищ Беспалый! — возмутился Степан Степанович. — Это сразу не делается. Здесь не ночлежка.

Елизар опёрся на спинку стула, закрыл глаза.

Молчаливая бесцеремонность посетителя нагнала на двух женщин, сидевших в комнате, тревожный испуг. Они переглядывались между собой и Степаном Степановичем.

Елизар сбросил портянку, повесил на голенище. Принялся снимать второй сапог.

— Я сейчас позову милицию! — возмутился Степан Степанович.

— Товарищ Янкелевич поручил мне делать операции вместо себя по-женски. И предупредил... если будут роженицы с признаками на кесарево сечение — отправлять к нему в Киев в Первую Советскую больницу. И особенно если роженица... — Елизар говорил с показным безразличием. — Конечно... если поезд до Киева успеет

довезти...

Степан Степанович дёрнул ящик стола, вынул синеватый листок, нервно поднялся, вышел из комнаты. Через минуту вернулся. Встал перед Беспальым, протянул ему бумажку, с которой ходил, и сказал:

— Прэзсидателю будэ токо завтра из утра. Придэте до него и подпишитэ.

Получив подпись, поставив печать у секретаря, Елизар поехал на рынок. Купил сулею молока, тёплую паляницу и большой кружок домашней колбасы, который продавщица выковыряла из дубового бочоночка, доверху залитого смальцем. В придачу положила два квашеных огурца.

В магазине рядом с рынком попросил нарезать лоскутов для пелёнок и три метра марли.

— Ты бы, папаша, какое одеяльце из простынками взял, — предложила продавщица, реагируя на растерянное поведение посетителя. — Дитю скоко днёв?

— Месяца... два, — неуверенно ответил Елизар.

— Ты бы сходил у аптеку. Там соски привезли из Харькова и бутылочки с накопечниками. Они мягкии, шо панская перина. Моя дочка купила.

Елизар упрятал покупки в ящик коляски, поднял верх, уселся, тронул Ворона.

Дорога шла мимо станции. Елизар въехал на площадь, остановился у большой кирпичной лохани под чёрным краном. Над ним на стене большими буквами было написано: «ГОРЯЧАЯ ВОДА». Он открыл кран, желая помыть руки. Но железка пошипела и выпустила тонкую струйку холодной. Пришлось умыться ею.

В стороне площади на запасном пути стоял состав из десятка вагонов-«столыпиных», на каких, как помнил Елизар, его, солдата, везли в Польшу в четырнадцатом году. У вагонов толпились бойцы с винтовками.

Уселся в коляску, принялся есть, наблюдая за бойцами, суетившимися в бездедии вдоль вагонов.

За Пятигорцами впереди по дороге тянулась длинная тёмная нить из телег, на которых сидели люди. Рядом шли солдаты с винтовками на плечах.

Она приближалась.

От конца колонны отчётливо и ясно доносился громкий, всхлипывающий крик ребёнка. На последней телеге сидели двое — боец и парень в чёрной косоворотке. Они о чём-то разговаривали и даже смеялись. Елизар признал в парне Никиту Багала. И детский крик больно хлестнул по душе, заставил заволноваться. Привязал вожжами Ворона к стволу акации, догнал колонну, остановил телегу, уцепившись за уздечку коня.

Боец схватился за винтовку.

— Положи! — крикнул Елизар.

Чоновец испуганно подчинился.

На телеге лежала Таиска. Её рот был чуть приоткрыт. Глаза смотрели в небо белёсыми пятнами. Рядом надрывался ребёнок.

— Это чего?! — взбешённо выкрикнул Елизар.

— Кулачьё, — зачем-то ответил боец. — В Лубны на станцию везём.

Беспалый схватил руку Таисы — она была холодной.

— Никита! Мать мёртва!

— То и чего? — равнодушно спросил парень.

— А дитё?! — Елизар, болезненно воспринимая крик, попробовав подхватить кричащий свёрток. Рука наткнулась на стеклянную бутылку, лежавшую под серым свёртком. Вынул её и оторопел. На этикетке его рукой было написано: «Спирт метиловый СНЗОН».

— Откуда это у тебя! — крикнул Елизар, свирепея. Прижал плачущего ребёнка к груди левой рукой, а правой ткнул бутылку в лицо Никите

— Она сказала, щоб я пошёл до твоего шпиталя за спиртом.

— Он на замок закрыт!

— Я шибку¹ выдал, — не без гордости ответил Никита.

¹Шибка - оконная рама (укр.).

— Собирайся! — приказал Елизар. — Поедем домой!
 — Якой домой?! — возмутился боец. — У меня приказ... доставить по списку усех врагов у Лубны!
 — Женщина мёртвая!
 — А мне ниякой разницы. Я по списку получив — по списку должен издать. Никуда я не поеду из тобой, — заявил парень. — Я — у народ. До людей. Не нужны мне ваши волы и коровы... На свободу!
 — Кто в одеяле? — спросил Елизар у Никиты. — Мальчик... девочка?
 — Хлопец, — ответил парень, сворачивая самокрутку.
 — У тебя скоко людей у списке? — поинтересовался Елизар у бойца.
 — Два.

Беспалый выдохнул облегчённо, открыл бутылку, вылил спирт на землю, швырнул на обочину стекляшку, прижал плачущего младенца, молча пошёл к своей коляске, приговаривая:

— Сейчас, солнышко, мы мамкину сиську пососём...

Уложил мальчика на сидушку. От паляницы отломил ломтик твёрдого бока, смочил молоком. От края марли оторвал большой кусок, сложил вчетверо, завернул в него смоченный хлеб, вложил в рот ребёнку. Тот мгновенно успокоился, закрыл глаза и засопел, посасывая жовку.

— Сейчас приедем, — говорил Елизар, усаживаясь на сидение рядом с живым свёртком. — В Гае воды нагреем, помоем тебя. Молока напарим...

На перекрёстке свернул в Солёный Гай...

Хутор встретил молчанием и едким запахом горелого дерева.

Ворота распахнуты. Одна воротина валялась на земле, вторая, перекосившись, болталась на петле. Тут же лежали тела трёх собак с раскрытыми ртами. В них хозяйничали мухи. На месте дома груды разбитого кирпича, разломанные, обгорелые брёвна, на которых кое-где, как картофельные очистки, свисали куски пластин войлока. От него шёл удушливый запах горелой плоти. Только три печные трубы толстыми квадратными шеями тянулись к небу. Под ещё дымищимися стропилами сарая угадывался остов молотилки и железное сидение лобогрейки. Стены конюшни и хлева тоже дымились остатками разграбленного пожарища. Посреди двора валялись обручи и клёпки бочки, вымазанные смальцем, в которой хранилась зимой солона... Рядом с колодцем лежал сбитый с оси журавль...

23

Беспалый подъехал к дому исполкома. Привязал Ворона у коновязи, надел стальные пута.

Взял на руки младенца, отыскал комнату с табличкой «СЕКРЕТАРЬ».

Исидор сидел за столом, обложенный бумагами.

— Я всё знаю, — сказал он, увидев Беспалого. — Я предупреждал.

— Я не за этим. У меня вот... — положил на стол белый свёрток.

— Это чего?

— Сын... Я получил направление на рабфак в Киев. Хочу написать заявление. Пусть к вам кого пришлют вместо меня. И ещё... В Лубнах или Полтаве у вас, Исидор, нет таких знакомых, кто купит у меня коляску и Ворона?

— Белогривого? — уточнил секретарь, не веря словам Елизара.

— Хотел в Киев на нём ехать... Но понимаю — не довезу мальчика.

— Его у вас купит наш секретарь партячейки. С удовольствием. А я отвезу на станцию.

Ребёнок несколько раз всхлипнул и умолк.

— Пора кормить, — сказал Елизар, взяв конверт на руки. — Записать надо мальчика.

— А мать где?

— В Лубны отвезли. Умерла.

— А почему в Онишках не записали?

— Нашему старосте сейчас не до моих детей. Наверно, по Василию Никифоровичу поминки празднует.

Исидор вышел из кабинета. Вернулся с двумя толстыми книгами. Уселся за стол, развернул одну.

— Как записывать будем?

— Пишите — Божидар.

— Я такого... — осторожно возразил Исидор, удивлённо подняв на Елизара глаза.

— Попа у нас нету... Мы сами себе указующий перст. Хотим и пишем.

— Так и зафиксируем... — согласился секретарь. — Божидар Елизарович Беспальный... Отец — понятно... Мать?

— Энгельгардт Эльза Генриховна, — твёрдо, уверенно произнёс Елизар.

— А по национальности как писать? Ты — цыган... Она — немка.

«Немцем был прадед её мужа», — хотел сказать Елизар. Помолчал и добавил:

— Пиши по Никифору Корнеевичу... Будет по нашему деду.

Исидор взял вторую книгу, что-то записал в ней. Потом заполнил серый бланк, ударил по нему печатью.

— Поздравляю, — протянул метрическое свидетельство. — И всё же?.. Сейчас всё Октябрины, Ноябрины да Ремы в моде.

— Мать... когда ходила беременная, говорила: «Родится мальчик — назовём...» Воля... Последняя...

Продолжение следует